

ЦРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА
ИОАННОВИЧА

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы

современной лингвистики

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Мониторинг коммуникации и проблема вежливости в межпоколенном общении

Интернет-общение и «жизнь языка»: эрративы как одна из особенностей современной коммуникации

Стратегия позиционирования как манипулятивный ресурс политической коммуникации

2024 / № 6

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 6

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 6

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. – канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguatgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 6. – 130 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguatgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal “Key Issues of Contemporary Linguistics” is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal “Key Issues of Contemporary Linguistics” is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries “eLibrary” (www.elibrary.ru) and “CyberLeninka” (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2024. – № 6. – 130 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Богинская О. А.</i> Стратегия позиционирования как манипулятивный ресурс политической коммуникации.	6
<i>Быстров Н. А.</i> Вербализация концепта “civil war” в современном американском политическом дискурсе	17
<i>Дуань Сяоли.</i> Классификация объектов осмеяния и языковые средства их выражения в оригинале и переводе (на материале Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость»)	29
<i>Леонтович О. А., Никитина А. В.</i> Мониторинг коммуникации и проблема вежливости в межпоколенном общении.	41
<i>Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С.</i> Интернет-общение и «жизнь языка»: эрративы как одна из особенностей современной коммуникации	56
<i>Сенченкова М. В.</i> Сходство и отличие французской глагольной системы от русской: категория модальности	71
<i>Сергеева Ю. М., Уварова Е. А.</i> Лингвокогнитивные механизмы реализации самоуничижительного юмора в дискурсе «развлекательного унижения» (на материале англоязычных стендап-шоу)	79
<i>Фрейдина Е. Л., Сейранян М. Ю.</i> Риторический потенциал просодии в англоязычной научной презентации в условиях межкультурного общения	92

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Иванов В. Д.</i> Модальность и коннекторы. Сравнение модальных частиц, дискурсивных маркеров и коннекторов в немецком языке	102
<i>Харитонов И. В., Беляева Е. Е.</i> Особенности отражения новых референтных реалий в современных цифровых и онлайн-версиях словаря «Le Petit Robert de la langue française».	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.05 в 2024 г.	123
Диссертационный совет 72.2.020.04 расширяет географию соискателей	126

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

O. Boginskaya. Stancetaking as a Manipulative Resource in Political Discourse.	6
N. Bystrov. “Civil War” Concept Verbalization in Contemporary American Political Discourse.	17
Duan Xiaoli. Classification of Objects of Ridicule and Linguistic Means of Their Expression in the Original and Translation (on the Material of Qian Zhongshu “Fortress Besieged”)	29
O. Leontovich, A. Nikitina. Communication Monitoring and Politeness in Intergenerational Discourse.	41
N. Peshkova, A. Moiseeva, A. Titlova. Internet Communication and “Language Life”: Erratives as One of Characteristic Features of Modern Verbal Interaction	56
M. Senchenkova. Similarities and Differences Between French and Russian Verb Systems: Category Of Modality.	71
Yu. Sergeeva, E. Uvarova. Linguistic and Cognitive Mechanisms of Implementing Self-Deprecating Humour in the Discourse of “Entertaining Humiliation” (On the Material of the English Stand-Up Shows)	79
E. Freydina, M. Seiranyan. Rhetorical Potential of Prosodic Means in English Academic Presentation in the Context of Intercultural Communication	92

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

V. Ivanov. Modality and Connectors. Comparison of Modal Particles, Discursive Markers and Connectors in German.	102
I. Kharitonova, E. Belyaeva. Peculiarities of Reflecting New Reference Realities in Modern Digital and Online Versions of the Dictionary «Le Petit Robert De La Langue Française»	112

ACADEMIC LIFE

Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.05 in 2024	123
Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.04 Expands the Geography of Applicants	126

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Original research article

УДК 81:316.77

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-6-16

STANCETAKING AS A MANIPULATIVE RESOURCE IN POLITICAL DISCOURSE

O. Boginskaya

*Irkutsk National Research Technical University, ulitsa Lermontova 83, Irkutsk 664074,
Russian Federation*

e-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Received by the editorial office 29.07.2024

Accepted for publication 22.08.2024

Abstract

Purpose. This study uses a corpus of V. Zelensky's speeches given before foreign parliaments as the basis of a pragmatic analysis and applies to it the stance framework of Hyland. It aims to examine stance-taking as a manipulative strategy and its linguistic realization in Zelensky's representations of the Russo-Ukrainian conflict. More specifically, this study focuses on how the Ukrainian President manipulates stance features in his political rhetoric to control the power relationship with an audience and persuade them into accepting his ideas and policies.

Methodology. 15 Zelensky's speeches delivered before foreign parliaments were used as materials for the study. The study aims to analyze how stance is realized linguistically in presidential discourse, the methods of quantitative and qualitative analysis were applied. Based on the results drawn from the quantitative analysis, pragmatic functions of stance features, speaker's preferences for these resources and their frequencies in the texts were revealed.

Results. The analysis showed that yet Zelensky used all three types of stance-taking resources – boosters, attitude and self-mention markers, he opted for the latter two ones, avoiding the extensive use of certainty and intensity devices. The article concludes that the strategic use of stance features is of great value to the politician as it helps emphasize or de-emphasize social actions or social actors, enhance credibility, and persuade recipients into believing or doing something.

Research implications. The article specified the concept of stance in relation to political communication and demonstrated that stance features can serve a manipulative purpose exploited by politicians to enhance credibility. This study demonstrates the effectiveness of using stance to study manipulation in political communication.

Keywords: stance-taking, stance features, boosting, self-mention, attitude, political discourse, manipulation

For citation:

Boginskaya, O. A. (2024). Stancetaking as a manipulative resource in political discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-6-16>

Научная статья

СТРАТЕГИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Богинская О. А.

Иркутский национальный исследовательский технический университет, 6640746, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83, Российская Федерация
e-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 29.07.2024

Принята к публикации 22.08.2024

Аннотация

Цель. Прагматический анализ в данном исследовании основан на подборке выступлений В. Зеленского перед иностранными парламентами, к которым применяется подход Хайланда. Целью исследования является изучение стратегии позиционирования как манипулятивного ресурса и ее лингвистической реализации в представлениях Зеленского о российско-украинском конфликте. В частности, это исследование посвящено тому, как украинский президент манипулирует позицией в своей политической риторике, чтобы контролировать отношения власти с аудиторией и убеждать ее принять его идеи и политику.

Процедура и методы. Материалом исследования стали 15 выступлений украинского президента В. Зеленского в парламентах зарубежных государств. С целью исследования лингвистической реализации стратегии позиционирования в политическом дискурсе были использованы методы количественного и качественного анализа. На основе результатов количественного анализа были выявлены прагматические функции средств позиционирования и частотность их использования говорящим.

Результаты. Анализ показал, что, несмотря на то, что Зеленский использовал все три типа средств формирования позиции – стимуляторы, маркеры отношения и самореференции, он предпочитает последние два, избегая широкого использования средств выражения уверенности и усиления. В статье делается вывод о том, что стратегическое использование особенностей позиции имеет большую ценность для политика, поскольку оно помогает подчеркнуть или преуменьшить значимость социальных действий или социальных акторов, повысить доверие к ним и убедить реципиентов поверить во что-то или сделать что-то.

Теоретическая значимость. В статье уточняется понятие стратегии позиционирования и средств её реализации применительно к политической коммуникации и устанавливается роль данной стратегии как манипулятивного ресурса политического оратора. В целом, данное исследование доказывает эффективность использования стратегии позиционирования для исследования манипуляции в политической коммуникации.

Ключевые слова: позиционирование, средства позиционирования, бустинг, самореференция, отношение, политический дискурс, манипуляция

Для цитирования:

Богинская О. А. Стратегия позиционирования как манипулятивный ресурс политической коммуникации // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-6-16>

Introduction

Politicians strategically use language for specific purposes not simply producing texts that represent a social reality, but also constructing and negotiating social relations by making linguistic and discursive choices. They seek to create a credible representation of themselves by claiming solidarity with an audience, evaluating and controlling the level of personality to build persuasive arguments. Political discourse is therefore a semiotic practice which is socially constituted and determined by social structures and relations. Stance as an interactional element is a helpful manipulative tool used in political text and talk to control the propositional content, present viewpoints, project values, capture trust, and build rapport with an audience, being both an act of representation and expression that constitutes a type of meaning represented in discourse [1].

In recent years, stance has established itself as an analytical tool used in research on a variety of manipulative discursive practices, including political ones [2–9]. In A. Capone's study, for example, Barack Obama's speeches were explored from the perspective of pragmemes. The researcher found that the discourse strategy chosen by the US President is aimed at reversing the direction of influence from the people in control to the people controlled [2]. B. Sukma, who investigated stance markers in Obama's campaign speeches, found that the American President made use of a variety of stance categories, including hedges, boosters, attributors, and attitude markers. The high frequency of attitude markers in Obama's speeches indicated an attempt to build an emotional relationship with the public [3]. E. Mirzaeian adopted an intracultural approach to explore the similarities and differences between Barack Obama and Donald Trump in terms of stance markers used in their speeches on the Iran nuclear deal [4]. Z. Maalej made an attempt to explore person deixis in the speeches of the president of Tunisia from the perspectives of critical discourse analysis [5]. M. Stepanova's study compared key manipulation resources

in political speeches by Barack Obama and David Cameron and revealed that while the image of the US president is emotional type, the image of the British prime-minister is rational [6]. Russian President Putin's rhetoric became a focus of research in the study by N. Babich, who identified linguistic resources of persuasion and structural and semantic features of presidential interviews [7].

Regarding Zelensky's political discourse, D. Luthfiyati and F. Nur Hamidah explored the employment of first-person pronouns by the Ukrainian President and revealed that he overuses singular personal pronouns to express gratitude and admiration, professional and personal experience, arguments, aspirations, and commitment [8]. Using Zelensky's online speech at the Japanese parliament in March 2022, M. Matsuoka and R. Matsuoka have explored the ways in which V. Zelensky establishes solidarity with the public. The utterances produced by the Ukrainian President were evaluated in terms of relative power, social distance and weight of imposition. The analysis revealed that Zelensky's speech adopted both face-threatening and face-boosting effects [9]. Another study of Zelensky's discourse was conducted by N. Guliashvili, who made an attempt to illustrate how linguistic resources are used by the Ukrainian President to "discursively construct national identity in the context of the 2022 Russia-Ukraine war" [10, p. 779].

Even though the Ukraine events have been extensively examined from different perspectives and the findings obtained are valuable, there seems to be insufficient research on how it is discursively constructed drawing upon the concept of stance as an effective manipulative tool in discourse. The present study therefore examines stance-taking and its linguistic realization in Zelensky's representations of the war intended to exercise control over the audience and legitimize political decisions. To achieve the purpose, the research seeks to identify the distribution and frequencies of stance features used by the Ukrainian President and to describe the pragmatic functions they perform.

Methodology

With the aim to show how stance features can enhance the manipulative effect of claims in political discourse, presidential video addresses on the Ukraine conflict which are stored at the official presidential websites were scrutinized and interpreted. The speeches were derived from the official website of V. Zelensky *ze2019.com*, which publishes Zelensky's speeches in Ukrainian and English. The launch of the special military operation in Ukraine in February 2022 was employed to determine the limits of the period from which the speeches were collected. Only monologue texts were selected for the analysis. The data selection criteria therefore included: timeframe (February 2022 till present); content focus (Ukraine crisis); type of speech (monologue); language (English).

The texts represent 15 Zelensky's speeches. All the speeches included in the corpus were delivered before the legislative bodies of the foreign countries. The size of this corpus was 45,801. On average, the speeches selected for the study were about 1,500-3,000 in length. The longest speech (about 1900 words) was delivered before the US Congress on December 22, 2022.

For the purpose of this study, K. Hyland's taxonomy of stance resources was adopted [11]. The rationale behind adopting this model is threefold: first, the taxonomy appears to be comprehensive and provides a clear understanding of various stance features varying from indicators of authorial presence to the expressions of certainty and feelings towards social events, social actions, and social actors; second, the employment of the model as an analytical tool facilitates comparison of the research results; and third, the taxonomy allows linguistic items to correlate with specific pragmatic functions. The taxonomy includes hedges (*may, might, likely, possibly*) used to suppress full commitment to propositional content; boosters (*evident, show, certainly*) that allow speakers to express certainty in what they say and to mark involvement with the topic; attitude markers (*surprising, crucial, tragic,*

serious) employed to indicate the speaker's affective attitude to propositions; and self-mention markers (*I, we, my, our*) that manifest the explicitness of an authorial presence. It should be noted that hedges as a type of stance features were excluded from the analysis as far as mitigation weakens claims and reduces the degree of reliability of speaker's statements, which is not typical of persuasive crisis discourse requiring claims to be asserted categorically rather than prudently to justify unpopular policies often taken in times of crisis. Even though hedges may convey an attitude of deference to recipients, their ability to express doubt about the truth of statements and to open room for a potential disagreement does not contribute to enhancing the persuasive effect in crisis discourse intended to influence recipients' beliefs and actions. The stance model suggested shows how speakers exploit community-sensitive linguistic resources to represent themselves and their positions to be more convincing in their arguments. These patterns of effective persuasion are very common in political speeches, particularly those given on crisis-related occasions.

As the study aims to analyze how stance is realized linguistically in presidential discourse on Ukraine crisis, the methods of quantitative and qualitative analysis were applied. The texts of the speeches were downloaded from the website, converted to the Microsoft DOCS format and analyzed to calculate the total number of stance features. The quantitative analysis followed two stages. First, the texts were scrutinized for stance features using WordSmith Tools (version 8). Every occurrence of a stance feature was manually double checked in context to verify that it was serving the stancetaking function. This was done by comparing every occurrence with the definition of stance provided by Hyland [11]. Examples that did not match the definition of stance were excluded from the count. Each type of stance-taking (boosting, attitude, and self-mention) was then analyzed to determine its frequency. Normalized frequencies were calculated to

compare the use of stance features in the corpus. The frequencies were calculated per 10,000 words. The results of the quantitative analysis were summarized in a table format. The quantitative analysis was thus combined with a manual qualitative analysis of the examples which was conducted to interpret the findings of the quantitative analysis. To ensure in-depth exploration into the use of stance features, examples were taken from the corpus and explanations were provided to describe the functions of stance features found.

Findings

The quantitative analysis of the corpus revealed that the normalized frequencies of stance features differed significantly in the corpus. The analysis revealed the predominance of self-mention markers (58.1 per 10,000 words) over the other types of stance. Attitude markers ranked second with 52.3 per 10,000 words. Boosters were least frequent in the corpus (see Table 1).

Table 1 / Таблица 1

Frequencies of stance features / Частотность маркеров позиционирования

Stance features	Normalized frequency
Boosters	38.6
Attitude markers	52.3
Self-mention markers	58.1
- <i>I</i> -pronouns	7.4
- <i>inclusive we</i> -pronouns	38.1
- <i>exclusive we</i> -pronouns	12.6
Total	149

Below you will find the contextual analysis of stance markers used by V. Zelensky in his speeches to gain political support.

1. Boosters. Because every point made in presidential speeches is subject to the recipients' interpretation and acceptance, boosters make persuasion more effective by strengthening the asserted position. They help in convincing the recipients of reason-

ability of policies; by conveying a clear stance towards the certainty of a proposition, they help the politician project credibility as a national leader and create an image of authority and conviction in his decision-making. As M. Waldman claims, "successful leadership in crisis requires that the public trust the leaders to tell the truth" [12, p. 120]. The analysis revealed that to succeed in his communication with the public, Zelensky sought to build a relationship of trust using appropriate boosting resources. Here are two examples from the corpus in which Zelensky uses boosters to strengthen the argument and convince the audience of his position about the future of Ukraine and democracy in his country.

(1) *And next year will be a turning point, I know it, the point when Ukrainian courage and American resolve must guarantee the future of our common freedom, the freedom of people who stand for their values.*

(2) *I know that everything depends on us, on Ukrainian armed forces, yet so much depends on the world.*

In his persuasive efforts, delivering a speech before the US Congress, V. Zelensky exploits the boosting potential of the epistemic verb 'know' and the modal 'must'. In addition, he strengthens the illocutionary force of his statement through the use of the first-person pronouns 'I', 'our' and 'us' to emphasize his personal stance and express solidarity with the US Congressmen ('our common freedom').

In addition to indicating certainty and creating a credible image, V. Zelensky also sought to increase the emotive strength of his claims through the employment of intensity boosters, as illustrated in (3).

(3) *Our people are very much motivated. Very much so.*

Double employment of the adverbial phrase 'very much' helps V. Zelensky connect with the audience – the European Parliament – emotionally and intensifies the manipulative effect of the claim. He sees the problems he touches upon as vital and seeks to encourage the audience to consider them

in the same way. The degree adverb 'very' followed by 'much' is helpful in enhancing persuasion through a committed attitude. The analysis revealed that along with the modal 'must', the adverb 'very' was the most frequent boosting device in Zelensky's speeches – it occurred 21 times.

2. Attitude markers. Attitude markers indicate affective perspectives also influencing the public and projecting a positive image of the own country and its allies and a negative image of the enemy, which is one of the most common discursive strategies in Zelensky's discourse. Using this strategy, he devoted significant time to demonizing the enemy, characterizing his country as a victim to win the audience's support and sympathy. Adjectives, adverbs and nouns used as attitude markers enabled V. Zelensky to present information as true, false, important, disturbing or surprising, and to create different images of social actors thus emotionalizing the speech. The following instance (4) features negative emotion tokens, the function of which is to reveal Zelensky's evaluation of the Russian policies and discredit them to induce hatred in the audience. V. Zelensky describes Russia as an occupier, a threat, or a tyranny seeking to absorb Ukraine and destroy the Ukrainian cities. From the cognitive point of view, he sought to manipulate the mind of the audience through the control of their thoughts, emotions, and actions. Presenting Russia with negative characteristics helps him create a depersonified vision of the enemy and increase anger and hatred towards Russia and the Russian Government.

(4) *We must act united – to defeat the **aggressor** and focus all our capabilities and energy on addressing these challenges. ... The **occupiers** have a significant advantage in artillery.*

The analysis revealed that the most common patterns used for describing Russia are observed with the words 'aggressor' (12 instances) and 'occupier' (10 instances) as in the above examples and the word 'threatening' (10 instances), as illustrated below:

(5) *It is obviously **threatening** Kazakhstan and the Baltic states...*

Zelensky does not hesitate to rely on the appeal to fear with the aim of creating a mental conflict between what is considered ethically correct (being a pacifist) and what is needed to protect the country against the threat posed by the enemy. It is a strategy of manipulation realized through the use of attitude markers, where the speaker creates a polarized vision of the facts, focusing those that favor his position and defocusing those data that could harm it.

Additionally, the analysis revealed that while V. Zelensky used negative attitude markers predominantly towards Russia and the Russian Government, positive descriptions were attributed both to Ukraine, the Ukrainian people and the Ukraine's allies, as in below.

(6) *I am certain that **devoted** soldiers and officers of Russia's Armed Forces will perform their duty with **professionalism** and **courage**.*

(7) *Threw everything it had against the free world, just like the **brave** American soldiers which held their lines and fought back Hitler's forces during the Christmas of 1944.*

(8) *We already built **strong** Ukraine, with **strong** people, **strong** army, **strong** institutions together with you.*

Combined with the high occurrence of negative descriptions of Russia, positive attitude markers helped create a favorable image of Ukraine and Ukraine's supporters based on the dichotomist worldview.

3. Self-mention markers. As O. Dontcheva-Navratilova puts it, constructing an authorial persona is one of the key strategies for enhancing credibility [13] This strategy can be realized through the use of self-mention markers, which manifest the explicitness of an authorial presence, measure the distance between the speaker and the public and are employed to manipulate people adding significant power to persuasive language. In political discourse, self-mention realized through the personal pronouns has an important ideological dimension. As

T. van Dijk claimed, “pronouns are perhaps the best known grammatical category of the expression and manipulation of social relations, status and power, and hence of underlying ideologies” [14, p. 203].

I-pronoun is one of the most effective ways of signalling personal identity, speaker’s beliefs, experience, and intentions and taking personal responsibility for decisions. In addition to contributing to greater speaker visibility in discourse, *I*-utterances have “all the reliability of first-hand claim” [15, p. 92].

In Zelensky’s speeches *I*-pronouns were predominantly used to convey personal opinions and convictions, as in here:

(9) ***I believe that today we are showing everybody that’s exactly what we are.***

In this example derived from Zelensky’s speech made before the European Parliament, *I*-pronoun emphasizing his intent to identify himself with the argument is used together with exclusive *we*, which indicates the speaker’s desire to express solidarity with the Ukrainian people fighting for their survival.

In Zelensky’s discourse, *I*-pronoun was also frequently used within the performative phrases as in ‘I want to thank’, ‘I would like to thank’, or ‘I thank’ to demonstrate gratitude to those who support his policies. Demonstrating the ability to be grateful appears to be a very efficient manipulative strategy for imparting trust in the speaker and build confident rapport with the public.

(10) ***Now, on this special Christmastime, I want to thank you, all of you. I thank every American family which cherishes the warmth of its home and wishes the same warmth to other people. I thank President Biden and both parties, at the Senate and the House, for your invaluable assistance. I thank your cities and your citizens who supported Ukraine this year.***

(11) ***I would like to thank those leaders who supported our Black Sea Grain Initiative, and program “Grain from Ukraine”.***

Yet *I*-pronoun can perform a variety of pragmatic functions, it was not as frequent as *we*-pronoun, which performed a variety

of discursive functions, including appealing to unity and shared experience, expressing solidarity or consensus, or sharing duties. The corpus featured the predominance of inclusive uses of *we*-pronouns.

(12) ***We are Ukrainians We have a desire to see our children alive.***

Inclusive *our* is used to position Zelensky in solidarity with the Ukrainian citizens. This type of self-mention functions as a persuasive ‘inclusion strategy’, a strategy of group orientation, in which speakers seek to unite themselves with the public. The more first person plural pronouns are used, the more group oriented the speaker is. Solidarity in this case triumphs over personal responsibility and authoritativeness, thus reflecting a sense of unity. In this example, ‘we’ is a marker of solidarity with the Ukrainian people who want to protect their country.

Regarding exclusive *we*, it displays Zelensky’s institutional identity as a leader of the country addressing the audience on behalf of the Ukrainian Government.

(13) ***You are demanding security guarantees from NATO, but we also demand security guarantees. Security for Ukraine from you, from Russia and other guarantees of the Budapest memorandum.***

This example also features a clear opposition of positively presented *we* (the Ukrainian people) and negatively presented *they* (Russia). The plural pronouns in Zelensky’s discourse are valuable linguistic means used to promote a dichotomist worldview. V. Zelensky depicts Russia as an aggressor who is ready to cross any red lines to annex Ukraine’s territories thus creating a threat to the national security. Ukraine (*we*) is presented as a victim of Russia’s aggressive policies, and the war is the only chance to assert the right to peaceful development.

Discussion

Drawing upon Zelensky’s speeches on the Russo-Ukrainian relationship, I made an attempt to illustrate how stance features can be exploited in political discourse with the aim to influence the public and justify presiden-

tial policies. Achieving the research purpose, the study revealed some trends in the use of stance features by the Ukrainian President.

It was found that V. Zelensky used stance features to realize a number of pragmatic functions such as demonstrating conviction in his policies and ideas, expressing attitude towards social actions and social actors, and presenting his discursal self.

The analysis revealed that among the three types of stance employed to achieve persuasive effects, self-mention markers were more frequently used in Zelensky's discourse.

The use of boosters in political discourse indicates Zelensky's attempts to speak with confidence by suppressing alternative ideas. In manipulative texts such as crisis-related public speeches, boosters are helpful in creating an impression of certainty and assurance and instilling trust and confidence in the audience. As M. Peacock put it, boosters that increase the force of statements persuade an audience that the claims are justified and that the observations made by the speaker are facts rather than assumptions [16].

The high density of attitude markers might correspond with the explicit communication style adopted to appear to be a transmitter of feelings and to hold the burden of communication. Attitude markers were predominantly used for emotionalizing claims by appealing to negative or positive feelings. The role of the affective dimension of manipulative discourse has been emphasized in a number of studies. Particularly, R. Breeze claimed that "politicians who can embody and express feelings that resonate with large sectors of the electorate, or who know how to carry voters with them on an affective level, are often highly successful" [17, p. 27]. In the same vein, T. van Dijk argued that appeals to attitudes and emotions of the recipients are those discourse structures that enhance the manipulative effect of arguments [18]. The analysis revealed that V. Zelensky tended to project positive assessments and emotions onto his own country and allies while negative lexical items were used to depict the en-

emy. This juxtaposition is well explained in terms of van Dijk's Ideological Square Model of positive self-presentation and negative other-presentation. According to van Dijk, the polarization between *Us* and *Them* is manifested through linguistic resources employed to realize one of the following strategies: 1) positive self-representation, i.e. representing the in-groups' members (*Us*) positively by de-emphasizing their negative and emphasizing their positive features; 2) negative other representation, i.e. representing the out-groups' members (*Them*) negatively by de-emphasizing their positive and emphasizing their negative features [14]. Attitude markers proved to be effective linguistic resources used by Zelensky to portray favorable images of *Us* and *They*.

Regarding self-mention markers, they were used most frequently by V. Zelensky and indicated a conscious choice to adopt a particular stance and authorial identity. Employing a specific personal pronoun to refer to himself may reveal how distant the speaker and public are from one another [19]. Taking different types of self-mention markers into account, inclusive *we*-pronouns were most highly preferred by Zelensky. The analysis revealed that V. Zelensky used *I*-pronouns mainly to express personal opinions or gratitude to those who support his country and extremely rarely to convey his personal opinions and declare personal responsibility. Regarding the two types of *we*-pronoun, exclusive *we* was also not frequent (30 occurrences), which indicates Zelensky's desire to avoid speaking on behalf of the Government and the people. It was also found that *we*-pronoun was frequently used to emphasize an *Us vs Them* distinction through the negative evaluation of the enemy and positive evaluation of Ukraine and the Ukrainian allies. This common strategy of political rhetoric – the framing of the world in terms of dichotomies – is one of the mainstays of political rhetoric [20; 21], which enhances the persuasiveness of claims.

The analysis showed that through the use of straightforward, emotional and personal

language, V. Zelensky sought to convey his concern over the Russia-Ukraine conflict with clarity and conviction. The power to influence the public or change was demonstrated by his command of stance features. Knowledge of the strategic use of stance features is therefore of great value to the politician as it helps emphasize or de-emphasize social actions or social actors and persuade recipients into believing or doing something.

Conclusion

The study aimed to analyze stance markers in crisis discourse drawing upon a corpus of Ukraine-related speeches given by Ukrainian President Zelensky. More specifically, this study focused on how V. Zelensky manipulates stance features in his political rhetoric to control the power relationship with an audience and persuade them into supporting his decisions. Based on the re-

sults drawn from the quantitative analysis, the types, frequencies and pragmatic functions of stance features were revealed.

Overall, the empirical material and the interpretative analysis showed that an attempt to draw upon the concept of stance could be valuable in the analysis of manipulative discourse, and this concept opens a prospective area for research in the study of political communication. Therefore, I hope that this article provides insights into the field of political discourse analysis where stance plays a crucial role.

I am conscious that the small size of the corpus employed in the present study may affect the findings, and more research should be carried out on this issue. Despite this limitation, I believe that the goal of this research – to demonstrate that stance features can serve a manipulative purpose and are exploited by politicians to gain support and enhance credibility – has been achieved.

REFERENCES

1. Ajiboye, E. & Abioye, T. (2019). When Citizens Talk: Stance and Representation in Online Discourse on Biafra Agitations. In: *Discourse & Society*, 30 (2), 117–134. DOI: 10.1177/0957926518816197.
2. Capone, A. (2010). Barack Obama's South Carolina Speech. In: *Journal of Pragmatics*, 42 (11), 2964–2977. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.06.011.
3. Sukma, B. P. (2017). Interpersonal Metadiscourse Markers as Persuasive Strategies in Barack Obama's 2012 Campaign Speeches. In: *Aksara*, 29 (2), 283–292. DOI: 10.29255/aksara.v29i2.82.283-292.
4. Mirzaeian, E. (2020). An Intra-Cultural Analysis of Interpersonal Metadiscourse Markers Used in Obama and Trump's Speeches on the Iran Nuclear Deal. In: *Corpus Pragmatics*, 4, 191–205. DOI: 10.1007/s41701-019-00076-7.
5. Maalej, Z. A. (2012). The 'Jasmine Revolt' has made the 'Arab Spring': A critical discourse analysis of the last three political speeches of the ousted president of Tunisia. In: *Discourse & Society*, 23 (6), 679–700. DOI: 10.1177/0957926512452973.
6. Stepanova, M. A. (2012). Manipulative devices as means of creating images of politicians (on the material of orientational public speeches given by Barack H. Obama and David W. D. Cameron). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics, 4, 106–112 (in Russ.).
7. Babich, N. G. (2013). Presidential rhetoric of V. Putin (on the example of the presidential interview). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics, 6, 6–12 (in Russ.).
8. Luthfiyati, D. & Nur Hamidah, F. (2022). The Power of Ukraine's President: Personal Pronouns on Zelensky's Speech. In: *Celtic: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature and Linguistics*, 9 (2), 177–189. DOI: 10.22219/celtic.v9i2.23186.
9. Matsuoka, M. & Matsuoka, R. (2022). Cultivation of Solidarity and Soft Power: Ukrainian President Zelensky's 2022 Speech to Japan. In: *East European Journal of Psycholinguistics*, 9 (2), 98–115. DOI: 10.29038/eejpl.2022.9.2.mat.
10. Guliyashvili, N. (2023). National identity revisited: Deictic WE in President Zelenskyy's speeches on Russia-Ukraine war. In: *Journal of Language and Politics*, 22 (6), 779–801. DOI: 10.1075/jlp.22106.gul.
11. Hyland, K. (2005). Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse. In: *Discourse Studies*, 7 (2), 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365.
12. Waldman, M., ed. (2003). *My fellow Americans: The Most Important Speeches of America's Presidents, from George Washington to Barack Obama*. Naperville, IL, Sourcebooks.

13. Dontcheva-Navratilova, O. (2023). Persuasion in multimodal digital genres: building credibility in video abstracts. In: *ESP Today*, 11 (2), 213–236. DOI: 10.18485/esptoday.2023.11.2.2.
14. van Dijk, T. A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, Sage.
15. Hodge, R. & Kress, G. (1993). *Language as Ideology*. London: Routledge.
16. Peacock, M. (2011). A cross-disciplinary comparison of boosting in research articles. In: *Corpora*, 1 (1), 61–84. DOI: 10.3366/cor.2006.1.1.61.
17. Breeze, R. (2019). Emotion in politics: Affective-discursive practices in UKIP and Labour. In: *Discourse & Society*, 30 (1), 24–43. DOI: 10.1177/0957926518801074.
18. van Dijk, T. A. (2006). Discourse and Manipulation. In: *Discourse & Society*, 17 (3), 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
19. Suryaningsih, Y. (2021). A Critical Discourse Analysis of Personal Pronouns in Greta Thunberg's Speeches. In: *SAGA: Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*, 2 (1), 55–64. DOI: 10.21460/saga.2020.21.34.
20. Breeze, R. (2017). Tired of nice people? An Appraisal-based approach to Trump's dichotomies. In: *Cultura, Lenguaje y Representación*, 18, 7–15. DOI: 10.6035/clr.2017.18.1.
21. Dzakhova, V. T. & Skripai, I. I. (2023). Nuclear namings for the concepts “one's own” / “alien” in the English language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 108–121. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-108-121 (in Russ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ajiboye E., Abioye T. When Citizens Talk: Stance and Representation in Online Discourse on Biafra Agitations // *Discourse & Society*. 2019. Vol. 30. Iss. 2. P. 117–134. DOI: 10.1177/0957926518816197.
2. Capone A. Barack Obama's South Carolina Speech // *Journal of Pragmatics*. 2010. Vol. 42. Iss. 11. P. 2964–2977. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.06.011.
3. Sukma B. P. Interpersonal Metadiscourse Markers as Persuasive Strategies in Barack Obama's 2012 Campaign Speeches // *Aksara*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 283–292. DOI: 10.29255/aksara.v29i2.82.283-292.
4. Mirzaeian E. An Intra-Cultural Analysis of Interpersonal Metadiscourse Markers Used in Obama and Trump's Speeches on the Iran Nuclear Deal // *Corpus Pragmatics*. 2020. Vol. 4. P. 191–205. DOI: 10.1007/s41701-019-00076-7.
5. Maalej Z. A. The 'Jasmine Revolt' has made the 'Arab Spring': A critical discourse analysis of the last three political speeches of the ousted president of Tunisia // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23. Iss. 6. P. 679–700. DOI: 10.1177/0957926512452973.
6. Степанова М. А. Манипулятивные приёмы как средство создания образов политических деятелей (на материале ориентационных публичных выступлений Барака Х. Обамы и Дэвида У. Д. Кэмерона) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2012. № 4. С. 106–112.
7. Бабич Н. Г. Президентская риторика В. Путина (на примере президентского интервью) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2013. № 6. С. 6–12.
8. Luthfiyati D., Nur Hamidah F. The Power of Ukraine's President: Personal Pronouns on Zelensky's Speech // *Celtic: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature and Linguistics*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 177–189. DOI: 10.22219/celtic.v9i2.23186.
9. Matsuoka M., Matsuoka R. Cultivation of Solidarity and Soft Power: Ukrainian President Zelensky's 2022 Speech to Japan // *East European Journal of Psycholinguistics*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 98–115. DOI: 10.29038/eejpl.2022.9.2.mat.
10. Guliashvili N. National identity revisited: Deictic WE in President Zelensky's speeches on Russia-Ukraine war // *Journal of Language and Politics*. 2023. Vol. 22. Iss. 6. P. 779–801. DOI: 10.1075/jlp.22106.gul.
11. Hyland K. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7. Iss. 2. P. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365.
12. My fellow Americans: The Most Important Speeches of America's Presidents, from George Washington to Barack Obama / ed. M. Waldman. Naperville, IL: Sourcebooks, 2003. 337 p.
13. Dontcheva-Navratilova O. Persuasion in multimodal digital genres: building credibility in video abstracts // *ESP Today*. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 213–236. DOI: 10.18485/esptoday.2023.11.2.2.

14. van Dijk T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998. 384 p.
15. Hodge R., Kress G. *Language as Ideology*. London: Routledge, 1993. 230 p.
16. Peacock M. A cross-disciplinary comparison of boosting in research articles // *Corpora*. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 61–84. DOI: 10.3366/cor.2006.1.1.61.
17. Breeze R. Emotion in politics: Affective-discursive practices in UKIP and Labour // *Discourse & Society*. 2019. Vol. 30. Iss. 1. P. 24–43. DOI: 10.1177/0957926518801074.
18. van Dijk T. A. *Discourse and Manipulation* // *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17. Iss. 3. P. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
19. Suryaningsih Y. A Critical Discourse Analysis of Personal Pronouns in Greta Thunberg's Speeches // *SAGA: Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 55–64. DOI: 10.21460/saga.2020.21.34.
20. Breeze R. Tired of nice people? An Appraisal-based approach to Trump's dichotomies // *Cultura, Lenguaje y Representación*. 2017. Vol. 18. P. 7–15. DOI: 10.6035/clr.2017.18.1.
21. Дзахова В. Т., Скрипай И. И. Ядерные номинанты концептов «свой» / «чужой» в английском языке // *Вопросы современной лингвистики*. 2023. № 5. С. 108–121. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-108-121.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Boginskaya (Irkutsk) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Irkutsk National Research Technical University;
ORCID: 0000-0002-9738-8122; e-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богинская Ольга Александровна (г. Иркутск) – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета;
ORCID: 0000-0002-9738-8122; e-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Научная статья
УДК 81`42 + 811.111
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-17-28

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА “CIVIL WAR” В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Быстров Н. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация
МИРЭА – Российский технологический университет, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78, Российская Федерация
e-mail: nikbyst.notabene@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.06.2024

После доработки 29.07.2024

Принята к публикации 17.08.2024

Аннотация

Целью данной работы было выявить структуру концепта “civil war” и особенности его вербализации в современном политическом дискурсе США.

Процедуры и методы. Исследование основывается на применении методов текстуального, контекстуального и концептуального анализа.

Результаты. В ходе работы был сделан вывод, что ядро номинативного поля концепта “civil war” составляют два компонента его языкового значения: “division” и “extreme violence”. Компоненты “confrontation” и “chaos” можно отнести к периферийным. Проведённый анализ корпуса публицистических текстов показал, что репрезентация концепта “civil war” может осуществляться эксплицитно и имплицитно, а также на уровне взаимодействия лингвистики и общей семиотики в аудиовизуальном виде. Кроме того, репрезентанты анализируемого концепта могут относиться к лексике, обозначающей понятия “in” и “out”, уничижительной лексике и к словам – «цветовым маркерам».

Теоретическая и/или практическая значимость. По итогам работы была предложена модель концептуального анализа современного американского политического дискурса и продемонстрирована её реализация.

Ключевые слова: американский политический дискурс, концепт, ядерные компоненты языкового значения концепта, периферийные компоненты языкового значения концепта, концептуальный анализ

Для цитирования:

Быстров Н. А. Вербализация концепта “civil war” в современном американском политическом дискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 17–28. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-17-28>

Original research article

“CIVIL WAR” CONCEPT VERBALIZATION IN CONTEMPORARY AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

N. Bystrov

*Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory 1, Moscow 119991, Russian Federation
MIREA – Russian Technological University, prospect Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation*

e-mail: nikbyst.notabene@yandex.ru

Received by the editorial office 11.06.2024

Revised by the author 29.07.2024

Accepted for publication 17.08.2024

Abstract

Aim. To identify the structure of the concept of “civil war” and its verbalization features in contemporary American political discourse.

Methodology. The research is based on the application of textual, contextual and conceptual analysis methods.

Results. During the research, it was concluded that the core of the meanings of the concept “civil war” includes “division” and “extreme violence”. The meanings “confrontation” and “chaos” can be referred to as the peripheral ones. The analysis of the corpus of social and political journalistic texts has shown that the representation of the “civil war” concept can be carried out explicitly and implicitly, as well as at the level of interaction of linguistics and general semiotics in audiovisual form. In addition, the analyzed concept representatives may refer to vocabulary denoting the concepts of “in” and “out”, pejorative vocabulary, as well as “color markers” words.

Research implications. Based on the results of the work, a model of conceptual analysis of modern American political discourse was proposed and its implementation in practice was demonstrated.

Keywords: American political discourse, concept, core concept meaning, peripheral concept meaning, conceptual analysis

For citation:

Bystrov, N. A. (2024). “Civil war” concept verbalization in contemporary American political discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 17–28. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-17-28>

Введение

Тема гражданского раскола в Соединённых Штатах всё чаще поднимается в американском общественном поле. Точкой стремительной радикализации разделения современного американского общества многие исследователи считают президентские выборы 2020 года и их итоги. В связи с этим, концепт “civil war” всё больше актуализируется в общественно-политическом дискурсе Америки. Так, например, в 2021 году в американском

издании вышла статья со ссылкой на социологический доклад Edelman Trust Barometer, в которой указывается, что половина из опрошенных американцев уверены в том, что США находится в состоянии «холодной гражданской войны»¹. В этом же году Политический центр при

¹ Kay G. A majority of Americans surveyed believe the US is in the midst of a 'cold' civil war. Business Insider [Электронный ресурс] // Business Insider: [сайт]. URL: <https://www.businessinsider.com/many-people-united-states-believe-cold-civil-war-survey-2021-1> (дата обращения: 10.06.2024).

Университете Вирджинии публикует доклад, в котором сообщается, что порядка 90% опрошенных радикальных сторонников Д. Трампа и Джо Байдена считают, что им не будет места в Америке, если их политические оппоненты добьются успеха¹.

Происходящее в американском обществе неизбежно влияет на язык и отражается на риторике современных американских политиков в период с 2018 года по настоящий момент.

Прежде чем приступить к анализу примеров вербализации концепта “civil war” необходимо прояснить определение ключевого для данной работы понятия: «концепт». Это важно также потому, что данный термин имеет достаточно широкую интерпретацию, зависящую от школы и подхода, в рамках которых работает исследователь.

Можно сказать, что концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [1, с. 47]. При этом стоит отметить, что «важнейшим средством материализации и объективизации концепта является язык» [2, с. 11]. Некоторые исследователи вообще отмечают вербализуемость, то есть «возможность описания ... с помощью языковых знаков», основным признаком концептов [3, с. 8]. Формой языкового выражения лингвокультурного концепта могут становиться как лексемы или фразеологические образования, так и целые тесты [4, с. 90]. Здесь стоит, однако, заметить, что концепт «далеко не всегда реализуется в своем языковом воплощении» [5, с. 18]. Иными словами, у концепта существует вербальная и невербальная стороны [6].

Некоторые исследователи отмечают, что «языковой знак можно также уподобить выключателю – он включает кон-

цепт в нашем сознании, активизируя его в целом и “запуская” его в процессе мышления» [7, с. 38]. Иными словами, за концептом всегда скрывается невыражаемый вербально слой ассоциаций и образов, что необходимо учитывать при анализе политических концептов. Стоит, однако, добавить, что помимо ассоциаций и образов знаки языка скрывают за собой также «сведения о представлениях, мировоззрении, опытной базе того или иного культурного общества» [8, с. 109]. Таким образом, концепты зачастую национально ориентированы, что значит, что для их кодирования и декодирования необходимо обладать нужными «культурными шифрами», т. е. теми фоновыми знаниями, которыми обладает средний представитель той или иной культурой группы.

Концепт как таковой сложен также со структурной точки зрения. Исследователи описывают структуру концепта как полевою, когда в центре поля находится ядро концепта, наиболее конкретное и статичное, а вокруг ядра находится абстрактная и динамичная периферия [5, с. 38].

Принимая во внимание всё вышесказанное, для данной работы интерес представляют лексемы и фразеологические единицы, связанные с характерными для общенациональной культуры образами и ассоциациями. При этом необходимо учитывать, что такие лексемы и фразеологические единицы являются языковым воплощением либо ядра концепта, либо его периферии. Также стоит отметить, что для анализа критически важны исторический, культурный и общественно-политический контекст.

Анализ содержательной структуры концепта

Прежде чем приступать к анализу вербализации концепта “civil war”, стоит обратить внимание на словарные дефиниции этого словосочетания в толковых, а также различных специализированных словарях. Необходимость данной работы

¹ UVA Center for Politics. New Initiative Explores Deep, Persistent Divides Between Biden and Trump Voters [Электронный ресурс] // Center for Politics : [сайт]. URL: <https://centerforpolitics.org/crystalball/articles/new-initiative-explores-deep-persistent-divides-between-biden-and-trump-voters/> (дата обращения: 10.06.2024)

продиктована тем фактом, что «наиболее полное представление о концепте можно получить путём анализа парадигматических связей основной лексемы, именующей концепт, особенностей её употребления и путём изучения устойчивых сочетаний, интерпретирующих содержание концепта [9, с. 246]

Согласно большинству словарей (Cambridge Online Dictionary, Britannica, Dictionary.com, Oxford Learners Dictionary, Collins Dictionary) словосочетание “civil war” определяется как “*a war fought by different groups of people/political factions, regions leaving in the same country*”.

Также некоторые словари добавляют, что это “*the war in the United States between the Union and the Confederacy from 1861 to 1865*” и “*a state of hostility or conflict between elements within an organization*”¹.

Все вышеупомянутые словари указывают на то, что «гражданская война», как явление, характеризуется конфликтом внутри одной страны. При этом дефиниции не дают чёткого определения разделяющих факторов: стороны могут разделяться по территориальному, религиозному, политическому или экономическому признаку. Из этого можно заключить, что ключевым признаком как концепта будет именно разделение, то есть “division”.

Интересным будет определение, данное словарём “The Concise Oxford Dictionary for Politics”, где сказано, что “... *the territorial aspect of the conflict means that civilian involvement and civilian deaths are usually high. In practice, it is sometimes difficult to differentiate between a civil war and terrorist activity, coup d'état, ethnic cleansing...*” и “*state violence should be sustained and reciprocated, with significant numbers of casualties*”². Исследователи отмечают,

что гражданский конфликт отличается от обычной войны повышенным количеством жертв среди гражданского населения, что приводит к выводу, что ещё одним важным признаком концепта “civil war” является “extreme violence”.

Из словарных дефиниций следует, что концепт “civil war” в речи может быть представлен сразу на двух уровнях: на уровне ассоциации с глубоким расколом в современном обществе, ведущим к боестолкновениям, и с реальным событием американской истории. При этом Гражданская война по сию пору считается самым кровопролитным конфликтом в истории США, так как именно в нём погибло наибольшее количество американцев (при сложении потерь, понесённых Севером и Югом). Согласно официальной статистике число погибших американцев в годы Гражданской войны равно 618 222, хотя некоторые исследователи настаивают на том, что количество потерь составляет 750 000³. Для сравнения общее число американских потерь во Второй Мировой войне – 407 316 человек⁴. Таким образом, можно заключить, что упоминание реального исторического события также связано с элементами содержательной области анализируемого концепта “division” и “extreme violence”, что напрямую коррелирует с первым уровнем репрезентации. При этом война 1861–1865 гг. служит яркой иллюстрацией радикального разобщения, жестокости и бесчеловечности вооружённого столкновения в рамках одного общества.

³ Gugliotta G. New Estimate Raises Civil War Death Toll [Электронный ресурс] // The New York Times : [сайт]. URL: https://www.nytimes.com/2012/04/03/science/civil-war-toll-up-by-20-percent-in-new-estimate.html?_r=2&ref=science&pagewanted=all (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Research Starters: US Military by the Numbers [Электронный ресурс] // The National WWII Museum : [сайт]. URL: <https://www.nationalww2museum.org/students-teachers/student-resources/research-starters/research-starters-us-military-numbers> (дата обращения: 10.06.2024).

¹ The American Heritage. Dictionary of the English Language; 5th ed. Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016. P. 340.

² Brown G. W., McLean I., McMillan A. The Concise Oxford Dictionary of Politics and International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 293.

Подводя итоги данного раздела, следует сказать, что ядерными компонентами языкового значения концепта “civil war” и его репрезентантов будут являться “division” и “extreme violence”, тогда как периферийными компонентами будут являться “confrontation” и “chaos”.

Репрезентация концепта на уровне лексических средств

В первую очередь хочется отметить, что репрезентация концепта может осуществляться в эксплицитной форме, когда он или его репрезентанты произносятся открыто, и в имплицитной, когда автор высказывания лишь намекает на них. Далее будут рассмотрены примеры эксплицитной и имплицитной репрезентации концепта “civil war”.

Так, в одном из заявлений, опубликованном на республиканских интернет-ресурсах, сказано, что США находятся в состоянии «холодной гражданской войны» (“cold civil war”) между защитниками американского образа жизни и теми, кто стремится его уничтожить¹. В данном случае видно, что помимо прямой артикуляции концепта “civil war” представлены одно ядерное значение “division”, а также одно периферийное – “confrontation”.

Ещё один пример эксплицитного выражения концепта “civil war” можно найти в другом публицистическом источнике, где были даны комментарии по поводу судебных обвинений в адрес бывшего президента Дональда Трампа. В данном интервью было сказано: “Do you want us to be in a civil war? Because that’s what’s going to happen. We’re not going to keep putting up with this. And Eric, I like that that you suggested that we need to get angry. We do need to rise up and take our country back”². Как

и в первом примере, здесь видно эксплицитное выражение концепта “civil war”, однако данное утверждение менее радикально, ввиду его оформления в вопрос. Далее автор сам даёт на него ответ в виде прогноза, но стоит сказать, что вопросительная форма репрезентации снижает градус ультимативности высказывания.

Далее рассмотрим два примера имплицитной вербализации концепта “civil war” представителями двух противоборствующих партий США. Неявная репрезентация концепта подразумевает использование образов-“посредников”, которые тем или иным образом связаны в национальном сознании с рассматриваемым явлением. Также небезынтесна разница в дискурсах представителей противоборствующих партий: помимо разницы в целях, преследуемых политиками, можно проследить разную тональность используемых образов.

Первый текст являет собой пример примирительной риторики, когда концепт “civil war” используется для того, чтобы сплотить общество, а не разделить: “We must end this uncivil war that pits red against blue, rural versus urban, conservative versus liberal. We can do this if we open our souls instead of hardening our hearts, if we show a little tolerance and humility, and if we’re willing to stand in the other person’s shoes, as my mom would say. Just for a moment, stand in their shoes”³. Интересна игра слов, где, помимо очевидной аллюзии на Гражданскую войну, политик указывает на варварский характер происходивших на момент речи гражданских противостояний. Онлайн-версия словаря Merriam-Webster даёт три определения слова “uncivil”: 1. not civilized; 2. lacking in courtesy; 3. not conducive to civic harmony and

¹ Joseph C. This Super PAC Wants to Win the ‘Cold Civil War’ Against ‘Woke Communists’ [Электронный ресурс] // Vice : [сайт]. URL: <https://www.vice.com/en/article/xgdd4q/claremont-institute-thomas-klingenstein-super-pac> (дата обращения: 10.06.2024).

² On Newsmax, Sarah Palin calls for civil war [Электронный ресурс] // Media Matters : [сайт]. URL: <https://www.mediamatters.org/newsmax/news->

[max-sarah-palin-calls-civil-war](https://www.newsmax.com/sarah-palin-calls-civil-war) (дата обращения: 10.06.2024).

³ READ: Joe Biden’s inaugural address [Электронный ресурс] // CNN : [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/20/politics/joe-biden-speech-transcript/index.html> (дата обращения: 10.06.2024). Далее: Joe Biden’s inaugural address // CNN.

welfare. Стоит отметить также грамматико-синтаксическое оформление анализируемого отрывка. Противопоставление с помощью предлога “versus” построено с помощью повторенной трижды параллельной конструкции “a group versus a group”. Данный параллелизм дополняется противительной конструкцией с предлогом “instead of”. Подобное оформление на языковом уровне сталкивает одно явление с другим, являясь своеобразной иллюстрацией компонента значения “division”. Интересно также использование идиомы “stand in one’s shoes”, которая завершает отрывок. Согласно словарю The Cambridge Dictionary Online данная идиома обладает следующим значением: “to be in the situation, usually a bad or difficult situation, that another person is in”. Таким образом, посредством лексико-грамматических, а также фразеологических средств создаётся образ противопоставления одного другому, которое вскоре должно окончиться примирением, когда одна сторона поймёт другую.

Обратный эффект создаётся образами, наблюдаемыми в тексте интервью, взятого американским журналистом Такером Карлсоном у бывшего президента США Дональда Трампа. В конце интервьюер задаёт своему гостю вопрос: “Do you think we’re moving towards civil war?”¹. В ответ политик вспомнил события 6 января 2021 года, когда группа людей совершила захват Капитолия в знак протеста против, как он считал, сфальсифицированных выборов. Он говорит: “6th was a very interesting day because, they don’t report it properly, I believe it was the largest crowd I’ve ever spoken before. You know some of the crowds I’ve spoken before, like July 4th on the mall. I think they had a million people there.

*But I think that the biggest crowd I’ve ever spoken before was on January 6th. People that were in that crowd, a very, very small group of people, and we said, “Patriotically and peacefully. Peacefully and patriotically.” Nobody ever says that, “Go peacefully and patriotically.”*². В этой цитате также можно увидеть аллюзию на другое грандиозное по своему значению событие в истории США – Войну за независимость. На это указывает упоминание даты 4 июля, Дня независимости, когда была подписана Декларация независимости США. В те годы силы, которые противостояли британской армии и силам внутри страны, верным британской короне, назывались “Патриотами” (“Patriots”). Далее политик описывает людей, ворвавшихся в Капитолий, как людей, полных любви и единства, имплицитно сравнивая их с героями Американской революции. Можно увидеть, как ответ на вопрос, затрагивающий концепт “civil war”, соединяет в себе несколько значимых для американской политической культуры событий “War of Independence” и “Independence Day” и связанных с ними концептов “patriotism” и “independence”. Учитывая событийный контекст, можно сказать, что данное сравнение носит не примирительный, а скорее конфронтационный характер. Троекратный повтор фразы “patriotically and peacefully”, включающий в себя параллельную конструкцию и аллитерацию, усиливают эффект воздействия, и происходит обращение к борьбе и активным силовым действиям, что сопряжено с “civil war”.

Из приведённого выше иллюстративного материала видно, что при эксплицитной реализации словосочетание “civil war” проговаривается напрямую, а значит, происходит моментальная активация в сознании аудитории необходимых политико образов, которые в национальной культуре закреплены за данным концептом. При этом в отличие

¹ Tucker on X Debate Night Interview with Donald Trump. Transcript [Электронный ресурс] // Rev: [сайт]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/tucker-on-x-debate-night-interview-with-donald-trump-transcript> (дата обращения: 10.06.2024). Далее: Tucker on X Debate Night Interview with Donald Trump // Rev.

² Tucker on X Debate Night Interview with Donald Trump // Rev.

от имплицитной формы реализации при непосредственной артикуляции концепта не возникает никаких разночтений и недопонимания. Однако такая реализация звучит более агрессивно и конфронтационно, что также накладывает определённый отпечаток на восприятие слов оратора и может оттолкнуть наименее радикально настроенную аудиторию.

Также ораторы могут использовать в речи лишь отдельные компоненты концепта для достижения того же эффекта. Так как концепт являет собой комбинацию отдельных, как ядерных, так и периферийных, компонентов значения, то, ввиду их тесных ассоциативных связей, использование лишь одной из них способно вызвать в сознании другие. Одним из таких компонентов является “division”.

Иногда репрезентация концепта происходит посредством антитезы его компонентов значения. Так, очевидной антитезой “division” будет являться значение “unity”. В статье американского издания CNN приведён текст инаугурационной речи Джо Байдена 2021 года, в которой основной темой являлся нарастающий раскол в американском обществе. В этом тексте насчитывается 23 употребления слов или фраз, относящихся к значению “unity”¹. Таким образом, текст имеет примиряющий характер, где “unity” используется для того, чтобы призвать аудиторию к сплочению. Следовательно, противоположность “division” опосредованно является репрезентантом концепта “civil war”.

В контексте разбора компонента концепта “division” интересно взглянуть на его взаимосвязь со значениями “in” и “out”. В социальной сети “Truth” было опубликовано сообщение, посвящённое Дню Ветеранов: “*The threat from outside forces is far less sinister, dangerous, and grave, than the threat from within*”. Данное предложение с помощью фраз “threat from outside forces” и “threat from inside forces” показывает, где, по мысли автора, прохо-

дит линия разлома. Это объясняется тем, что в случае «угроз со стороны внешних сил» общество едино, тогда как указание на наличие угроз «изнутри» подразумевает разобщённость в обществе. При этом одна из частей общества представляет опасность для существования другой².

Роберт Каган в статье для The Washington Post пишет про подготовку Республиканской партии к президентским выборам 2024 года: “*There will be no more infighting, only outfighting; in short, a tsunami of Trump support from all directions*”³. Тем самым колумнист демонстрирует, что внутрипартийная борьба в Республиканской партии может превратиться в борьбу с внешними силами, то есть в основном с представителями Демократической партии. Кроме того, такая борьба может, по мнению автора, превратиться в борьбу не только с оппонирующими политиками, но и обычными американцами, их поддерживающими.

Иногда авторы для унижения своих политических оппонентов прибегают к более сложным приёмам “*But now that the Trumpen proletariat is in the GOP’s corner, ...*”⁴. Слово “Trumpen” в словосочетании “the Trumpen proletariat” является примером паронимической аттракции. Паронимы – созвучные в фонетическом и морфологическом плане слова, которые

² Bump P. Trump reminds us: History also repeats when people take the wrong lessons [Электронный ресурс] // The Washington Post : [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/11/13/trump-vermin-hitler-authoritarians> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Kagan R. A Trump dictatorship is increasingly inevitable. We should stop pretending [Электронный ресурс] // The Washington Post : [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/11/30/trump-dictator-2024-election-robert-kagan/> (дата обращения: 10.06.2024). Далее: Kagan R. A Trump dictatorship is increasingly inevitable. We should stop pretending.

⁴ Levitz E. Trump’s Reconquest of the GOP May Have an Upside for Democracy [Электронный ресурс] // Intelligencer : [сайт]. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2021/02/trump-gop-civil-war-voter-id-laws-democracy-reform.html> (дата обращения: 10.06.2024). Далее: Levitz E. Trump’s Reconquest of the GOP May Have an Upside for Democracy.

¹ Joe Biden’s inaugural address // CNN.

ошибочно или с целью игры слов используются в речи [10, с. 71]. Таким образом, паронимическую аттракцию можно понимать как «нарочитое/преднамеренное соположение звучания или графического образа лексемы» [11, с. 77]. “Trumpen” является нарочитым сближением слов “Trump” и “lumpen”, которые очень похожи с точки зрения написания.

Кроме того, данное словосочетание, являющееся легко считываемой аллюзией на марксистский термин «люмпен-пролетариат», представляет собой завуалированное оскорбление своих политических оппонентов. Согласно классовой теории К. Маркса, люмпен-пролетариат – это низший слой пролетариата, не имеющий классового сознания и манипулируемый правящим классом¹. В эту категорию теории и практики марксизма обычно включали безработных, бродяг, преступников, проституток и т. п. Подобной игрой слов автор постарался указать на социальную несостоятельность своих идеологических оппонентов, выделяя себя и своих единомышленников на их фоне.

Не стоит забывать, что репрезентантами компонента “division” являются различные «разделяющие» ярлыки, своеобразная система «свой-чужой». Концепт “civil war”, равно как и его компонент “division”, выражается в различных маркерах, появляющихся в современном американском общественно-политическом дискурсе. Например, могут использоваться цвета Республиканской (красный) и Демократической (синий) партий. Так, на сайте Intelligencer была опубликована статья, в которой автор выделяет с помощью «цветного» ярлыка одну часть общества и отделяет её от другой: “*But red America’s consummate “winner” has emerged from electoral and insurrectionary defeat with his grip on the GOP faithful intact*”, “*But no one in red America commands more legions of ultraloyal stalwarts, and for this reason, few if*

any Republicans are better positioned to unite their coalition”, “*America’s voting-age population is bluer than its electorate*”². С помощью прилагательного-маркера “red” выражается разделение Америки, подразумевается лишь её часть. Кроме того, «красной Америке» противопоставляется «синяя Америка», обозначенная выражением “voting-age population is bluer”.

В журнале The Atlantic вышла статья с названием “A War on Blue America”, где также используются «цветные ярлыки». Само название с помощью прилагательного “blue” указывает на существование нескольких «Америк», которые находятся в прямой конфронтации друг с другом. На это указывают следующие цитаты: “*During his term in the White House, Donald Trump governed as a wartime president – with blue America, rather than any foreign country, as the adversary*”, “*In Trump’s final year in office, he opened a new, more ominous front in his campaign to assert control over blue jurisdictions*”, “*As president, Trump seemed to view himself less as the leader of a unified republic than as the champion of a red nation within a nation – one that constitutes the real America*”³. В данных отрывках встречается лексика, связанная с прямыми военными действиями, как с наивысшей и самой горячей точкой конфронтации: “wartime president”, “front”, “champion”. Кроме того, журналист говорит о том, что внутри американской нации существует другая нация, “a red nation within a nation”, что красноречиво указывает на такие компоненты значения концепта “civil war”, как “division” и “confrontation”, присущие концепту “civil war”.

Концепту “civil war” свойственны также такие значения, как “chaos” и “extreme violence”. В уже упоминавшейся выше

² Levitz E. Trump’s Reconquest of the GOP May Have an Upside for Democracy.

³ Brownstein R. A War on Blue America [Электронный ресурс] // The Atlantic: [сайт]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-liberal-america-reelection-law-enforcement/676136/> (дата обращения: 10.06.2024). Далее: Brownstein R. A War on Blue America.

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978. Том 37. С. 571.

статье в издании *The Atlantic* приводится мнение бывшего мэра Филадельфии, который итогом вероятных политических пертурбаций в американском обществе видит “chaos, confusion,” и “massive demonstrations”. Далее он добавляет: “*You are just going to see standoffs. It is going to be the Philadelphia Police Department versus the National Guard. Neighbors are going to be surrounding people’s houses. Folks are going to rush and seek safety in churches and synagogues and mosques and temples*”¹. Помимо того, что массовые демонстрации зачастую приводят к физическим столкновениям как между политическими оппонентами, так и между протестующими и силами правопорядка, в статье утверждается, что возможны столкновения между полицейскими силами штатов и национальными вооружёнными силами. В 1860 году открытое неповиновение рабовладельческих штатов решениям федерального центра привело к их отделению и последующей гражданской войне. При этом бывший мэр употребляет существительное “standoff”, определяемое *The Cambridge Online Dictionary* как “a situation in which agreement in an argument does not seem possible”². Таким образом, помимо репрезентации компонентов “extreme violence”, “chaos”, “division”, концепт “civil war” реализуется через неявную аллюзию к войне второй половины XIX века. При этом подчёркивается масштаб вероятного события, который затронет всех американцев, вне зависимости от их национальности или вероисповедания. На это указывает перечень религиозных учреждений: христианские церкви, мусульманские мечети, иудейские синагоги, буддийские храмы.

В статье для издания *CNN* было высказано предположение, что выборы президента США в 2024 году могут при-

вести к столкновениям, которые были охарактеризованы существительным “bloodshed”. Далее данный эпитет поясняется следующим образом: “*And I will tell you, as much as I am willing to defend our liberty at all costs, there’s nothing that I would dread doing more than having to pick up arms against a fellow American*”³. Фраза “having to pick up arms against a fellow American” обозначает вероятность возникновения необходимости вооружённой борьбы в рамках американского сообщества, что является репрезентацией значений “extreme violence” и “chaos”, а также “division”.

В тексте уже упомянутой ранее статьи Р. Кэгэна в *The Washington Post* присутствует следующий отрывок: “*There is every reason to believe that active-duty troops and reservists are likely to be disproportionately more sympathetic to a newly reelected President Trump than to the “Radical Left Thugs” supposedly causing mayhem in the streets of their towns and cities*”⁴. Здесь интерес представляет причастный оборот “causing mayhem in the streets”. Данный причастный оборот относится к существительному “Thugs”, уже упомянутому в нашей работе. Необходимо обратить внимание на словарные значения существительного “mayhem”, так как именно оно является главным репрезентантом компонента значения “chaos”. Согласно *The Merriam Webster Online Dictionary* данное существительное определяется как *needless or willful damage or violence*⁵, а *The Cambridge Online Dictionary* даёт ему следующую дефиницию: *a situation in which there is little*

¹ Brownstein R. A War on Blue America.

² См.: STANDOFF: English meaning [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/standoff> (дата обращения: 10.06.2024).

³ LeBlanc P., Dale D. Rep. Cawthorn talks of ‘bloodshed’ over future elections as he pushes voting lies [Электронный ресурс] // CNN Politics: [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/08/30/politics/madison-cawthorn-elections/index.html> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Kagan R. A Trump dictatorship is increasingly inevitable. We should stop pretending.

⁵ См.: Mayhem Definition & Meaning [Электронный ресурс] // Merriam Webster: [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/mayhem> (дата обращения: 10.06.2024).

or no order or control¹. Данные словарные определения позволяют говорить, что данный репрезентант относится сразу к двум компонентам концепта “civil war”: “extreme violence” и “chaos”. Кроме того, зависимость всего причастного оборота от определяемого слова “thugs” указывает на представление компонента “division”, поскольку выделяется одна группа внутри общества и ей противопоставляется другая.

Репрезентация концепта на уровне взаимодействия лингвистики и общей семиотики

Репрезентация концепта “civil war” может происходить не только средствами лишь языковой системы, но также на уровне взаимодействия лингвистических и общесемиотических систем. Данная связь позволяет автору высказывания задействовать не только текстовые, но и аудиовизуальные сигналы, что может усилить воздействие на реципиентов.

Например, концепт может быть выражен на уровне графики: *“Here’s the money quote from that thread. This is the truth. This is where we are. We ARE on the verge of a HOT civil war. Like in 1859. That’s where we are. And the Right has ZERO trust or respect for anything the left is doing. We see THEM as illegitimate too”*². В данном сообщении заглавными буквами выделены три слова: “are”, “hot” и “them”. Выделение глагола бытия подчёркивает близость критической ситуации, актуализируя концепт “civil war” в сознании современных американцев. Прилагательное “hot” усиливает эффект воздействия и может

послужить дополнительным триггером для возникновения образов, связанных с компонентом “extreme violence”. Выделенное местоимения “them” указывает на существующее в рамках авторского текста разделение на «нас» и «их», тем самым являясь репрезентантом “division”.

Другим способом представления концепта может являться сопровождение текста изображением. В 2018 году в американской социальной сети было опубликовано изображение двух сражающихся цветных големов, выполненных в виде собрания очертаний штатов. Красный голем «составлен» из штатов, поддерживающих Республиканскую партию, а синий – из штатов, поддерживающих Демократическую партию. Изображение сопровождалась подписью *“Folks keep talking about another civil war. One side has about 8 trillion bullets, while the other side doesn’t know which bathroom to use”*³. В тексте присутствует лексика противопоставления: “one side vs the other side”, что является примером репрезентации компонента “division”. Кроме того, словосочетание “8 trillion bullets” также намекает на военное столкновение политических сил, что соотносится с “extreme violence”. Красочное изображение, в свою очередь, является иллюстрацией содержания текста, что приводит к тому, что заложенное в текст сообщение останется в сознании реципиента на более длительное время, усиливая воздействие репрезентантов концепта на аудиторию.

Заключение

В данной работе был проведён разбор концепта “civil war” и его репрезентантов в текстах общественно-политической направленности. Анализ дефиниций в тол-

¹ См.: Mayhem. English meaning [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mayhem> (дата обращения: 10.06.2024).

² O’Kane C. “Civil War 2” trends on Twitter after Trump quotes speculation that impeachment would spark “civil war” [Электронный ресурс] // CBS News : [сайт]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/trump-civil-war-tweet-civil-war-2-is-trending-on-twitter-after-trump-suggested-what-might-occur-if-removed-from-office/> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Thebault R. Steve King posts meme warning that red states have ‘8 trillion bullets’ in event of civil war [Электронный ресурс] // The Washington Post : [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/03/18/steve-king-posts-meme-warning-that-red-states-have-trillion-bullets-event-civil-war/> (дата обращения: 10.06.2024).

ковых и специализированных словарях словосочетания “civil war” показал, что структура данного концепта состоит из ядра, включающего компоненты значения “division” и “extreme violence”, и периферии, в которые входят компоненты “confrontation” и “chaos”.

Были рассмотрены отрывки из публицистических текстов общественно-политической направленности с 2018 года по настоящее время. Их анализ продемонстрировал, что репрезентация концепта может происходить как на уровне только языковой системы, так и на уровне взаимодействия лингвистической и общесемантической систем.

Репрезентация концепта на уровне лингвистической системы может осуществляться как в эксплицитной, так и в имплицитной форме, при этом тональность в разных случаях будет различной. Эксплицитная форма репрезентации бо-

лее конфронтационная и радикальная, тогда как имплицитная позволяет более тонко воздействовать на аудиторию. Также стоит отметить, что репрезентанты концепта могут быть связаны со:

- значениями “in” и “out”;
- словами и выражениями, имеющими уничижительную и оскорбительную окраску;
- «цветными маркерами», которые помогают в тексте разграничивать «своих» и «чужих».

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении методов концептуального анализа для их приложения к современному американскому политическому дискурсу. Практическая значимость статьи обусловлена применением методов концептуального анализа к образцам современного американского политического дискурса и разбором недостаточно изученного концепта “civil war”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 838 с.
2. Дзюба Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург: УГПУ, 2011. 224 с.
3. Богданова Н. В., Каталкина Н. А. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Вып. 19. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. С. 5–9.
4. Пименов Е. А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Anthropologie. Вып. 10 / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Ландау: Empirische Pädagogik; Кемерово: Графика, 2004. С. 89–94.
5. Пашутина Т. А. Ключевые концепты американской культуры “PRIVACY” и “PATRIOTISM” и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 199 с.
6. Ахренова Н. А. Особенности репрезентации концепта COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 108–121.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 191 с.
8. Дзахова В. Т., Скрипай И. И. Ядерные номинанты концептов «свой»/«чужой» в английском языке // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 108–121. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-108-121.
9. Якунина С. В. Концепт как объект исследования в современной когнитивной лингвистике // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: материалы V международной научно-практической конференции (Саратов, 16–17 ноября 2020 г.). Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 240–247.
10. Минаева Л. В. Лексикология и лексикография английского языка. М.: СТУПЕНИ, 2003. 224 с.
11. Мощева С. В. Паронимическая аттракция как средство графической экспрессии (на материале текстов масс-медиа) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 76–78.

REFERENCES

1. Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience*. Moscow: School "Languages of Russian Culture" publ. (in Russ.)
2. Dzyuba, E. V. (2011). *The Concept of "Mind" in Russian Linguistic Culture*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (in Russ.)
3. Bogdanova, N. V. & Katalkina, N. A. (2019). The Concept of "Concept" in Cognitive Linguistics and Linguistics. In: *Problems of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages. Iss. 9*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics publ., pp. 5–9 (in Russ.)
4. Pimenov, E. A. (2004). Research of the Concept Trauer "Sadness" by Means of a Synonymous Series. In: *Ethnohermeneutik und Anthropologie. Iss. 10*. Landau: Empirische Pädagogik; Kemerovo: Grafika publ., pp. 89–94 (in Russ.).
5. Pashutina, T. A. (2009). *Key concepts of American culture "PRIVACY" and "PATRIOTISM" and features of their linguistic representation in various types of discourse* [dissertation]. Belgorod (in Russ.).
6. Akhrenova, N. A. (2021). Representational peculiarities of the conceptual sphere COVID-19. In: *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 108–121 (in Russ.).
7. Popova, Z. D. & Sternin, I. A. (2001). *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Voronezh State University publ. (in Russ.).
8. Dzakhova, V. T. & Skripai, I. I. (2023). Nuclear namings for the concepts "one's own" / "alien" in the English language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 108–121. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-108-121 (in Russ.).
9. Yakunina, S. V. (2020). Concept as an object of research in modern cognitive linguistics. In: *Language and cultural contacts: linguistic and linguodidactic aspects: materials of the V international scientific and practical conference (Saratov, November 16–17, 2020)*. Saratov: Saratovskiy istochnik publ., pp. 240–247 (in Russ.).
10. Minaeva, L. V. (2003). *Lexicology and lexicography of the English language*. Moscow: STUPENI publ. (in Russ.).
11. Moshcheva, S. V. (2013). Paronymic attraction as means of the graphic expression (based on mass media texts). In: *Vestnik of Kostroma State University*, 19 (1), 76–78 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быстров Никита Александрович (г. Москва) – аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший преподаватель кафедры иностранных языков МИРЭА – Российского технологического университета;
ORCID: 0009-0005-9683-7116; e-mail: nikbyst.notabene@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita A. Bystrov (Moscow) – Postgraduate Student, English Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, MIREA – Russian Technological University;
ORCID: 0009-0005-9683-7116; e-mail: nikbyst.notabene@yandex.ru

Научная статья
УДК 861.111
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-29-40

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ОСМЕЯНИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦЯНЬ ЧЖУНШУ «ОСАЖДЁННАЯ КРЕПОСТЬ»)

Дуань Сяоли

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация
e-mail: 1490138618@qq.com

Поступила в редакцию 25.06.2024

После доработки 30.09.2024

Принята к публикации 10.11.2024

Аннотация

Цель. Разработать классификацию объектов комического в китайском сатирическом романе «Осаждённая крепость» на основе научных работ ряда китайских и российских литературоведов и лингвистов, выявить признаки объектов осмеяния. Определить, над чем смеются люди. Рассмотреть эквивалентность языковых средств комического эффекта перевода и оригинала, а также результаты их реализации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет выявление особенностей семантической, синтаксической и прагматической эквивалентностей оригинального текста с переводным текстом, а также анализ переводческих стратегий. Основными методами исследования являются лингвистические (сравнительный контекстуальный анализ, компонентный анализ) и общенаучные методы (описательный метод и метод классификации).

Результаты. На основе анализа 485 избранных отрывков из романа, была установлена следующая классификация объектов осмеяния: 1) комическое изображение персонажей: внешний вид, изображение лица, одежда и действие и т. д.; 2) комическое изображение вещи, события и явления. Языковые средства поделены на прямые и косвенные. Прямые языковые средства означают, что автор оригинала использует слово «смех» и производные от него слова для выражения комического эффекта. Косвенные языковые средства в оригинальном тексте – это в основном различные виды риторических тропов, включая сравнение, метафору, олицетворение и т. д. Ирония также является одним из важнейших средств достижения сатирического эффекта.

Теоретическая значимость. Проблематика выявления языковых средств выражения комического и сатирического в художественной литературе находится в центре внимания в представленной работе. Результаты исследования могут быть использованы при изучении комизма в межкультурной и межъязыковой коммуникации в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: объект осмеяния, классификация объектов осмеяния, роман «Осаждённая крепость» на китайском языке, перевод романа на русский язык

Для цитирования:

Дуань Сяоли. Классификация объектов осмеяния и языковые средства их выражения в оригинале и переводе (на материале Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость») // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 29–40. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-29-40>

Original research article

CLASSIFICATION OF OBJECTS OF RIDICULE AND LINGUISTIC MEANS OF THEIR EXPRESSION IN THE ORIGINAL AND TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF QIAN ZHONGSHU “FORTRESS BESIEGED”)

Duan Xiaoli

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation
e-mail: 1490138618@qq.com

Received by the editorial office 25.06.2024

Revised by the author 30.09.2024

Accepted for publication 10.11.2024

Abstract

Aim. To develop a classification of comic objects in the Chinese satirical novel “Fortress Besieged” on the basis of scientific works of a number of Chinese and Russian literary critics and linguists, to identify the signs of objects of ridicule. To determine what people are laughing at. To consider the equivalence of the linguistic means of comic effect of the translation and the original, as well as the results of their realisation.

Methodology. The main content of the study is the identification of the features of semantic, syntactic and pragmatic equivalence of the original text with the translated text, as well as the analysis of translation strategies. The main research methods are linguistic ones: comparative contextual analysis, component analysis; and such general scientific methods as descriptive method and classification method.

Results. Based on the analysis of 485 selected passages from the novel, the following classification of objects of ridicule was established: 1) comic depiction of characters: appearance, facial depiction, clothing and action, etc.; 2) comic depiction of a thing, event and phenomenon. Language means are divided into direct and indirect. Direct language means mean that the author of the original uses the word “laughter” and its derivatives to express a comic effect. Indirect language means in the original text are mainly various kinds of rhetorical tropes, including comparison, metaphor and personification, etc. Irony is also one of the most important means of achieving satirical effect.

Research implications. The problem of identifying linguistic means of expressing the comic and satirical in fiction is the focus of attention in the presented work. The results of the study can be used in the study of comic in intercultural and interlingual communication in the linguistic and cultural aspect.

Keywords: object of ridicule, classification of objects of ridicule, novel “Fortress Besieged” in Chinese, novel translation into Russian

For citation:

Duan, Xiaoli (2024). Classification of objects of ridicule and linguistic means of their expression in the original and translation (on the material of Qian Zhongshu “Fortress Besieged”) In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 29–40. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-29-40>

Введение

Проблеме описания и классификации объектов осмеяния посвятили свои работы многие российские и китайские учёные, в том числе: Ю. Б. Борев [1], Л. В. Карасёв [2], В. Я. Пропп [3], В. З. Сан-

ников [4], М. А. Панина [5], Е. С. Абалева [6], С. О. Муминов [7], Л. В. Косинова [8], Н. Б. Егошина, О. А. Николаева, А. Н. Смирнова [9], Чэнь Сяоин (陈孝英) [10], Ван Цзиьлин (王金玲) [11], Сунь Яньхун (孙艳红) [12] и др. Проблеме пе-

ревода художественных произведений, в частности эквивалентности оригинала и перевода, уделялось большое внимание в современном переводоведении такими учёными, как: А. Д. Швейцер [13], В. Я. Комиссаров [14], Н. К. Гарбовский [15], В. В. Сдобников [16; 17], Н. Н. Миронова [18] и т. д. Изучение объектов осмеяния в художественных текстах разных жанровых типов представляет интерес как для носителей языка, так и для иностранных читателей.

Материалом для данной статьи послужили юмористические отрывки из китайского романа «Осаждённая крепость», который является одним из ярчайших примеров юмористического творчества в Китае. Его перевод на русский язык выполнил синолог В. Ф. Сорокин в 1989 г. Практическая актуальность данной статьи состоит в анализе использования автором романа большого количества комических объектов с целью выражения сатирического и юмористического эффекта. В связи с недостаточностью исследований, связанных с изучением комических и сатирических языковых средств при описании объектов осмеяния, мы предлагаем подробную классификацию данных объектов и способов их передачи в русском языке.

Характеристика объектов комического в исследованиях русских и китайских лингвистов

Многие исследователи подробно анализировали проблему выбора авторами художественных произведений объектов осмеяния. В книге «Проблема комизма и смеха» (1999) В. Я. Пропп взял в качестве иллюстративного материала примеры из русской литературы, в частности из творчества Н. В. Гоголя, и фольклорные сюжеты. Комические объекты, упомянутые в книге, с точки зрения В. Я. Проппа, в основном следующие: 1) сам человек, незначительные недостатки человека; физиология человека (человеческая фигура, действия и телесные функции); вещи,

связанные с людской сущностью, например, еда, пьянство, запах человека и т. д.; 2) описание профессии персонажей, сходства и особенностей двух объектов; 3) комические имена, фамилии и прозвища, которые авторы дают главным героям своих произведений [3, с. 114–128]. Мы полагаем, что работа В. Я. Проппа является основой для соответствующих исследований в этой области. Основываясь на взглядах В. Я. Проппа, С. О. Мунинов в книге «Изучение литературной комедии Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, и Н. В. Гоголя в школе» (2017) дополнил работу В. Я. Проппа и разделил комическую на персонажную и сюжетную [7, с. 27].

Учёным, внёсшим вклад в изучение русского и китайского юмора, является Ван Цзиньлин (王金玲). В 2002 году она опубликовала статью «Испытание русских шуток и их этнокультурные особенности» [11]. В этой статье автор рассматривает этнокультурные особенности русских анекдотов и определяет объекты частого осмеяния, характерные для периода 1960–1990-х гг. Например, анекдоты 1960–1980-х гг. в основном рассказывали о социальных и культурных явлениях в Советском Союзе, а анекдоты эпохи 1990-х гг. больше отражали общественную, политическую и культурную жизнь России после распада Советского Союза. Русские анекдоты чаще всего отражают популярные взгляды и тенденции, в них часто фигурируют политика и политические деятели [11, с. 45]. Косинова Л. В. проделала большую работу по изучению объектов осмеяния в китайском юморе [8]. Она подробно рассматривает типы объектов осмеяния китайского юмора, используя китайские анекдоты в качестве материала для исследования. Среди прочего автор утверждает, что чаще всего китайский юмор основывается на изображении универсальных тем, связанных с отношениями между начальниками и подчинёнными, детьми, иностранцами, психически нездоровыми людьми или событиями, происходящими в невроло-

гических больницах, в том числе юмор связан с диалектами и пословицами различных регионов и т. д. Автор также упоминает, что родители, учителя и еда считаются запретными темами в китайском юморе [8, с. 44–54]. По поводу юмористических запретов, упомянутых учёными, мы считаем, что в настоящий момент уже невозможно избежать темы осмеяния родителей, учителей и еды, которые так часто встречаются в жизни. Объяснение этому следующее: чем ближе объекты осмеяния к жизни, тем больше читатель их воспринимает, даже если они относятся к разным национальным группам.

Таким образом, в китайских и русских юмористических текстах различные аспекты, связанные с самими персонажами (внешность, личность, поведение и т. д.), а также предметы, соотносящиеся с социальным, политическим и национальным статусом, могут быть использованы писателями в качестве объектов осмеяния с целью достижения комического эффекта.

В оригинале романа «Осаждённая крепость» для реализации осмеяния различных объектов используются языковые средства, которые мы делим на прямые и косвенные. Прямые языковые средства означают, что автор оригинала использует слово «смех» и производные от него слова для выражения комического эффекта. На эти слова влияет специфика русской и китайской культур, потому семантика слов может быть разной. Степень воспроизведения таких языковых средств в переводе различна, как и объём трансформации комического эффекта. Косвенные языковые средства в оригинальном тексте – это в основном различные виды риторических тропов. Среди них наиболее распространены сравнение, метафора и олицетворение. Ирония также является одним из важнейших средств достижения сатирического эффекта.

При трансформации этих языковых средств особое значение имеет эквивалентность между оригинальным и пере-

водным текстом. Различные уровни сохранения грамматической структуры и семантики могут привести к различным уровням эквивалентности между оригиналом и переводным текстом. Например, при сравнении один и тот же образ может иметь разные соответствия в оригинале и в переводном тексте. Переводчик выбирает различные стратегии перевода в зависимости от конкретной ситуации. Кроме того, существуют неэквивалентные образы, т. е. слова и словосочетания, имеющие национально-культурные семантические значения, из-за асимметрии языковой системы восстановление оригинала при переводе будет затруднено и комический эффект оригинального текста будет неизбежно утрачен. Однако важно подчеркнуть, что такие слова сами по себе представляют частную проблему теории художественного перевода и нуждаются в постоянном внимании с точки зрения переводческих приёмов, разрешающих трудности их перевода на другой язык [19, с. 59–60]. Именно поэтому в данном исследовании мы также уделили этому вопросу соответствующее внимание.

В данной работе комический эффект включает в себя сатирический, юмористический, а также иронический эффекты. Подробный эмпирический анализ примеров мы проведём далее.

Сравнительно-сопоставительный анализ объектов комического в оригинале и переводе

Исследование проводилось на базе материала знаменитого китайского романа «Осаждённая крепость» писателя Цянь Чжуншу¹. Эта книга привлекла к себе большое внимание по всему миру²

¹ 钱钟书. 围城 [M] 北京.: 人民文学出版社. 2017. 377 页. Далее в тексте при ссылке на этот источник в круглых скобках будет указываться номер страницы с иллюстративным материалом.

² Существует 26 переводов романа «Осаждённая крепость» на 11 языков, включая английский, японский, русский, польский, чешский, французский, немецкий, испанский, корейский, итальянский,

и в том числе в 1989 г. была переведена русским переводчиком и синологом В. Ф. Сорокиным¹. Цянь Чжуншу в своём романе осмеивает самые разные объекты. Нами было проанализировано 485 отрывков, в данной статье конкретно рассматривается 31.

Сгруппировав отрывки романа, выделяющие комический эффект, мы обнаружили, что объектом комического, занимающим большую часть романа «Осаждённая крепость», во-первых, является комическое изображение главных героев из всех социальных слоёв. Это группа персонажей в условиях войны, которые обладают человеческими слабо-

вьетнамский, голландский и проч. Здесь мы кратко представим некоторые из этих видов перевода.

- (1) Французский перевод романа «Осаждённая крепость» авторов Сильви Серван-Шрейбер и Ван Лу опубликован издательством Christian Bourgois (1978 г.).
- (2) Самым ранним английским переводом романа «Осаждённая крепость» была сокращённая версия главы I американского учёного Жанны Келли, опубликованная в журнале Hong Kong's Renditions в 1974 г., а полный вариант она перевела в соавторстве с китайско-американским учёным Натаном К. Мао (Nathan Mao). Перевод "Fortress Besieged" был впервые опубликован издательством Indiana University Press в 1979 г.
- (3) Японский перевод выполнен синологами Кеном Араи, профессором института гуманитарных наук Киотского университета, Накадзимой Нагафуми и Накадзимой Цуя. Данный перевод является общепризнанной литературным сообществом версией: 結婚狂詩曲—圍城〈上下〉, год издания: 1988 г.
- (4) Немецкий перевод осуществлён синологом Моникой Мотш, название книги переведено как "Die Umzingelte Festung: Ein Chinesischer Gesellschaftsroman". Она была опубликована в 1988 г. издательством Island Press во Франкфурте и переиздана в 2008 г. издательством Schürmer—Graf Press в Мюнхене.
- (5) В 1993 г. Ли Хе Ран (李惠兰) выполнила перевод романа с английского на корейский язык, который был опубликован издательством «Император, Южная Корея»; в 1994 г. синолог О Юн Сук (吴允淑) перевела роман с китайского на корейский, книга была выпущена издательством «Силлук, Южная Корея».

¹ Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость / пер. с кит. В. Ф. Сорокин. М.: Художественная литература, 1989. 511 с. Далее в тексте при ссылке на этот источник в круглых скобках будет указываться номер страницы с иллюстративным материалом.

стями той эпохи: слепое поклонение зарубежной культуре, эгоизм и лицемерие. Ко второй группе относится комическое изображение вещей, событий и явлений.

Первый тип – **изображение внешне-го вида главных героев**. В оригинальном тексте встречаются следующие основные типы языковых средств: использование риторического приёма сравнения для достижения комического эффекта. В переводе обычно соблюдается синтаксическая эквивалентность. В тех случаях, когда лингвокультурные особенности не выделяются, переводчик перенимает соответствующие риторические тропы в переводном языке и использует различные выражения в прямом переводе, чтобы показать целевой аудитории все юмористические элементы, содержащиеся в оригинальном тексте. Заметим, что сравнительный оборот в оригинальном тексте обычно представляет собой конструкцию «предмет + сравнительный союз (像, 好像) + образ». Обычно такие сравнения переводят на русский язык при помощи синтаксической конструкции с союзами «как» или синонимом «словно», когнитивные структуры в китайском и русском языках совпадают. Например:

1. 会见得身段瘦削, 也许轮廓的线条太硬, 像方头钢笔划成的 (3页). *Стало бы видно, что линии ее художавой фигуры излишне резки, словно очерчены стальным пером* (с. 15).

2. 肚子肥凸得像青蛙在鼓气, 法国人在国际上的绰号是「虾蟆」... (133页) *Живот округлился, как у надутой лягушки, – полицейский как бы старался оправдать прилепившееся к французам прозвище «лягушатники»* (с. 161).

3. 鸿渐饿得睡不熟, 身子像没放文件的公事皮包 (178页). *Голодный Хунцзянь спал плохо, с ощущением, что желудок и спина прилипли друг к другу, как стенки пустого портфеля* (с. 205).

4. 我只怕他整个胖身体全化在汗里, 像洋蜡烛化成一滩油 (139页). *Я даже опасался – того и гляди растает, как свечка* (с. 166).

Для отрывков сочевидными культурологическими особенностями переводчик выбирает семантическую эквивалентность и отказывается от синтаксической эквивалентности, чтобы добиться положительного коммуникативного эффекта. Например:

5. 她满腔都是肥腻腻的营养, 小孩子吸的像是加糖的溶化猪油(156页)。Наверное, из такой груди текут чистые сливки. Ее обладательница была так толста, что трудно было бы разыскать, где прячется в этой мясной туше душа (с. 181).

Здесь оригинальный текст метафоричен, и «растопленное свиное масло с сахаром» переводится как «сливочное масло» в переводной лингвокультуре, что не соответствует метафоре, используемой автором оригинального текста. Но комический эффект не утрачен.

В том случае, когда языковым средством достижения комического эффекта в оригинальном тексте является уникальный китайский риторический троп, из-за несоответствия лингвистических характеристик оригинального и переводного текстов основное внимание при переводе обращается к семантической и прагматической эквивалентности, и стратегия перевода принимается соответствующим образом. Например:

6. 掌柜写账的桌子边坐个胖女人, 坦白地摊开白而不坦的胸膛, 喂孩子吃奶(156页)。Рядом со стойкой хозяина сидела толстая женщина и, никого не стесняясь, кормила грудью ребенка (с. 181).

Здесь используется китайский риторический приём – 析词, то есть добавление других слов к слову «坦白» (дословный перевод: говорить откровенно, открывать душу¹) для выражения противоположного значения, которого не хватает в переводе. Поэтому такое языковое средство в переводе опущено, смысловое значение слова объяснено, но комический эффект испорчен.

Аналогичным примером достижения комического эффекта является использование китайских фонетических рифм. Например:

7. 鲍小姐纤腰一束...: “身围瘦, 後部重, 站立的时候沉得腰肢酸痛。” (13页)。У Бао была тонкая талия и на редкость пышное седалище ... (с. 38)

Три слова «瘦, 重, 通» в оригинальном тексте соответствуют правилам рифмовки в китайской поэзии, в то время как перевод лишь восстанавливает семантику оригинального текста, который семантически корректируется через антитезу «тонкий – пышный». Но при этом неизбежно снижается часть комического эффекта оригинала.

Лицо главного героя как объект насмешек занимает не менее значительную часть оригинального текста. В этом романе в качестве косвенных языковых средств используются сравнительный оборот и метафора, а в качестве объектов – большое количество предметов и животных. Отрицательные качества людей комичны, когда в них проявляются черты, схожие с животными или предметами или когда они представлены посредством вещей. Такие описательные приёмы В. Я. Пропп называл «человек – животные – зоологическая параллель», то есть сравнение с животными, изображение персонажей в обличье животных [3, с. 58], и «человек-вещь», то есть сравнение вещи с человеком [3, с. 65]. Использование сравнений с обычными вещами повседневной жизни способствует более конкретному представлению аналогий в читательском сознании, что помогает читателям перевода лучше воспринять комический характер оригинального текста. Когда сравниваемый образ в оригинальном тексте обладает неяркой культурной спецификой, перевод достигается при помощи семантической и синтаксической эквивалентности. Например:

8. 她眼睛下两个黑袋, 像圆壳行军热水瓶... (61页)。В темных мешках под гла-

¹ Перевод автора статьи – Д. С.

зами она, видимо, **как** в термосе, хранила горячие слезы... (с. 38)

9. 一个气概飞扬, 鼻子直而高, 侧望像脸上斜搁了一张梯... (85页). У другого был открытый, вдохновенный взгляд, прямой нос, **словно** к лицу этого человека лестницу приставили (с. 115).

10. 酒烘得发亮的脸探海灯似的向全桌照一周, 道: ... (182页) ... а физиономия освещала все вокруг, **как** прожектор... (с. 209)

11. 曹元朗脸上一圈圈的笑痕, 像投了石子的水面 (73页). Цао Юаньлан, по лицу которого расплывались следы улыбки, **подобно** кругам от брошенного в воду камня... (с. 105)

12. 李先生脸上少了那副黑眼镜, 两只大白眼睛像剥掉壳的煮熟鸡蛋 (144页). На лице господина Ли не было обычных черных очков, и его большие белесые глаза **напоминали** облупленные крутые яйца (с. 170).

13. 鸿渐也去...脸像刺蝟, 头发像母鸡准备在里面孵蛋, 不许他去 (180页). Фан две недели не брился и не расчесывал волосы, вследствие чего был **похож на ежа** и на птичье гнездо (с. 207).

14. 高松年的脸像虾蟹在热水里浸了一浸, 说道: “那么, 我希望你为他守秘密。” (268页) Ректор покраснел, **как** брошенный в кипяток рак (с. 298).

15. 我们背後叫他『寒暑表』, 因为他脸色忽升忽降.. (52页). Мы и прозвали его «градусником»: его щеки реагировали на приближение девушек так же чутко, **как** столбик ртути – на изменение температуры (с. 83).

16. 恨不能把那喉结瓶塞头似的拔出来, 好让下面的话松动 (205页). Фан подумал, что у него в горле, наверное, **есть** некая пробка – стоит ее вытащить, и фразы польются потоком (с. 234).

Как видим, синтаксическая структура сравнительного оборота в оригинале – «предмет + сравнительный союз», которая в переводе передаётся не только за счёт сравнительных союзов «как», «словно» (примеры 8, 9, 10, 14), но и путём использования различных наречий (при-

мер 11: подобно чему-то; 12: напоминает что-то и 13: похож на кого-то или что-то). Сравнительный союз не содержится в метафорах, поэтому в переводах примеров 15 и 16 синтаксическая и семантическая эквивалентности оригинала восстанавливаются параллельно.

Если образ имеет яркую культурную специфику, то в тексте перевода заметно стремление переводчика к синтаксической и прагматической эквивалентности. Например:

17. 看见他那个四喜丸子的脸, 人就饱了 (83页). У него физиономия **похожа на пампушку** – поглядишь и сыт (с. 114).

18. 安南人鸠形鹄面, 皮焦齿黑, 天生的鸦片鬼相... (133页) Да и сами они, коричневые, с черными зубами, **напоминали** опиекурильщиков (с. 161).

19. 不知用什麼东西烫出来的一头鬈发, 像中国写意画里的满树梅花... (172页) ... торчащими во все стороны **как ветки сливы на китайских картинах** – завитушками волос ... (с. 190)

В этих примерах в оригинальном тексте присутствует еда «фрикатель Сици»¹, птицы «горница» и «лебедь»², а также предмет изобразительного искусства – «живописная картина»³. Эти элементы с национально-культурной семантикой, отражающие различные аспекты действительности, типичны для китайской культуры. При переводе на русский

¹ Фрикадельки «Сици» – блюдо, которое обычно едят во время китайских новогодних праздников, в китайской культуре оно символизирует удачу и воссоединение. Обычно состоит из четырёх фрикаделек. Употребление автором этого слова в данном случае подразумевает, что у главного героя круглое и жирное лицо. В переводе символ передан как «пампушка», это булочка на пару – круглая и белая, похожая на хлеб в русской кухне.

² «Голубеобразный» означает низкий живот с выступающей грудной, похожий на форму горлицы; «лебединое лицо» подразумевает две тонкие скулы и бледно-жёлтое лицо, похожее на лицо жёлтого лебедя. В данном случае так описывается истощённое лицо человека.

³ Жанр традиционной китайской живописи, который включает в себя стихотворение, каллиграфию, рисование и печать. По-китайски называется Се и, что буквально означает «написание идей».

язык удалось сохранить синтаксис оригинального текста и достичь цели коммуникации, однако сравнимые образы в переводе не представлены, в результате чего сатирический эффект ослабевает.

Для выражения комического эффекта оригинального текста также используются прямые языковые средства. В таком случае, когда при переводе используется синтаксическая эквивалентность для хронологической трансформации, комический эффект не снижается. Например:

20. 这阿丑是老二鹏图的儿子, 年纪有四岁了, 下地的时候, 相貌照例丑的**可笑** (116页). *Трёхлетний Ачоу был сыном Пэнту, брата Хунцзяня. Он появился на свет **смешным** и некрасивым, как все новорожденные* (с. 144).

21. 鸿渐本想骂阿刘, 但是看到他这么**郑重其事**地拿出这么一件法宝, **忍不住大笑** (22页). *Фан сначала хотел накричать на Алю, но, видя, **с каким серьезным видом** он показывает свое сокровище, **не удержался от смеха*** (с. 49).

Словосочетание «可笑» в примере 20 соответствует слову «смешной» в переводе, только лексическая принадлежность слова изменилась: в оригинале это наречие степени, а в переводе – прилагательное, произошла замена части речи. Фраза «忍不住大笑» в примере 21 – это эмоциональная реакция главного героя на комическое описание выражения лица, а в переводе используется буквальный перевод, который в равной степени восстанавливает юмористический эффект оригинального текста.

В оригинальном тексте встречаются примеры комического описания **одежды персонажей**. Помимо таких языковых средств, как сравнение и метафора, в оригинале и переводе при изображении объекта осмеяния данной категории применяются антонимические контрастные слова и глаголы. Восстановление данных лексических средств в переводе происходит посредством использования семантической и прагматической эквивалентности. Например:

22. 礼堂里虽然有冷气, 曹元朗穿了黑呢礼服, 忙得满头是汗, 我看他带的**白硬领圈**, 给汗浸得又**黄又软** (139页). *Хотя в зале был кондиционер, толстяк Цао во фраке и стоячем воротничке **весь обливался потом*** (с. 166).

Контрастные пары слов «белый – жёлтый», «твёрдый – мягкий», которые используются в оригинале для описания рубашки героя, изображают физическое состояние главного героя из-за жары. В переводе это лингвистическое средство не восстанавливается, поэтому комический эффект несколько снижается.

23. 鸿渐两天没剃胡子梳头, 昨天给雨淋透的头发, 东结一团, 西刺一尖, 一个个崇山峻岭, 西装湿了, 身上穿件他父亲的旧夹袍, 短仅过膝, 露出半尺有零的裤筒。大家看了鸿渐**笑** (151页). *Действительно, вид у Фана был **комический** – он давно не брился, волосы торчали в разные стороны, отцовский халат, которым он заменил промокивший пиджак, еле доходил до колен, и из-под него торчали европейские брюки* (с. 177).

Здесь, в оригинале, **笑** (смеяться) – глагол; одежда Хунцзяня была настолько смешной и нелепой, что вызывала всеобщий смех. В русском варианте переводчик заменил глагол на прилагательное «комический».

Второй тип объектов осмеяния – это осмеяние различных социальных явлений, профессий и конкретных вещей.

В процессе **комического изображения конкретных объектов** в оригинальном тексте используются такие риторические приёмы, как метафора, сравнение, олицетворение и другие. В переводе мы можем наблюдать риторические структуры, схожие с оригиналом. Например:

24. 桌面**就像**《儒林外史》里范进给胡屠户打了耳光的脸, 刮得下斤把猪油 (156页). *Компания заняла **единственный свободный столик, залитый свиным салом, как физиономия мясника Ху, того самого, которому Фань Цзинь когда-то отвесил оплеуху*** (с. 182).

25. 原来一般中国旅馆的壁，又薄又漏，身体虽住在这间房里，耳朵像住在隔壁房里的 (145页)。Обычно в китайских гостиницах стены такие тонкие и дырявые, что **кажется, будто ты сам находишься в одном номере, а твои уши – в другом** (с. 171).

26. 跑堂上了菜跟辛楣的面。面烧得太烂了，又腻又粘，像一碗浆糊，面上堆些鸡颈骨、火腿皮 (157页)。Заказанное Синьэмэ ассорти **оказалось** мучнистой жижей с какими-то костями и обрезками окорока (с. 183).

27. 旁边一碟馒头，远看也**像**玷污了清白的大闺女，全是黑斑点... (161页) В харчевне на столах стояли плошки и тарелки с кусками плохо прожаренного остывшего мяса и с белыми пампушками, усеянными черными точками, – такими **могли бы быть**, скажем, пятнышки на девичьей репутации (с. 184).

В примерах 24, 25 языковое средство, применённое в оригинальном тексте, представляет собой метафору, а в переводе используется выражение, соответствующее таковому в оригинальном тексте. В примерах 26, 27, напротив, в оригинальном тексте используется то же сравнение, а в переводе выбран метафорический подход: в примере 26 – окажется + 5п, а в примере 27 – гипотетическая форма. Несмотря на различие способов передачи, образы присутствуют в обеих лингвокультурах, поэтому в результате комический эффект сохраняется.

Осмеивая различные **социальные явления**, а также различные **профессиональные идентичности**, Цянь Чжуншу широко использует иронические выражения. По мнению В. Ф. Макаровой, «отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый» [20, с. 110].

В силу своеобразия китайского и русского языков, а также объективных культурных различий между Китаем и Россией воспроизвести суть этих иронических выражений в процессе перевода доста-

точно сложно. Использование иронии в сатирической литературе не только не позволяет автору навязывать читателям своё отношение и точку зрения в чересчур произвольной или прямой форме, но и излагает авторское отношение косвенным путём, более доходчиво, так, чтобы читатели могли понять его сами. Таким образом, перевод иронии – это не только пересказ поверхностного смысла выражения, но и создание доступного переводного текста, чтобы читатели перевода испытывали те же чувства, что и читатели языка оригинала.

В ответ на восстановление таких языковых средств в переводе проявляются различные уровни семантической эквивалентности. Например:

28. 鸿渐说，中国人取外国名字，使他常想起**英国的猪和牛**，牠的肉一上菜单就换了法国名称 (223页)。Фан добавил, что **китайцы, берущие себе иностранные имена, заставляют его вспомнить об английских свиньях и коровах**, чье мясо в ресторанном меню часто получает французские названия (с. 251).

29. 中国是世界上最提倡科学的国家，没有旁的国度肯这样给科学家大官做的。**外国科学进步，中国科学家进爵** (190页)。Ни в одной стране на свете не почитают науку так, как в Китае, только у нас ученым предоставляют столь высокие посты. **За границей движется вперед наука – у нас продвигаются по служебной лестнице ученые** (с. 216).

Здесь перевод достигает семантической и синтаксической эквивалентности посредством использования метода буквального перевода, ввиду чего ирония по поводу чрезмерного восхищения иностранной культурой в Китае в оригинале романа реализована и в переводе.

30. 得学位是把论文**哄过**自己的先生；教书是把讲义**哄过**自己的学生。鸿渐当年没哄过先生，所以未得学位，现在**要哄**学生，不免欠缺依傍 (263页)。Фан стал **тщательнее готовиться к занятиям, а в свободное время предавался**

мечтам о том, как он станет знаменитым профессором (с. 292).

В оригинальном тексте используется повторение слова «哄»¹ для постепенного усиления иронического оттенка. Перевод представляет собой эвфемистическую передачу смысла оригинала, в нём опущены повторы слов и использован глагол «мечтать» для выражения иронии, заложенной в оригинале произведения, которая повествует о том, что педагоги не воспринимают преподавание всерьёз. Оригинал и перевод достигли прагматической эквивалентности, при этом комический эффект уменьшился.

31. 例如: 方鸿渐在爱尔兰人手里买假文凭时, 仅仅“.....汇上十美金聊充改行的本钱。爱尔兰人气得咒骂个不停, 喝醉了酒, 红着眼要找中国人打架。这事也许是中国自有外交或订商约以来唯一的胜利” (12页)。Махони долго и злобно ругался, потом напился и с налитыми кровью глазами пошел искать какого-нибудь китайца, чтобы подражаться (с. 37).

Ирония в оригинальном тексте заключается в том, что Хун Цзянь купил иностранный диплом по минимально возможной цене и это нестандартное событие оказалось единственной победой в истории китайской дипломатии. Таким образом, этот эпизод выступает ироничным комментарием к некомпетентности китайского правительства в историческом контексте того времени. Сатирический эффект от ироничного выражения теряется, так как это предложение опущено в переводе.

Заключение

Сравнительно-сопоставительный анализ типов объектов осмеяния и языковых средств, используемых для дости-

жения комического эффекта в оригинале и переводе, показывает, что передача комического эффекта возможна в разном объёме. Задача переводчика в данных ситуациях состоит в том, чтобы понять авторский замысел и в максимальной степени совершить успешный трансфер в переводной культуре. С целью успешной передачи комического эффекта, заложенного в сознании читателя текста оригинала, в реципиенте-переводе необходимо использовать различные переводческие способы, которые позволят достигнуть коммуникативной цели. Однако существуют некоторые случаи, в которых воссоздание сатиры ограничено либо лингвистическими факторами, либо экстралингвистическими.

Культурные факторы во многом оказывают влияние на передачу комического эффекта. Если изображение комических объектов в оригинальном тексте характерно для китайской культуры, юмористический эффект в переводе будет ослаблен из-за ограниченности восприятия другими культурами. Так, Н. Н. Миронова в своей работе отмечает, что большое внимание следует уделять трансформации текстов, содержащих культурные фоновые знания, в процессе межкультурной коммуникации и подчёркивает важную роль комментария в этом отношении [18, с. 468]. Таким образом, для достижения межкультурной и межъязыковой коммуникации переводчик выбирает различные языковые средства в переводном языке с целью достижения более доступного уровня эквивалентности.

Результаты данного исследования могут служить основой для дальнейшего изучения комического и сатирического текстов.

¹ Когда слово 哄 произносится как третий тон hǒng, в современном китайском языке это означает: уговаривать, обманывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борев Ю. Б. О комическом или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 273 с.
2. Карасёв Л. В. Мифология смеха // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 68–86.
3. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 285 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры; 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
5. Панина М. А. Комическое и языковое средство его выражения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 147 с.
6. Абаева Е. С. Объекты юмора как элементы когнитивных переводческих моделей // Казанская наука. 2015. № 6. С. 108–111.
7. Муминов С. О. Изучение литературной комеди Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя в школе. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 112 с.
8. Косинова Л. В. Китайский комический дискурс: на примере жанров «сяншэн», «куайбань», «анекдот»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 190 с.
9. Егошина Н. Б., Николаева О. А., Смирнова А. Н. Особенности комического эффекта в межкультурной коммуникации // Культура и образование. 2019. № 3 (34). С. 13–20. DOI: 10.24411/2310-1679-2019-10302.
10. 陈孝英. 幽默的奥秘 [M] 北京: 中国戏剧出版社, 1989. 546页。
11. 王金玲. 试论俄语笑话及其民族文化特征[J]. // 外语与外语教学. 2002. № 5. 44–47页。
12. 孙艳红. 俄语幽默语言的辞格手段及民族性格[J]. // 科技信息. 2007. № 30. 445–446页。
13. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
14. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
15. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство МГУ, 2004. 544 с.
16. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: Флинта, 2016. 463 с.
17. Сдобников В. В. Перевод и лингвистическая безопасность // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. № 57. С. 93–108. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-93-108.
18. Миронова Н. Н. Русская классическая литература в комментариях переводчиков // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2022. № 1. С. 460–468.
19. Турсонов Ф. М. О средствах передачи национально-культурного компонента художественного текста (теоретический обзор) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2022. № 3 (72). С. 58–64. DOI: 10.51844-2077-4990-2022-3-58-64.
20. Макарова В. Ф. Типология комического // Научный Татарстан. 2014. № 1. С. 108–116.

REFERENCES

1. Borev, Yu. B. (1970). *On the Comic, or How Laughter Punishes the Imperfection of the World, Purifies and Renews Man, and Affirms the Joy of Being*. Moscow: Iskusstvo publ. (in Russ.).
2. Karasev, L. V. (1991). *Mythology of Laughter*. In: *Questions of Philosophy*, 7, 68–86 (in Russ.).
3. Propp, V. Ya. (1999). *Problems of comedy and laughter*. Moscow: Labyrinth publ. (in Russ.).
4. Sannikov, V. Z. (2002). *Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: Yazyki slavyan-skoj kultury publ. (in Russ.).
5. Panina, M. A. (2005). *Comic and linguistic means of its expression* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
6. Abaeva, E. S. (2015). Humour objects as the elements for cognitive translation models. In: *Kazan Science*, 6, 108–111 (in Russ.).
7. Muminov, S. O. (2017). *Study of literary comedy by D. I. Fonvizin, A. S. Griboyedov and N. V. Gogol in school*. Moscow: FLINTA publ., Nauka publ. (in Russ.).
8. Kosinova, L. V. (2017). *Chinese comic discourse: on the example of the genres “xiangsheng”, “kuaiban”, “anecdote”* [dissertation]. Volgograd (in Russ.).
9. Yegoshina, N. B., Nikolaeva, O. A. & Smirnova, A. N. (2019). Humorous effect features in the intercultural communication. In: *Culture and education*, 3 (34), 13–20. DOI: 10.24411/2310-1679-2019-10302 (in Russ.).
10. 陈孝英 (1989). 幽默的奥秘 [M] 北京: 中国戏剧出版社。

11. 王金玲 (2002). 试论俄语笑话及其民族文化特征[J]. In: 外语与外语教学, 5, 44–47.
12. 孙艳红 (2007). 俄语幽默语言的辞格手段及民族性格[J]. In: 科技信息, 30, 445–446.
13. Schweitzer, A. D. (1988). *Translation Theory: Status, Problems, Aspects*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
14. Komissarov, V. N. (1990). *Translation Theory (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
15. Garbovsky, N. K. (2004). *Translation Theory*. Moscow: Moscow State University publ. (in Russ.).
16. Sdobnikov, V. V. (2016). *Translation and the Communicative Situation*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
17. Sdobnikov, V. V. (2022). Translation and linguistic security. In: *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 57, 93–108. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-93-108 (in Russ.).
18. Mironova, N. N. (2022). Russian classical literature in the translators' comments. In: *Russian language and culture in the mirror of translation*, 1, 460–468 (in Russ.).
19. Tursunov, F. M. (2022). On the means of transfer of culture-specific items in the literary text (theoretical review). In: *Scientific Notes. Series of Humanities and Social Sciences*, 2022, 3 (72), 58–64. DOI: 10.51844-2077-4990-2022-3-58-64 (in Russ.).
20. Makarova, V. F. (2014). Typology of the comic. In: *Scientific Tatarstan*, 1, 108–116 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дуань Сяоли (г. Москва) – аспирант кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
ORCID: 0009-0007-4482-0384; e-mail: 1490138618@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Duan Xiaoli (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Theory and Methodology of Translation, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University;
ORCID: 0009-0007-4482-0384; e-mail: 1490138618@qq.com

Научная статья
УДК 81.22
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-41-55

МОНИТОРИНГ КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА ВЕЖЛИВОСТИ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ОБЩЕНИИ

Леонтович О. А.^{1,2*}, Никитина А. В.¹

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация

² Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: olgaleo@list.ru

Поступила в редакцию 08.07.2024

После доработки 09.08.2024

Принята к публикации 09.08.24

Аннотация

Цель. Изучить лингвопрагматические и функциональные особенности использования вежливости в межпоколенной коммуникации.

Процедура и методы. Мониторинг коммуникации, играющий важную роль в моделировании вежливого поведения, трактуется как инструмент социального взаимодействия, направленный на самоконтроль говорящего и регулирование вербального и невербального поведения окружающих. Ведущий метод исследования – дискурс-анализ; вспомогательные методы: дефиниционный и контекстуальный анализ.

Результаты. Показано, что роль взрослого, направленная на социализацию детей, предполагает регуляцию поведения ребёнка. Горизонтальный мониторинг между сверстниками осуществляется в виде неформального общения, не осложнённого этикетными формулами. Вертикальный мониторинг выстраивается иерархически в зависимости от возраста; старшие обычно регулируют действия младших в императивной форме, не обременяя себя нормами вежливости. Вежливая либо невежливая форма, в которой осуществляется мониторинг коммуникации, может влиять на восприятие и эффективность межпоколенного общения.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлены выявлением функций и типов мониторинга коммуникации и определением его роли в моделировании процесса вежливого межпоколенного общения.

Ключевые слова: вежливость, возраст, межпоколенное общение, мониторинг коммуникации, социальные нормы

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, проект «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе».

Для цитирования:

Леонтович О. А., Никитина А. В. Мониторинг коммуникации и проблема вежливости в межпоколенном общении // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 41–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-41-55>

Original research article

COMMUNICATION MONITORING AND POLITENESS IN INTERGENERATIONAL DISCOURSE

O. Leontovich¹ ^{2*}, A. Nikitina¹

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University, prospekt imeni V. I. Lenina 27, Volgograd 400005, Russian Federation*

² *Pushkin State Russian Language Institute, ulitsa Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: olgaleo@list.ru*

Received by the editorial office 08.07.2024

Revised by the author 09.08.2024

Accepted for publication 09.08.24

Abstract

Aim. To investigate the linguopragmatic and functional features of politeness in intergenerational communication.

Methodology. Communication monitoring, which plays an important role in the modelling of politeness, is viewed as a tool of social interaction aimed at the speakers' self-control and the regulation of their interlocutors' verbal and non-verbal behaviour. The leading method employed in the research is discourse analysis, the supporting methods include definitional and context analyses.

Results. The role of an adult directed towards socialising children implies the regulation of the child's behaviour. Horizontal monitoring between peers is carried out by means of informal communication not complicated by etiquette formulas. Vertical monitoring is built hierarchically depending on age: older people usually regulate the action of younger ones in the imperative form, without burdening themselves with norms of politeness. The polite or impolite form of communication monitoring can affect the perception and effectiveness of intergenerational communication.

Research implications. The study has identified the functions and types of communication monitoring and determined its role in modelling the process of polite intergenerational discourse.

Keywords: age, communication monitoring, intergenerational discourse, politeness, social norms

Acknowledgements. The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, project "Linguistic mechanisms of social interaction: the category of politeness in vocabulary and discourse".

For citation:

Leontovich, O. A. & Nikitina, A. V. (2024). Communication monitoring and politeness in intergenerational discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 41–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-41-55>

Введение

Горизонты исследования вежливости в современных научных дисциплинах существенно расширились – они не сводятся более к изучению этикетных формул и правил приличия. Проблемы вежливости обсуждаются в контексте различных дисциплин (лингвистики, философии, теории коммуникации, психологии, педаго-

гики и т. д.) и имеют большое социальное значение. Рассматриваются такие темы, как соотношение вежливости, невежливости и антивежливости [1; 2], приличного и неприличного, такта и бестактности [3], концептуализация вежливости в разных культурах [2; 4; 5], невербальные проявления вежливости [6] и т. д.

Использование вежливости связано с проблемами этики и аспектами личностной идентичности – возрастом, гендером, социальным статусом, уровнем образования, этнической принадлежностью. Цель данной статьи – описать лингвопрагматические и функциональные особенности использования вежливости людьми разных поколений. В центре предлагаемого подхода – понятие мониторинга как инструмента регулирования коммуникативного процесса и его роли в межпоколенном общении.

Материал исследования представлен живой устной речью, а также примерами из художественной литературы, интернета, документальных и художественных фильмов (в общей сложности 440 примеров). В качестве ведущего метода исследования выступает дискурс-анализ, позволяющий учесть структурные и содержательные аспекты коммуникации, а также социальный контекст интеракции. Анализ проводится по следующим параметрам: участники коммуникации, прагматический контекст, форма коммуникации, социально-интерактивная и эмоциональная составляющие (подробнее см. [7]). В качестве вспомогательных методов используются дефиниционный анализ для формулирования ключевых понятий исследования и контекстуальный анализ для выявления особенностей функционирования языковых единиц и их взаимодействия с языковым окружением.

Задачи исследования: 1) выявить роль мониторинга коммуникации в моделировании вежливого поведения; 2) провести классификацию различных видов мониторинга и на её основе определить закономерности использования вежливых и невежливых языковых средств, стратегий и тактик вербального и невербального коммуникативного поведения в разных возрастных группах; 3) показать, как форма осуществления мониторинга может влиять на восприятие и эффективность межпоколенного общения.

Вежливость и мониторинг коммуникации – соотношение понятий

Согласно ключевому положению, на которое мы опираемся в данном исследовании, коммуникация не является стихийным процессом – ей свойственна внутренняя структура и организация. Человек обладает имманентными свойствами, заставляющими его выстраивать общение с окружающими в соответствии с принятыми в социуме правилами, нормами и конвенциями [8, с. 19]. Вежливость в известной степени отражает моральные качества личности и связана с такими понятиями, как этика, совесть, мораль, нравственность, норма, культура речи, речевой этикет, коммуникативные табу, сохранение лица.

Дж. Лич утверждает, что *Принцип вежливости (the Principle of Politeness)* выступает как сдерживающий фактор в поведении людей с целью избежать разногласий и обид и сохранить взаимопонимание в коммуникации [9; 10, p. 11]. Вежливое поведение предполагает следование коллективным нормам и правилам, что позволяет коммуникантам «нейтрально, комфортно и бесконфликтно общаться на любые, самые болезненные темы» [5, с. 38]. В свою очередь, невежливость есть нарушение границ, накладываемых нормами вежливого общения.

Мониторинг коммуникации, играющий важную роль в моделировании вежливого поведения, – это инструмент социального взаимодействия, направленный на самоконтроль говорящего и регулирование вербального и невербального поведения окружающих. То есть он как раз и контролирует соблюдение социальных норм и правил, что непосредственно связывает его с понятием вежливости. При нарушении установленных норм человек интуитивно или сознательно корректирует процесс коммуникации, то есть осуществляет мониторинг.

Понятие мониторинга коммуникации присутствует в трудах ряда отече-

ственных и зарубежных исследователей. М. Стаббс [11], М. Л. Макаров [12] и др. трактуют его как одну из функций метакommunikации, направленную на регулирование коммуникативного процесса, в частности привлечение и поддержание внимания, восприятия и понимания; контроль межличностных и социальных отношений, стиля речи, тональности общения, мены коммуникативных ролей, а также обратной связи [12, с. 199–202]. Другие учёные делают акцент на процессе рефлексии и саморегуляции, способности индивидуума контролировать своё вербальное и невербальное общение, что отражает самовосприятие личности и определяет успешность процесса интеракции [13, р. 67; 14, р. 401; 15, р. 118–122]. Осуществляя мониторинг, индивидуум стремится направить коммуникацию в нужное русло, в то время как собеседник может либо подчиниться, либо, со своей стороны, скорректировать общение.

Согласно одной из таксономий коммуникативного поведения в социуме выделяются следующие его типы: 1) поведение, которое не регулируется какими-либо нормами; 2) нарушение норм вследствие их незнания; 3) интуитивное выполнение либо ненамеренное нарушение правил; 4) сознательное выполнение или нарушение правил; 5) рефлексивное поведение, когда человек решает следовать правилам либо нарушать их на основе своей собственной интерпретации и оценки [16].

В рамках исследуемой нами темы мы рассматриваем проблему вежливости / невежливости как стратегии поведения людей разных возрастов, регулируемого как их собственными внутренними убеждениями, так и общепринятыми социальными нормами. Этот аспект рассмотрения вежливости применительно к межпоколенному общению особенно актуален, так как воспитание детей предполагает контроль и корректировку их поведения со стороны взрослых.

Автомониторинг и гетеромониторинг

Мониторинг осуществляется в двух формах: в виде автомониторинга, то есть самоконтроля и регулировки собственного коммуникативного поведения, и гетеромониторинга – контроля за поведением собеседника [8, с. 21].

Степень *автомониторинга* зависит от индивидуальных особенностей личности (сдержанности либо импульсивности, умения управлять собственными эмоциями, особенно в конфликтных ситуациях), а также от границ самораскрытия. Последнее может быть обусловлено степенью доверия к собеседнику на основе родственных связей, дружбы, гендерной принадлежности, а также возраста. Ребёнок более открыт миру, у него выше степень самораскрытия и ниже порог самоконтроля, нежели у взрослого. С другой стороны, ребёнок не столь хорошо знаком с общественными конвенциями, поэтому может ненамеренно нарушать нормы вежливого общения. В подростковом возрасте нарушение социальных норм может выступать как целенаправленный протест против диктата взрослого общества. По мере взросления человек начинает в большей степени контролировать себя, следить за своей речью, опасаясь последствий со стороны окружающих и требований закона.

Гетеромониторинг выступает как контроль за поведением окружающих, в частности в виде количества и качества коммуникации. Он осуществляется в тех ситуациях, когда по каким-либо причинам не срабатывает самоконтроль говорящего или когда у коммуникантов не совпадают представления о нормативном общении. Взрослые по определению чаще осуществляют гетеромониторинг при общении с детьми, например: *Веди себя хорошо* или *Помолчи, когда взрослые разговаривают*.

Однако дети также могут осуществлять гетеромониторинг по отношению к своим близким или друзьям: *Бабушка,*

пойдём скорее, кино начинается! Папа, помоги – не могу надеть ботинок! Митька, отстань! Нередко гетеромониторинг, как со стороны детей, так и взрослых, направлен на защиту своего личного пространства: *Мама, не вмешивайся в мои дела! Оставьте меня в покое!* Вежливое либо невежливое общение напрямую связано с приемлемостью определённых форм вербального или невербального поведения, а также выражения эмоций.

Гетеромониторинг также широко используется в институциональном общении, например, в педагогическом дискурсе, о чём будет сказано ниже.

Горизонтальный и вертикальный мониторинг

Горизонтальный мониторинг сознательно или бессознательно осуществляется между людьми равного статуса, одним из составляющих которого является возраст. Одинаковый статус даёт коммуникантам право регулировать поведение друг друга, направляя к достижению преследуемой цели.

Между сверстниками обычно имеет место неформальное общение, не осложнённое этикетными формулами, например: *Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!* Типичны фамильярно-разговорные формы обращений, такие как: *Витька, Ленка, Мишка*, которые в общении между детьми не считаются грубыми или обидными. Взрослые, даже весьма преклонного возраста, могут также общаться неформально, используя обращение на «ты» и по имени (*Таня, Серёга, Ирка*). Нередко в разговоре между подругами-пенсионерками можно услышать фразы типа: *Ладно, девчонки, встретимся в субботу!*

Вертикальный мониторинг типичен для интеракций между коммуникантами разного статуса, в нашем случае – между

людьми разного возраста. Он завязан на обладании властью: человек более высокого статуса считает себя вправе управлять поведением нижестоящих.

Статус взрослого, предназначение которого – способствовать социализации детей, обучать их нормам общения, предполагает регуляцию поведения ребёнка. Например, в повести В. Пановой «Серёжа» мама обучает сына правилам вежливости, в частности употреблению слова «пожалуйста»:

– Оно обозначает просьбу, – сказала мама. – Ты у меня просишь карандаш и в знак того, что это просьба, ты добавляешь: пожалуйста.

– А ты не поняла, – спросил Сережа, – что я у тебя попросил карандаш?

– Поняла, но без «пожалуйста» – это невежливо, невоспитанно ... А если ты скажешь: «Дай карандаш, пожалуйста», – это вежливо, и я с удовольствием дам.

– А если не скажу – без удовольствия дашь?

– Совсем не дам! – сказала мама².

В этом плане интересен комментарий Серёжи, который размышляет о неравенстве взрослых и детей: ... *Сережа говорит им «пожалуйста», – при всех своих странностях они сильны и властвуют над детьми, они могут дать или не дать Сереже карандаш, как им вздумается*³.

При этом от детей требуют более высокого уровня вежливости, нежели от взрослых, объясняя это тем, что дети должны проявлять почтительность по отношению к старшим. В рассказе М. Зощенко «Золотые слова» папин начальник во время застолья рассказывает историю. Лёля прерывает его:

– Это что! Вот у нас во дворе одна девочка...

Леся не закончила свою мысль, потому что мама на неё шикнула. И папа на неё

¹ Драгунский В. Красный шарик в синем небе [Электронный ресурс] // Ну-ка дети: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfXN5> (дата обращения: 26.06.2024).

² Панова В. Ф. Серёжа // Электронная библиотека TheLib.Ru. URL: https://thelib.ru/books/panova_vera_fedorovna/serezha-read.html (дата обращения: 25.06.2024). Далее – Панова В. Ф. Серёжа.

³ Панова В. Ф. Серёжа.

строго посмотрел. Папин начальник покраснел от гнева. ... Обратившись к нашим родителям, он сказал:

– Я не понимаю, зачем вы сажаете детей со взрослыми. Они меня перебивают. ... Вы плохо воспитываете ваших детей.

... Бабушка, которая сидела в конце стола у самовара, сердито сказала, поглядывая на Лелю:

– Глядите, вместо того чтобы раскаяться в своём поведении, эта особа снова принялась за еду. Глядите, она даже аппетита не потеряла – кушает за двоих...¹

Дж. Лич и Т. В. Ларина обращают внимание на то, что русские родители в общении с детьми имеют тенденцию использовать императивы: *Иди мой руки. Не перебивай старших*, в отличие от англоязычных коммуникантов, предпочитающих более вежливые формулы в виде совета или предложения: *Why don't you ...*, *How do you feel about ...*, *I think you should ...* [10, p. 26].

Примером «коммуникативной импозитивности» (в терминологии Т. В. Лариной [17, с. 160]), предполагающей широкое употребление императивов, не воспринимаемых как нарушение норм вежливости, может служить следующая ситуация:

Но мама закричала:

– *Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться*².

Считается, что ребёнок должен уважительно общаться со взрослым просто потому, что он взрослый. Мнения на предмет того, какую степень уважения ребёнок должен проявлять по отношению к старшим, могут не совпадать:

– *Разве можно допустить, – возразила мама, – чтобы ребенок критиковал взрослых? Если дети примутся нас критико-*

вать – как мы их будем воспитывать? Ребенок должен уважать взрослых.

– *Да за что ему, помилуй, уважать этого олуха!* – сказал Коростелев.

– *Обязан уважать. У него даже мысль не должна возникнуть, что взрослый может быть олухом. Пусть сначала дорастет до этого самого Петра Ильича, а потом уж его критикует*³.

Права в коммуникации выстраиваются иерархически в зависимости от возраста, даже если речь идёт о братьях, сестрах или друзьях. Старшие без колебаний берутся регулировать действия младших в форме приказов, не обременяя себя нормами вежливости:

Я поехала с вещами, а ты приберешь квартиру. Можешь бровями не дергать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

– *И я твоя тоже.*

– *Да... но я старше ... и, в конце концов, так велел папа*⁴.

В подобных случаях отсутствие вежливых формул становится средством показать своё возрастное превосходство, обидное для младших:

Женька нес сдавать лекарственные растения в дырявом мешке от картошки, с корнями и даже с землей. ...

– *И я с вами, – сказал Сережа, поспешая за ними.*

– *Не, – сказал Васька. – Поворачивай домой. Мы по делу идем. ... Это тебе не игра! Маленьким нечего там делать!*⁵

Характерно, что в сознании детей понятия о вежливости в зависимости от возраста собеседника существенно различаются, как в нижеприведённом примере:

¹ Зоценко М. Золотые слова [Электронный ресурс] // Ну-ка дети: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Ffm6e> (дата обращения: 12.05.2024).

² Драгунский В. Тайное становится явным [Электронный ресурс] // Ну-ка дети: [сайт]. URL <https://clck.ru/3Ffmmt> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Панова В. Ф. Сережа.

⁴ Гайдар А. Тимур и его команда. М.: МИФ, 2024. С. 4-5.

⁵ Панова В. Ф. Сережа.

Когда Аленка меня увидела, она сразу заорала:

– Дениска пришел! Ого-го!

Я вежливо сказал:

– Здравствуйте! Чего орешь, как дура?¹

Обратим внимание на то, что в этом случае демонстрируется разная степень вежливости по отношению к взрослым (*Здравствуйте!*) и по отношению к сверстнице (*Чего орешь, как дура?*).

В детстве и молодости разница в несколько лет ощущается более остро, в старшем возрасте она стирается и становится малоощутимой, что находит отражение в неформальном общении. Однако в институциональном дискурсе на первый план выходят другие статусные характеристики, определяющие иерархическую позицию. В следующем примере учительница, выступающая в роли субъекта мониторинга, чувствуя некое преимущество перед родителями, общается с ними, как с учениками, используя директивы:

– Так, родители, успокойтесь, – опять перекричала всех Светлана Александровна, – вы слушаете, как ваши дети! ... У половины класса не было цветных карандашей в пенале! ... Так, запоминайте домашнее задание. Страница шесть в прописях. Страница два – в математике.

– И без опозданий, – велела нам учительница, – приходите нужно к первому звонку, а не ко второму².

Родители покорно выполняют указания учительницы, подобного рода мониторинг не кажется им невежливым, они принимают свою зависимую роль как данность.

Функции мониторинга

А. В. Никитина [8, с. 20] выделяет ряд функций мониторинга, которые могут быть применены к анализу вежливости.

Прогнозирующая функция заключается в получении опережающей информации о предстоящей коммуникативной ситуации, предсказании дальнейшего развития коммуникации, способности предугадать возникновение опасных моментов в ходе интеракции и по возможности избежать коммуникативных сбоев: *Мама сказала: «Вы только там не балуйтесь»*³. Мама прогнозирует, что дети могут плохо себя вести, и пытается предупредить эти действия.

Использование данной функции предполагает, что коммуникант «проигрывает» в уме будущую ситуацию общения, предсказывая не только свои действия, но и возможную реакцию собеседника, как, например, в следующем эпизоде, где ребёнок, обидевшись на папу, фантазирует, как сбежит от родителей на Алтай:

Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», – и пойду дальше покорять.

А он скажет: «Тебе привет от мамы ...»

А я скажу: «Спасибо... Как она пожиивает?»

А он скажет: «Ничего».

А я скажу: «Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет: «Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скушает!»⁴

Данная функция позволяет коммуниканту выбрать стратегию и тактику будущего общения, хотя нет гарантии,

¹ Драгунский В. Профессор кислых щей [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfoeN> (дата обращения: 26.06.2024).

² Дневник мамы первоклассника : фильм / реж. А. Силкин. Россия: Киностудия «Вертикаль», 2014. 75 мин.

³ Драгунский В. Ровно 25 кило [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfpWX> (дата обращения: 26.06.2024).

⁴ Драгунский В. Надо иметь чувство юмора [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Ffpdo> (дата обращения: 26.06.2024).

что запланированная линия поведения окажется эффективной. Успешность зависит от способности правильно предугадать реакцию собеседника и выстроить интеракцию. В этом смысле ребёнок более предсказуем, и хорошо знающие его родители с большей лёгкостью могут прогнозировать его поведение. Ребёнку же, не обладающему достаточным жизненным опытом и коммуникативными навыками, труднее предвидеть реакцию взрослого. Однако в стандартных, типовых ситуациях, ребёнок хорошо знает, что именно может вызвать гнев взрослого и привести к наказанию.

Диагностическая функция нацелена на определение потенциальных коммуникативных барьеров и помех, которые могут препятствовать нормальному протеканию процесса общения. Например, понимая, что невыученные уроки могут стать причиной возникновения конфликтной ситуации на уроке, мама заставляет сына делать домашнее задание:

– Так, всё, садись, сейчас будешь делать домашнее задание.

– Не буду!

– Будешь!

– Не буду! Там опять эти палочки и цыпленка раскрашивать! Надоело раскрашивать!

– А я не хочу, чтобы тебя Светлана Александровна потом ругала!¹

Регулятивная функция позволяет индивидууму – субъекту мониторинга – контролировать порядок осуществления коммуникативных действий, меню коммуникативных ролей, приемлемость тематики общения, тональность, использование языковых средств, коммуникативных стратегий и т. д.: *Не груби старшим! Ты как со взрослыми разговариваешь? Ты что себе позволяешь? Прекрати этот базар!*

Данная функция особенно очевидна в институциональном дискурсе, например,

на уроке в школе: *Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и еще на ходу сказала:*

– *Кораблев, к доске! ... Кораблев! Что же ты? Я тебя зову или нет?*²

Побудительная функция направлена на то, чтобы стимулировать коммуникантов к вербальным или невербальным действиям либо к их прекращению. Она постоянно реализуется как в речи родителей, так и учителей, с разной степенью вежливости: *Сердюкова, отвечай! Пожалуйста, слушаем тебя! Ну-ка иди сюда! Замолчи(те)!*

Достаточно трудная задача для учителя – регулировать поведение сложного класса, непослушной или равнодушной аудитории: пытаться расшевелить, побуждать, вдохновлять либо наоборот, запрещать или угрожать, что может влиять на качество коммуникации.

Корректирующая функция мониторинга нацелена на исправление ошибок как в содержании дискурса, так и в его речевом оформлении: произношении, написании, построении высказывания, выборе лексических средств. Ярким примером субъекта коммуникации, осуществляющего корректирующую функцию в педагогическом дискурсе, является учитель, одна из задач которого – исправлять разного рода ошибки учеников [8, с. 20]. Приведём пример фрагмента урока по математике, где учитель отрабатывает с детьми устный счёт: *9 уменьшить на 6, не повторяем за мной, сразу ответ! Быстро! Время! Не надо отсчитывать! Мы только сейчас учили, 9 это ..., нет, ты сейчас что сделал? Ты отсчитывал, а мне нужно, чтобы ты говорил сразу чётко мне цифру. Я говорю 9 уменьшить на 6, а ты мне сразу 3. Для чего мы учим состав числа? Ответ должен быть мгновенный,*

¹ Дневник мамы первоклассника: фильм / реж. А. Силкин, Россия: Киностудия «Вертикаль», 2014. 75 мин.

² Драгунский В. главные реки Америки [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfqPX> (дата обращения: 26.06.2024).

значит, состав числа недоучен! Учитель может показаться строгим, но это оправдано несколькими причинами. Строгость помогает ученикам осознать важность изучаемого материала, нести ответственность за свою работу, приобретать необходимые навыки. Излишняя мягкость и вежливость в исправлении ошибок может, наоборот, быть воспринята учениками как слабость учителя и, как следствие, привести к игнорированию этих ошибок или их повтору в дальнейшем.

Корректирующая функция также широко используется в бытовом дискурсе:

– Геннадий, оставь книгу, – начинает раздражаться Полина Петровна. – Когда к тебе обращаются старшие, особенно мать, читать невежливо¹.

Воспитание предполагает управление поведением детей и корректировку их действий. Однако чрезмерное количество замечаний воспринимается как попытка подчинить себе собеседника, ограничить его свободу действий и высказываний, а, следовательно, невежливость:

Ему дали пирог, он стал есть и раскрошил. Прабабушка сказала:

– Как ты ешь!

Сидеть было неудобно, он заерзал на стуле. Она сказала:

– Как ты сидишь!²

Приемлемость и достаточность корректировки действий партнёра по коммуникации – одна из самых сложных проблем в общении взрослых и детей (см., например [18]). С одной стороны, чрезмерное количество замечаний противоречит самой цели коммуникации – достижению взаимопонимания между собеседниками, для которого правильность использования вербальных и невербальных средств далеко не всегда является определяющей. С другой стороны, родители и учителя видят своё предназначение в обучении и воспитании детей,

что предполагает необходимость направлять их поведение в нужное русло. С этой точки зрения вежливая либо невежливая форма, в которой осуществляется корректирующая функция, может влиять на степень её приятия и эффективность коммуникации.

Кроме того, возникает вопрос: имеют ли право дети корректировать действия старших? Нередко попытка детей делать замечания родителям вызывает у последних негодование. Ранее мы также писали о том, что специалисты не рекомендуют более молодым собеседникам общаться с пожилыми людьми свысока (*Мама, ну что ты такое говоришь?! Когда ты, наконец, научишься пользоваться сотовым телефоном?*), поучать их: (*Я тебе уже сколько раз говорила: не бери эту чашку! Нечего слушать всякую ерунду по телевизору!*) [19]. Очевидно, приемлемость либо неприемлемость замечаний зависит от отношений в семье, личностных качеств коммуникантов, их готовности либо неготовности воспринять критику, а также в значительной степени – от формы замечания (вежливой либо невежливой).

Функция сглаживания конфликтов предназначена для предупреждения или разрешения коммуникативных ситуаций, участники которых преследуют несовместимые цели. Возникновение споров и противоречий характерно как для межличностного (между членами семьи или друзьями), так и институционального общения (например, в школе). Для детей в младшем и подростковом возрасте достаточно сложно справляться с сильными эмоциями. Иногда они проявляют их с помощью крика, плача, неконтролируемой агрессии по отношению к собеседнику или отказа вступать в общение, замыкаются в себе, не идут на контакт. Речевые клише, такие как «*Ты уже взрослый – надо вести себя хорошо*», «*Ты должна всё понимать!*», часто не работают. В ситуации агрессии именно взрослому нужно найти способ сгладить конфликт, как в следующем примере, где восьми-

¹ Гартунг Л. Порог [Электронный ресурс] // LibKing: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Ffqii> (дата обращения: 15.06.2024).

² Панова В. Ф. Сережа.

летняя Саша не хочет принимать отчи-
ма Сергея, думая, что мама перестанет
любить её и уделять ей внимание, однако
Сергей не кричит на девочку, а старается
с ней договориться:

– Саш, я знаю, что ты не хочешь со
мною разговаривать. Но ... поговорить
нам надо. Я предлагаю игру. Я буду зада-
вать тебе вопросы, а ты будешь отве-
чать на них шагами. Шаг к дому – да, шаг
от дома – нет, согласна?¹

Функция рефлексии осуществляется
через самоконтроль говорящего с пози-
ций количества, качества сообщаемой
информации и манеры собственного по-
ведения (по П. Грайсу). Рефлексия заклю-
чается в выборе того, что стоит сказать
вслух, а что оставить при себе, а также в
оценке собственного речевого и нерече-
вого поведения. В приводимом ниже кон-
тексте то, что Дениска думает про себя,
не совпадает с тем, что он произносит
вслух, то есть срабатывает самоконтроль:
*Я сказал: «Вы дура, тетя Тамара! Чтоб
вы лопнули! И вообще вон из моего дома.
Чтобы ноги вашей толстой больше здесь
не было». Я сказал это про себя, в мыслях,
так, что никто ничего не понял.*²

Следует отметить, что действия маль-
чика во многом обусловлены мониторин-
гом со стороны старших – боязнь нака-
зания или выговора: *«Это у тебя в голове
опилки, Тамарище Семипудовое». Сказал,
конечно, в мыслях, про себя. А то бы меня
мама заругала. Она и так смотрела на
меня что-то уж чересчур пристально.*

Виды мониторинга

**Вербальный и невербальный мо-
ниторинг.** Мониторинг может осу-
ществляться как в вербальной, так и
невербальной форме, например, в виде

метакоммуникативных высказываний
учителя во время проведения урока, обо-
значающих начало, продолжение и завер-
шение общения: *Ребята, займите свои
места. Звонок уже прозвенел. Начинаем
урок* (учитель открывает коммуникатив-
ный обмен); *Запишите число и тему уро-
ка. Кто решит этот пример? Отвечаем
только по поднятой руке!* (следит за хо-
дом урока, выстраивает логику его прове-
дения, предоставляет слово участникам
интеракции); *Молодцы, хорошо справи-
лись с заданием. Достаточно, продолжит
читать Артём. Говори громче, тебя не
слышно!* (комментирует и регулирует ко-
личество и качество говорения); *Урок за-
кончен, запишите домашнее задание* (за-
вершает коммуникативную ситуацию).

Метакоммуникация может также ис-
пользоваться для предупреждения неува-
жительных высказываний или неприем-
лемого поведения: *Это нехорошее слово,
так говорить нельзя. Не кричи на меня!
Ты как разговариваешь с отцом?!*

Ход коммуникации может регулиро-
ваться паравербальными и невербаль-
ными средствами, такими как повыше-
ние или понижение голоса, интонация,
паузы, остановка взгляда на собеседнике
при передаче репликового шага и т. д.
Кроме того, старшие могут указывать на
не вполне вежливое паравербальное и
невербальное поведение детей:

– *Сюда, сюда!* – *трещала* девчонка. –
*Садитесь! Я вот здесь сяду с тетей На-
дечкой, а дядечка Федечка пусть сядет
рядом с мальчиками.*

– *Не шуми так, Леночка,* – *сказала
тетя Надя.*³

Иногда взрослые полагают, что у них
есть право вести себя с детьми невежли-
во – как они никогда не стали бы вести
себя со взрослыми:

*Увидев, что остался один, Толя ре-
шил, что теперь и ему можно бежать,
но в тот же момент почувствовал, как*

¹ Ближе, чем кажется: фильм / реж. Н. Беляускене, Г. Дюкарев, М. Воскобоев и др. Россия: Продюсерский центр «Молодёжные инициативы», 2015. 94 мин.

² Драгунский В. Одна капля убивает лошадь [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FiLDz> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Носов Н. Дружок [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : URL: <https://clck.ru/3FiLwk> (дата обращения: 15.06.2024).

его кто-то крепко схватил сзади за шиворот, и чей-то визгливый голос закричал прямо в ухо:

– Ты куда же это мячом садишь, разбойник?! Некуда тебе мячом пулять, окромя как по окнам, лоботряс ты этакий!

– Я нечаянно – растерянно пробормотал Толя, стараясь вырваться ...

– Я вот те оторву голову нечаянно да заместо стекла в окошко вставляю. Нет на вас, сорванцов, угомону!¹

Как вежливость, так и невежливость, реализуются на всех уровнях языка и проявляются в интонации, выборе лексики, синтаксических конструкций, а также коммуникативных стратегий. В следующем примере говорящий использует стратегию угрозы, интенсифицируемую с помощью метакоммуникации (Ясно?). Кажущаяся вежливой формула «будь добра» используется как средство дистанцирования от собеседницы:

Если еще раз зайдешь в мою спальню, окажешься на улице. Ясно? Я привык жить один. Так что будь добра не суй свой нос куда не просят².

Невежливость может проявляться в использовании агрессивного, грубого языка, вплоть до непристойностей, а также в виде нарушения конврсационных норм, таких как затянувшаяся пауза, молчание, игнорирование собеседника, не предпочитаемые реплики, перебивание собеседника, взятие репликового шага силой, нарушение баланса говорения и слушания (например, неловкого молчания либо, напротив, монополизации беседы), бесконечных замечаний, нарушения личных границ, манипуляции собеседником путём сообщения ему ложных сведений, окончания беседы без

сигнала о завершении интеракции (например, уход не попрощавшись) и т. д.

Невербальный мониторинг может использоваться самостоятельно или в дополнение к вербальному. Примеры невежливого невербального поведения: поманить пальцем; ткнуть пальцем; погрозить пальцем или кулаком; повернуться к собеседнику спиной; не смотреть на собеседника; сидеть, развалившись в кресле. Мимика также может демонстрировать неуважительное отношение к собеседнику: Ты чего морищишься? Бабушка старалась, кашу варила, а ты нос воротишь!

Сочетание вербального и невербального мониторинга можно проиллюстрировать следующим примером, где девочка нянчится со своим маленьким братом:

Она усадила Виктора наземь, прислонив к яблоне, чтобы он не падал. Но он все равно сейчас же упал – на бок.

– Ну, ты, сиди! – прикрикнула Лида, встряхнула его и усадила покрепче. – Глупый ребенок. Другие уже сидят в этом возрасте³.

Вежливость предполагает адаптацию к собеседнику, выступающую как один из инструментов вежливости. Адаптация взрослых к детям достигается использованием простых синтаксических конструкций, различных оттенков выразительной фонации, замедленного темпа речи, тематических ограничений или обращения к приёмам наглядности и образности, описательных, изобразительных и эмоциональных жестов. Дети, со своей стороны, адаптируются к взрослым с помощью «протознаковых средств общения для выражения потребностей и эмоций (плача, улыбки, мимики, указательных жестов)», копирования моделей поведения старших, уговоров, используемых ребёнком в отношении близких людей, и т. д. [20, с. 142–143].

В приводимом ниже примере адаптация врача по отношению к мальчику осуществляется за счёт выбора лекси-

¹ Носов Н. Приключения Толи Клюквина [Электронный ресурс] // Сказки РуСтих : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FiZAH> (дата обращения: 15.06.2024). Далее – Носов Н. Приключения Толи Клюквина.

² Вспышка_2 // Жизненные истории : канал на Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZMtp5uxgEo4Tb0E> (дата обращения 14.05.2024).

³ Панова В. Ф. Сережа.

ки, тона и вежливых коммуникативных стратегий, позволяющих вызвать у него доверие и желание выполнять указания доктора: *Доктор был старенький и весь белый: в чистом белом халате, в белом колпаке на голове, с белыми седыми бровями, а на носу очки. Он любил говорить слово «ну-с», обращался к Толе на «вы» и называл его молодым человеком:*

– Ну-с, попросу вас дышать, молодой человек. Так... дышите поглубже... еще дышите... – приговаривал он, прикладывая металлическую иштучку к груди то справа, то слева. Потом поднес Толе к носу палец:

– А теперь попросу вас смотреть на кончик моего пальца¹.

Хотя адаптация эффективна в большинстве типов дискурса, её чрезмерное употребление может быть оскорбительным, например, по отношению к подростку (*Что ты со мной разговариваешь, как с маленьким?*) или к пожилому человеку (*Что она со мной, как с ребёнком? Я старая, но не глупая*). Ребёнку часто льстит, когда взрослый разговаривает с ним «на равных», как с большим, без излишней чувствительности и сюсюкания. С другой стороны, отсутствие адаптации нередко является свидетельством невежливого поведения – невнимания к собеседнику, нежелания сделать усилие, чтобы установить контакт.

Устный и письменный мониторинг. Все приведённые выше примеры иллюстрируют мониторинг, реализуемый в устной форме. Мониторинг также может осуществляться письменно, например, в виде замечаний учителя в тетрадке или дневнике: *Выполняй работу тщательно! Обрати внимание на почерк! Небрежные рисунки! Оберни тетрадь!* – или записок на холодильнике, обычно в императивной форме: *Вымой посуду! Вынеси мусор! Покорми рыбок.*

В качестве дополнительных средств, которые могут усилить воздействие, воз-

можно использование подчёркивания, зачёркивания, заглавных букв, цвета чернил или маркера.

Эксплицитный и имплицитный мониторинг. Эксплицитный мониторинг реализуется с помощью высказываний, прямо указывающих на действие, которое должен совершить партнёр по коммуникации: *Принеси, пожалуйста, воды. Ну-ка, садись за уроки! Миша, не реви!* Он может быть как вежливым (с использованием слов *пожалуйста, будьте добры, можно вас попросить*), так и невежливым (в виде бестактных, грубых императивов).

Имплицитный мониторинг выражается в неявной, завуалированной форме, в расчёте на то, что коммуникация, как правило, ситуативна и контекстуально обусловлена, поэтому собеседник сможет распознать истинное значение сказанного. Это может быть как деликатная просьба не шуметь, например: *Что-то у меня голова разболелась*, так и форма речевой агрессии: *Что ты орёшь? У тебя есть голова на плечах? Ты что, оглох?* (подробнее об имплицитной агрессии см. [21]).

Прямой и опосредованный мониторинг. Прямой мониторинг осуществляется лично, в то время как опосредованный – через третье лицо. Например, взаимодействие учителя с родителями нередко происходит при посредстве ученика в устной форме: *Скажи родителям, чтоб пришли!* или письменно, через записку в дневнике: *Купите пластилин! Нет дневника. Сорвал урок.* Как видно из приведённых примеров, подобного рода мониторинг обычно происходит в директивной форме, но иногда встречаются и более вежливые записки: *Уважаемые родители! Подстригите своего сына! Хочется посмотреть ему в глаза!*

Заключение

1. Мониторинг коммуникации, играющий важную роль в моделировании вежливого поведения, трактуется как инструмент социального взаимодействия, направленный на самоконтроль говоря-

¹ Носов Н. Приключения Толи Клюквина.

щего и регулирование вербального и невербального поведения окружающих.

2. Мониторинг осуществляется в двух формах: в виде автомониторинга, то есть самоконтроля и регулировки собственного коммуникативного поведения, и гетеромониторинга – контроля за поведением собеседника. Роль взрослого, направленная на социализацию детей, обучение их нормам общения, предполагает регуляцию поведения ребёнка. При этом вежливое либо невежливое общение напрямую связано с приемлемостью определённых форм вербального или невербального поведения, а также выражения эмоций.

3. Горизонтальный мониторинг сознательно или бессознательно осуществляется между людьми равного статуса, одним из составляющих которого является возраст. В бытовом дискурсе между сверстниками обычно имеет место неформальное общение, не осложнённое этикетными формулами. Вертикальный мониторинг типичен для интеракций между коммуникантами разного статуса, в нашем случае – между людьми разного

возраста. Права в коммуникации выстраиваются иерархически в зависимости от возраста; старшие обычно регулируют действия младших в форме приказов, не обременяя себя нормами вежливости.

4. Приемлемость и достаточность корректировки действий партнёра по коммуникации – одна из самых сложных проблем в общении взрослых и детей. С этой точки зрения вежливая либо невежливая форма, в которой осуществляется мониторинг коммуникации, может влиять на восприятие и эффективность межпоколенного общения.

Сделанные выводы вносят определённый вклад в выявление лингвосоциальных механизмов вежливости, а также закономерностей межпоколенного общения, в чём заключается теоретическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть применены в педагогической и семейной коммуникации, деятельности молодёжных организаций, а также в практике межличностного общения между представителями одной возрастной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции (Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 318 с.
2. Locher M. A., Larina T. V. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts (Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
3. Иссерс О. С. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // *Русский язык за рубежом*. 2023. № 5 (300). С. 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003.
4. Алпатов В. М. Вежливость и этикет (на русском и японском материале) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции (Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 7–12.
5. Брагина Н. Г. Вежливость как невежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции (Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 38–44.
6. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Невербальные ритуалы и их разновидности // *Ритуал в языке и коммуникации: сборник статей*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 105–118.
7. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
8. Никитина А. В. Мониторинг как понятие в коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 7 (61). С. 18–22.
9. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London – New York: Longman, 1983. 268 p.

10. Leech G. N., Larina T. Politeness: West and East (Вежливость: Запад и Восток) // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. No. 4. P. 9–34.
11. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.
12. Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
13. Wood J. T. *Interpersonal communication. Everyday encounters*. Belmont, CA: Wadsworth, 2004. 429 p.
14. Canary D. J., Cody M. J. *Interpersonal communication: A Goals-based Approach*. New York: St. Martin's Press, 1994. 425 p.
15. Weaver II R. L. *Understanding Interpersonal Communication*. Glenview, Ill.: Scott, Foresman, 1987. 368 p.
16. Thomas G. P., Soldow G. F. *Interpersonal Communication: a Process of Rule Negotiation through Metacomunication* // *Advances in Consumer Research*. 1985. Vol. 12. P. 482–486.
17. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
18. Брагина Н. Г., Шаронов И. А. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 4. С. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993.
19. Леонтович О. А. Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения // *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*. 2023. № 3 (43). С. 152–165.
20. Соколова М. С. Адаптация к собеседнику // *Позитивная коммуникация: коллективная монография / под общ. ред. проф. О. А. Леонтович; 2-е изд. М.: Гнозис, 2020. С. 142–210.*
21. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог – 2003» (Протвино, 11–16 июня 2003 г.)*. Т. 2003. М.: Наука, 2003. С. 32–35.

REFERENCES

1. Sharonov, I. A., comp. & ed. (2018). *Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ. (in Russ.).
2. Locher, M. A. & Larina, T. V. (2019). Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
3. Issers, O. S. (2023). Tactless question as a communicative problem in Russian speech culture. In: *Russian Language Abroad*, 5 (300), 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003 (in Russ.).
4. Alpatov, V. M. (2018). Politeness and etiquette (based on Russian and Japanese material). In: *Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., pp. 7–12 (in Russ.).
5. Bragina, N. G. Politeness as impoliteness: at the intersection of different cultural norms and rules. In: *Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., pp. 38–44 (in Russ.).
6. Kreidlin, G. E. & Pereverzeva, S. I. (2013). Non-verbal rituals and their varieties. In: *Ritual in language and communication*. Moscow: Russian State Humanitarian University publ., pp. 105–118 (in Russ.).
7. Leontovich, O. A. (2011). *Methods of communication research*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
8. Nikitina, A. V. (2011). Monitoring in communication: issue formulation. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 7 (61), 18–22 (in Russ.).
9. Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman.
10. Leech, G. N. & Larina, T. (2014). Politeness: West and East. In: *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9–34.
11. Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Blackwell.
12. Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the Theory of Discourse*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
13. Wood, J. T. (2004). *Interpersonal communication. Everyday encounters*. Belmont, CA: Wadsworth.

14. Canary, D. J. & Cody, M. J. (1994). *Interpersonal communication: A Goals-based Approach*. New York: St. Martin's Press.
15. Weaver II, R. L. (1987). *Understanding Interpersonal Communication*. Glenview, Ill.: Scott, Foresman.
16. Thomas, G. P. & Soldow, G. F. (1985). Interpersonal Communication: a Process of Rule Negotiation through Metacommunication. In: *Advances in Consumer Research*, 12, 482–486.
17. Larina, T. V. (2003). *The category of politeness in English and Russian communicative cultures*. Moscow: RUDN University (in Russ.).
18. Bragina, N. G. & Sharonov, I. A. (2019). “Pedagogical” aggression in Russian everyday communication. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993 (in Russ.).
19. Leontovich, O. A. (2023). Age-Specific Communication of Older People. In: *Scientific Notes of the Russian National Society for Applied Linguistics*, 3 (43), 152–165 (in Russ.).
20. Sokolova, M. S. (2020). Adaptation to the interlocutor. In: Leontovich, O. A., ed. *Positive communication*. Moscow: Gnozis publ., pp. 142–210 (in Russ.).
21. Apresyan, V. Yu. (2003). Implicit aggression in language. In: *Computer linguistics and intellectual technologies: proceedings of the International conference “Dialogue – 2003” (Protvino, June 11-16, 2003)*. Vol. 2003. Moscow, Nauka publ., pp. 32–35 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонтович Ольга Аркадьевна (г. Волгоград) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета; главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

ORCID: 0000-0002-0972-4609; e-mail: olgaleo@list.ru

Никитина Анна Валерьевна (г. Волгоград) – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

ORCID: 0000-0002-2047-9771; e-mail: meav@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Leontovich (Volgograd) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Research Department, Pushkin State Russian Language Institute;

ORCID: 0000-0002-0972-4609; e-mail: olgaleo@list.ru

Anna V. Nikitina (Volgograd) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

ORCID: 0000-0002-2047-9771; e-mail: meav@yandex.ru

Научная статья
УДК 81`23
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-56-70

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЕ И «ЖИЗНЬ ЯЗЫКА»: ЭРРАТИВЫ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пешкова Н. П.*, Моисеева А. В., Титлова А. С.

Уфимский университет науки и технологий, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32,
Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.09.2024

После доработки 03.10.2024

Принята к публикации 04.10.2024

Аннотация

Цель. Выявление функционального потенциала эрративных единиц в коммуникативных практиках интернет-пространства для построения их более детальной классификации и дальнейшего изучения эрративов, в том числе выявления и прогнозирования возможностей их функционирования.

Процедура и методы. Для реализации задач настоящего исследования использовались метод дискурсивного анализа, корпусный метод, метод социо-психолингвистического эксперимента, интерпретационный метод, метод сравнения и обобщения.

Результаты. Анализ современных речевых практик позволяет предположить, что эрративы интернет-языка, за исключением грубой и обценной лексики, представляют собой явление, характеризующееся двойственной природой. Двойственность природы эрративов заключается в сосуществовании присущих им негативных и отчасти позитивных свойств, оказывающих, соответственно, негативное и позитивное воздействие прежде всего непосредственно на интернет-коммуникацию, а в перспективе – и на коммуникацию в целом.

Теоретическая и практическая значимость исследования связана с тем, что полученные авторами результаты вносят определённый вклад в интернет-лингвистику, выявляют тенденции функционирования эрративов в интернет-коммуникации и их влияние на современную коммуникацию в целом, анализируют дополнительные функции эрративов, не описанные ранее.

Ключевые слова: интертекстуальность, литуратив, онлайн-коммуникация, холофразис, экспериментальное исследование, эрратив

Для цитирования:

Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Интернет-общение и «жизнь языка»: эрративы как одна из особенностей современной коммуникации // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 56–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-56-70>

Original research article

INTERNET COMMUNICATION AND “LANGUAGE LIFE”: ERRATIVES AS ONE OF CHARACTERISTIC FEATURES OF MODERN VERBAL INTERACTION

N. Peshkova*, A. Moiseeva, A. Titlova

Ufa University of Science and Technology, ulitsa Zaki Validi 32, Ufa 450076, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Received by the editorial office 20.09.2024

Revised by the author 03.10.2024

Accepted for publication 04.10.2024

Abstract

Aim. To identify the functional potential of errative units in the communicative practices of the Internet space for the construction of a more detailed classification and further study of erratives, including the identification and prediction of the possibilities of their functioning.

Methodology. To implement the objectives of this study, the method of discourse analysis, the corpus method, the method of social-psycholinguistic experiment, the interpretative method, the method of comparison and generalization were used.

Results. The analysis of modern speech practices allows us to assume that the erratives of the Internet language, with the exception of rude and obscene vocabulary, are a phenomenon characterized by a dual nature. The duality of the nature of erratives lies in the coexistence of their inherent negative and partly positive properties, which, respectively, have a negative and positive impact, first of all, directly on Internet communication, and in the future – on communication in general.

Research implications. The results obtained by the authors make a certain contribution to Internet linguistics, reveal the tendencies of the functioning of erratives in Internet communication and their influence on modern communication in general, analyze additional functions of erratives that have not been described previously.

Keywords: intertextuality, literative, online communication, holophrasis, experimental research, errative

For citation:

Peshkova, N. P., Moiseeva, A. V. & Titlova, A. S. (2024). Internet communication and “language life”: erratives as one of characteristic features of modern verbal interaction. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 56–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-56-70>

Введение

Интеграция различных форм интернет-коммуникации во все сферы человеческого бытия, происходящая в последние годы, стимулировала рождение и развитие новой теории научного знания – интернет-лингвистики. Функционирование языка в интернет-пространстве способствует трансформации привычных нам форм живого коммуникативного взаимодействия и появлению новых интернет-жанров, число которых растёт с

каждым днём в зависимости от появления новых форм выражения коммуникативных интенций, задач и стратегий. Как справедливо отмечает Н. А. Ахренова, являясь эффективным средством коммуникации, «любой язык – естественный или искусственный – заслуживает изучения» [1, с. 4]. Не составляет исключения и интернет-коммуникация, представляющая собой «симбиоз» языков, технического, литературного, а также

«слэнга, поликодовых лингвокреативных конструкций» [1, с. 4].

Актуальность нашего исследования, проводимого в данном русле, определяется, с одной стороны, недостаточной степенью изученности всех особенностей функционирования такого явления интернет-общения, как эрративы, в том числе их неполным классифицированием, в ситуации современной коммуникации в целом; а с другой – обусловлена определённым потенциалом воздействия эрративов на интернет-коммуникантов и возможностями формирования новых тенденций интернет-коммуникации.

В качестве материала для исследования были использованы сообщения интернет-пользователей в региональных телеграм-каналах и чатах русскоязычного интернета, полученные методом сплошной выборки, а также данные собранной нами экспериментальной базы.

Цель нашего исследования состоит в выявлении функционального потенциала эрративных единиц в коммуникативных практиках интернет-пространства, что могло бы стать полезным для построения их более детальной классификации и дальнейшего изучения эрративов, в том числе, выявления и прогнозирования возможностей их функционирования

Е. И. Горошко и Е. А. Землякова, изучая жанровое разнообразие языка интернета, подчёркивают динамичный и эволюционирующий характер самой виртуальной среды. Гипержанры, функционирующие в условиях виртуальной реальности, представляют собой устойчивые модели речевого поведения, обусловленные коммуникативной ситуацией и интенциями пользователя, реализуются в виде сайта, социальной сети, блога, мессенджера. Электронное письмо, форум, чат, микроблог, сервисы мгновенных сообщений, онлайн-конференция, пост автора, а также комментарии пользователя вышеупомянутые авторы относят к числу интернет-жанров [2].

Объект нашего исследования, коммуникация посредством интернет-чата, как известно, направлена на построение и укрепление социального взаимодействия между пользователями и выступает в качестве синхронного межличностного речевого контакта [3]. Что касается *предмета* исследования, обсуждаемого в настоящей статье, в качестве него выступают эрративы (термин Г. Ч. Гусейнова) [4], представляющие собой одну из характеристик интернет-общения, выходящую за пределы интернет-пространства и оказывающую влияние на коммуникацию современного социума.

Эрративы, как известно, подразумевают такую особенность интернет-коммуникации, как намеренное искажение языковой нормы и выход за её пределы в область сознательной неграмотности. Коммуникативный эффект, производимый подобным несоблюдением правил русского языка, считается своего рода проявлением свободы в общении, выходом за рамки дозволенного, а иногда и выражением протеста. Полагают, что у истоков процесса эрративизации стоит популярный двадцать лет назад язык «падонков», так называемый «олбанский». Именно с него началась, по мнению некоторых исследователей [5], «эстетика бунта» и борьба против мнения толпы, против табу и обыденности.

Нужно отметить, что в отечественных исследованиях последних лет большое внимание уделяется выходу эрративов за пределы интернет-общения и, в связи с этим, проблемам их воздействия на коммуникацию в целом.

Так, в исследовании В. В. Цицкун и Д. Д. Корниук, посвящённом интернет-мемам, эрративы характеризуются как крупномасштабное современное явление, уходящее корнями в языковую реформу прошлого века, 1917–1918 гг., когда зарождение «революционного кривописания» уже привело к упрощению орфографической системы русского языка, а также к обеднению и снижению

языковых норм. Эти тенденции продолжают и в настоящее время благодаря вмешательству интернет-коммуникации в реальную жизнь [6].

В. П. Каткова рассматривает функционал эрративов на примере современного рекламного текста за пределами интернета и отмечает, что появление эрративов в рекламе связано с желанием её авторов минимизировать «лексические потери», при этом безграмотность представляется как одно из достоинств современного общества [7].

В зарубежной литературе наиболее близким к понятию эрратива термином можно считать термин «какография», изначально употреблявшийся как антоним понятия «каллиграфия», но позднее обозначающий, в том числе, намеренное искажение и неправильное написание. Среди зарубежных работ последних лет, посвящённых онлайн-коммуникации и способам её осуществления, хотелось бы отметить исследование Тимоти Баркера и Марии Корольковой, в котором авторы говорят о коммуникативном недопонимании, а среди его причин называют, в том числе, и преднамеренные ошибки [8].

Некоторые зарубежные авторы отмечают, что преднамеренное использования неправильных грамматических форм и лексических единиц в интернет-коммуникации зачастую связано с желанием коммуникантов ускорить и упростить общение. Исследователи усматривают в этом определённую опасность, полагая, что перенос подобных упрощений и искажений из языка социальных сетей в условия реального общения препятствует сохранению норм и стандартов английского языка [9].

Эрративы как одна из особенностей интернет-коммуникации

Нужно отметить, что онлайн-пространство обладает широкими словотворческими возможностями благодаря таким структурообразующим характеристикам, как условность интернет-среды, мульти-

медийная природа, быстрота осуществления взаимодействия, а также неиссякаемые выразительные ресурсы языка.

При онлайн-общении информационный посыл оформляется в виде набора графических символов, что позволяет создавать и корректировать текст в течение любого количества времени. Это, в свою очередь, может способствовать проявлению авторского творческого языкового потенциала. Процесс восприятия письменного текста реципиентом сопровождается повышением концентрации на содержании (т. к. возможно повторное восприятие), осознанием и оценкой творческих решений автора.

Отличительной особенностью опосредованной коммуникации, происходящей в виртуальной среде, представляется ярко выраженное стремление к взаимодействию и ориентированность на адресата [10]. Иными словами, интернет-жанры характеризуются направленностью на конкретного реципиента, которая определяет природу сообщения, в частности в мессенджерах и социальных сетях посты, как правило, обращены к подписчикам, друзьям или клиентам.

Как известно, одной из тенденций современной интернет-коммуникации является интертекстуальность, способствующая возникновению гипертекста [11]. Текстовый материал, генерируемый и функционирующий в онлайн-коммуникации, содержит множество явных и скрытых отсылок как к интернет-ресурсам, так и к другим продуктам человеческого творчества, созданным вне сети, среди них и текстовые источники, и произведения кинематографа, музыкальной, рекламной, художественной сферы.

Интертекстуальность, как можно видеть, делает популярными и приумножает искажения и нарушения языковой нормы; при этом в современной коммуникации, особенно в соцсетях, чатах, телеграм-каналах, такая девиация постепенно становится своего рода субнормой, имея тенденцию покидать виртуаль-

ную сферу и включаться в разговорную речь. Здесь можно вспомнить следующие популярные в молодёжной среде выражения: *типо; казбэ; ничосе; вапице; фигасе; карочи; ачотакова* и т. п.

Как отмечалось выше, одной из характеристик интернет-жанра является его эрративизация. Истоки данного явления лежат чаще всего в стремлении коммуникантов, в большинстве своём представителей молодёжной среды, передать свою эмоциональную реакцию, при невозможности использовать в письменной коммуникации разнообразные экспрессивные средства, доступные при устном общении.

Напомним, что эрративизация представляет собой осознанное нарушение норм и не является следствием необразованности или безграмотности участников коммуникации. Как свидетельствует проанализированный материал, использование эрративов присуще вполне грамотным коммуникантам и очень часто связано с выражением чувства юмора, с косвенной иронией, сарказмом, а не с проявлением ложно понимаемой свободы общения.

Принято выделять несколько типов эрративов: изменения и искажения могут касаться фонетики, грамматики, значения лексических единиц и их графического отображения. Как показывает анализ материала данного исследования, в интернет-коммуникации наиболее часто встречаются фонетические и орфографические эрративы: *намана, плюрализм, чёрный, жыр, ящитаю, атписка, интыр-неты, чорт, блохер*.

Эрративы могут возникать и как саркастическая реакция на безграмотность. В телеграм-канале одного известного блогера была опубликована фотография, на которой изображена пасхальная служба и подпись автора поста: *Всех крестьян с праздником!*¹. Комментарии

пользователей изобилуют фотографиями и картинками работающих крестьян, лаптей, избушек – всей атрибутики, присущей крепостному образу жизни. Помимо графической составляющей, ирония комментаторов выражалась в репликах: *Онтошка! Христиане и крестьяне енто разное!* (автора поста зовут Антон Гусев); *когда спорд и ЗОШ победили мозг. Эх, онтоша, онтоша ...; Онтуан, какой же ты пернатый дуралейка! Слухайтеееее... барин к вам тут обращение имеет!*²

Следует подчеркнуть, что суждения онлайн-дискурса строятся на основе двух противоположных принципов – экономии и избыточности [12]. Экономия, присущая онлайн-общению, выражается в употреблении привычных штампов-сокращений не только для минимизации объёма затрат мышечной энергии в процессе использования электронного устройства, но и зачастую для повышения эмоциональной составляющей высказывания: *пжлста, норм, кст, не зна, нра, не нра, обожа, сек, тя, спс, оч, чё*. Кроме того, в социальной коммуникации распространено явление упрощения пунктуационных элементов, а именно, пропуск точек, запятых и т. д. Также частым приёмом является замена прописных букв строчными в начале предложения.

Наиболее распространённой реализацией принципа избыточности является многократный повтор букв, чаще гласных, для усиления выразительной, экспрессивной функции высказывания, с целью усиления его воздействующего потенциала: *ващеееее, ооооокей, оххх печальноооо, сюрприишииз*.

Среди активно функционирующих в настоящее время авторских новообразований в онлайн-коммуникации, относящихся к эрративам, следует отметить голофрастические конструкции. Холофразис представляет собой графический приём слияния нескольких элементов в единое целое с помощью стирания про-

¹ АНТИК В ПЕРЬЯХ : telegram-канал. URL: <https://t.me/antikperochat> (дата обращения: 20.08.2024).

² Там же.

белов. Существуют слитные голофрастические конструкции и полуслитные (написанные через дефис) [13]. Для современного сетевого общения более привычно использование слитных голофрастических конструкций, которые успели стать устойчивыми выражениями, такими как междометные восклицания: *прастигосподи, ойвсё, твоужзаногу*; или дискурсивные маркеры и союзы: *штош* (что ж), *есичо* (если что), *ящитаю* (я считаю).

Слитное написание характерно и для так называемых хештегов: *#Чтотытакое, #Этотыпокупаем, #классикамемов, #простоотвлечьсянакрасивое, #бабьеконварствонезнаетграниц, #инсулиноваякомавошлавчат*. Закономерно, что наибольший воздействующий эффект и эмоциональный отклик получают индивидуально-авторские примеры голофразиса, привносящие дополнительный смысл, чаще ироничный, саркастичный оттенок. Некоторые из них стали интернет-мемами: *яжмать, тыжмать, дайтеденяк*.

Одним из эффектных, но и достаточно сложных для восприятия приёмов являются литуративы. Они, как известно, представляют собой зачёркивание части текста и, как считается, получили распространение с появлением технической возможности его исполнения:

Будуар императрицы наш Зоопарк повидал немало на своем веку, но история... реально какая-то странная.

Меж тем товарищи ученые нашли кожу рептилоидов, которые прилетели с Нибиру жили на Земле еще СИЛЬНО за долго до динозавров.

... для многих до сих пор «мы говорим «партия» «наша наука» – подразумеваем «Ленин» РАН».

Люди хотели сэкономить на налогах украсть деньги, а их поймали и выслали¹.

Приём зачёркивания части сообщения, как можно видеть, не вычёркивает

её из контекста, а напротив выделяет, привлекает к ней внимание. Посредством данного приёма передаётся коннотация, определённый подтекст, чаще всего ироничный. Существует мнение, что имплицитный контекст, реализуемый с помощью перечёркивания, содержит денотативный компонент значения сообщения, создавая эффект смысловой многослойности. Использование данного приёма «значительно обогащает языковую ткань любого сообщения и разнообразит фактуру текста» [4].

Как показывают исследования, в том числе и наши, взаимозависимые отношения между зачёркнутой и «чистой» частями текста основаны на различных типах связи: ассоциативной; реальности / нереальности или вымысла / реальности; на отношениях, основанных на эффекте обманутого ожидания и т. п. М. А. Булавина характеризует текстовый отрезок, содержащий литуратив как «результат мнимой интеллектуальной или эмоциональной рефлексии», как будто автор говорит: «Я хотел сказать одно, но скажу другое». Однако суть приёма состоит в том, чтобы целенаправленно представить на суд зрителя оба варианта, имплицитно выражая свою позицию [14, с. 45].

Анализ и классификация функций эрративов в интернет-общении на основе эмпирического материала и данных экспериментального исследования

Обсудим некоторые наиболее значимые функции эрративов, реализуемые в интернет-коммуникации.

Одной из функций окказиональных эрративов в блогах и комментариях Телеграма является *приписывание характеристики описываемому персонажу*.

Здесь можно привести следующий пример: *«пшОл вон атседова, ишььчо удумал тут»²*. Автор, применяя сразу

¹ Зоопарк из слоновой кости: telegram-канал. URL: <https://t.me/ivoryzoochat> (дата обращения: 20.08.2024).

² Admin.Anshlak: telegram-канал. URL: <https://telegra.ph/AdminAnshlak-11-03-2> (дата обращения: 20.08.2024).

три орфографических эрратива, пытается передать особенности экспрессивной речи престарелого человека с невысоким уровнем образованности. Это, как можно предположить, перекликается с литературной традицией, когда писатели-классики прибегали к подобному приёму для создания речевой характеристики персонажей.

Порой автор микротекста в интернете, используя эрратив для характеристики персонажа или партнёра по интернет-коммуникации, не столько имитирует его речь, сколько иронически прогнозирует её, создавая его образ в своём авторском видении и выражая собственное отношение к нему: «Ой, а шо такое?!»; «А еше ми таки забыли дрессированного пеликана у Буланжерии, который орал английскому чмошнику: «Борис, ну це капец! Це капец, Борис!»; ПРЬЛЭстно!; Вай ме, как теперича жить то...; Держитесь, весь обещанный калтенд будет построен на «мы завтракать»¹.

Комментирующие, прибегая к ненормативной орфографии и морфологии, как бы прогнозируют его манеру выражаться и при этом передают своё ироническое отношение к личности из поста, по сути, свою эмоциональную оценку интернет-коммуниканта.

Достаточно часто у эрративов прослеживается функция смягчения, поскольку они призваны облегчить процесс коммуникации в условиях, когда не видно лица собеседника и без смягчения печатные слова могут прозвучать обидно или слишком серьёзно для собеседника.

Особенно это заметно в русскоязычной коммуникации, которая отличается большей эмоциональностью. Например, «узбагойса»; просците; уочень понятно; оу, зОчем сердиться?

Ещё одной функцией русскоязычных эрративов представляется **функция идентификации**, особенно в случае эррати-

вов, созданных на базе английских заимствований, таких как: *гуглмансы* (*google taps*), *чайлдфру* (*childfree*), *топчик* (*top*).

Подобные заимствования, передаваемые в русской транскрипции, часто подвергаются намеренной трансформации. Функция идентификации здесь выражается в том, что пользователи, применяющие такие эрративы, тем самым причисляют себя и своих читателей к одному кругу людей, понимающих смысл данных заимствований и способных оценить их шутивную трансформацию, то есть людей достаточно грамотных и при этом современных.

Ещё одной важной функцией эрративов в интернет-коммуникации является **усиление эмоциональности высказывания**, передача эмоций автора: *Тимбольи, у нее жир распределяется в основном в ноги, колени, икры; Потерпите чючуть; поздравления от Лухари косметолога; фыкарная женицина; она же лухарих**хари; – почему весь день в наушниках? – да он аффирмации слушает про бахацтво*².

Так, например, пользователи часто используют для функции усиления большее количество букв, сравнительно с нормативным написанием: «вооооот»; «таааак»; *Дураааа; Он будет говорить им ни хаоооо, сто руппльей братец пазалустааа...; Даже тут обычная нога размера L какой иксэсэсссс?! Дикаааари, их восхищают трамвайные пути. У нас таких то неееету, кхе-кхе; Да лааааадно? Вы завтракаете??*³

Как известно, в интернет-общении важным является фактор времени. Иными словами, необходимо набирать текст достаточно быстро, так как это в определённой мере является аналогом устной беседы. Такое обстоятельство породило ещё одну функцию интернет-эрративов – **функцию экономии времени**. С этой целью в Телеграм широко применяются, на-

¹ Зоопарк из слоновой кости: telegram-канал. URL: <https://t.me/ivoryzoochat> (дата обращения: 20.08.2024).

² АНТИК В ПЕРЬЯХ: telegram-канал. URL: <https://t.me/antikperochat> (дата обращения: 20.08.2024).

³ АНТИК В ПЕРЬЯХ: telegram-канал. URL: <https://t.me/antikperochat> (дата обращения: 20.08.2024).

пример, сокращение до начальных букв фразы: *др* вместо «день рождения»; *нг* вместо «Новый год»; *хз* вместо ненормативного выражения, литературно передаваемого как «кто знает»; *ща* вместо «сейчас»; *крч* вместо «короче» и так далее.

Однако, на наш взгляд, выделение данной функции неоднозначно, поскольку существующие технологии автокоррекции ввода текста позволяют не писать слово целиком, с первых букв предлагая правильный вариант написания. Так, написание слова «щас» займёт больше времени, поскольку данный вариант не заложен в памяти автокорректора и его придётся полностью вводить вручную. В то время как слово «сейчас» будет предложено автоматически.

С целью пополнения классификации функций эрративов нами были проанализированы комментарии пользователей трёх чатов: закрытого чата в кроссплатформенном мессенджере Телеграм, участниками которого являются 12 человек; чата, объединяющего коммуникантов по профессиональным интересам, включающего 20 участников; а также школьного чата выпускного класса в количестве 30 человек. Информация об участниках эксперимента связана с их образованием, которое косвенно говорит об общем уровне грамотности, а также с возрастным параметром, находящимся в диапазоне от 16 лет (школьный чат) до 60 лет (чат по профессиональным интересам).

Собрав материал методом сплошной выборки и проведя анализ более 300 комментариев, авторы предприняли попытку дополнения классификации функций эрративов. Нами были выявлены следующие дополнительные функции.

1. Увеличение или преувеличение количества объектов, упоминаемых в сообщении: *тыща / стоиц(ц)от / (о)х**иард / (о)х**ион* и др.

Эрративы в данных примерах подчёркивают большое количество, употребляются в значении «очень много».

Даша Мурлыка: *А он гайковерт хочет, девочки, за 100 тыщ пьщ.*

Miss Pingui: *Так он в дм 3 тыщи стоит, с доставкой выйдет ещё дороже.*

Анастасия: *А справок куча, аж на тыщ 200 с хвостом.*

Anastasia: *Но когда присматриваюсь к движению, кто куда лезет, подрезает, все эти фуры, стоицот полос... Не, мне на заднем сидении отлично.*

Тихон: *Она пережила ох**иард операций и живет исключительно из вредности.*

2. Смягчение обценной лексики или маскировка инвективы: *епть / епта* и др.

Очевидно, что функция данного вида эрратива состоит в том, чтобы не прописывать полностью, завуалировать обценности.

Miss Pingui: *У меня от архитектора до сих пор лежат инструменты дорожнице. Наследство епта!*

Вероника: *Я просто не понимаю нафуа она к нему прилетает.*

Rufina: *Вот поэтому бизнес не мое. Ну его фжоп, я и так седая.*

3. Приближение к разговорной речи, использование графических оборотов для передачи разговорной речи: *чесслово / чо / есичо*.

Катя: *Ненормальные мамашки, чесслово.*

TatianaX: *Чесслово, это лютый холод! Зачем так холодно?*

Miss Smith: *Я маненько верю, но уже не куплюсь на такое.*

ЗлаяЯ: *Есичо, тут доктор хороший есть)*

4. Сокращения или стяжения слова / словосочетания, такие как *варик / норм / межпроч*, выполняющие двойную функцию, во-первых, экономии времени, потраченного на написание полного варианта, и во-вторых, пародирования разговорной речи.

RT: *Канеш, я пуреланом мазала, все равно сохнут.*

Rlna: *Не уверена, что для их приготовления у меня достаточно прямые руки, но всегда есть варик выкинуть.*

Даша Мурлыка: *Хочешь норм подарок на 8, не дари носки на 23)*

5. ИмPLICITное выражение оценочной иронии/сарказма: *извинити / прастити (прасцици) / в Парыжу / зовидую / щас (щаз) / Госпидя / узбагойся / ну штош.*

Подобные эрративы часто выполняют функцию передачи имPLICITной эмоциональной негативной оценки.

Доктор Ру: *Прастити-извинити. Я просто вижу, что с блесками, значит, старалась, собиралась.*

Irena: *Ну щас она возьмет и извинит-ся, ага.*

Rufina: *А потом обычные женщины им зовидуют и говорят, что им просто повезло.*

Виктория Александровна: *Ох, бедная несчастная, опять все сома.*

Зайчатка: *Ну штош, удачи тогда.*

Anna Matafonova: *Ноукой занимается, учОный жи.*

Ольга: *Оспидя, ну зарегистрируйся еще раз. Проблема тоже мне.*

6. Использование прецедентных эрративов, ставших интернет-мемами (*кросивое / ъыѳ / свинера / стлесс / неть(ѳ)*), часто основанных на информации, распространяемой в медиапространстве в последние годы.

Анастасия: *Я спрашиваю, чо молчала. Она мне – ѳыѳ, забыла.*

Пална: *Я маску на волосы намазюкала, кросивое будет (нетѳ).*

Кэтрин: *Назвать мужика лысым, вот она свинера, конечно!*

Обсуждение результатов экспериментального исследования

После проведения анализа собранных реакций-комментариев и выявления их дополнительных функций в интернет-коммуникации, нами был подготовлен и проведён экспериментальный опрос среди участников трёх чатов: первый объединял участников коммуникации по интересам, в большинстве своём, имеющих высшее образование (115 комментариев);

второй чат характеризуется как профессиональный, участники его относились к академической аудитории, включающей преподавателей и сотрудников университета (57 комментариев); третий чат составила молодёжная школьная аудитория выпускников, общающихся ради передачи информации и поддержания коммуникации в классе (150 комментариев).

Подготовленный опросник для пользователей вышеупомянутых чатов включал упрощённое определение эрратива и ряд вопросов, из которых только один требовал односложного ответа да/нет (Используете ли Вы эрративы в интернет-общении?). Все остальные вопросы побуждали к размышлению и требовали аргументации своей позиции, своего мнения или своих действий.

Приведём определение эрратива для участников экспериментального исследования, а также примеры некоторых вопросов.

«Эрратив – это намеренная, подчёркнутая неграмотность, сознательное игнорирование правил написания слов, пунктуации и т. п. Например: *стопицот, тыщ, чо, норм, прастити, узбагойся, штош, кросивое.*

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

Используете ли Вы эрративы в интернет-общении?

Если Вы используете эрративы, часто или редко Вы это делаете?

Почему Вы используете эрративы часто/редко?

Если Вы не используете эрративы, почему Вы это делаете?

Почему (с какой целью) Вы пишете слово с ошибкой, если знаете его правильное написание?».

Проведённый опрос первого чата по интересам показал, что в интернет-коммуникации и в устном живом общении большая часть респондентов (87%) используют эрративы достаточно редко, поскольку основная часть окружения этих коммуникантов не использует и

порой не понимает смысла сообщения с эрративами. Иными словами, из-за нежелания показаться малограмотными, необразованными пользователи стараются придерживаться нормативного языка. Можно привести такие ответы наших респондентов:

Тихон: *В офлайн редко, очень редко. Социум, в котором живу, не понимает и не использует практически, только за редким исключением.*

Катя: *Я использую в этом чате или в переписке с подругой, в жизни нет. Мои знакомые никто не используют такие слова.*

Ирэна: *Нечасто. Я бы сказала, что только здесь) Не припомню, чтобы в переписках я употребляла эрративы. Вы поймете, а остальные под вопросом.*

Ольга: *В живом общении достаточно редко. Не очень мне нравится неграмотность.*

Вика: *Использую такие слова в этом чате и с некоторыми друзьями, с которыми можно их использовать, они привыкли к этому и не возмущаются.*

Руфина: *Иногда пишу, зависит от человека и вообще от круга общения. Обычно близким.*

Некоторые пользователи приводят свои доводы в пользу употребления эрративов, но только в письменном интернет-общении:

Пална: *Оч. часто. Это экономит время. Вы посмеетесь, мол, секунду сэкономила, а я отвечаю: да, экономит. Вот иду я по улице, мне подруга фотку шлет. Я подумую: абалденная, но отвечаю: збс. Если я буду писать «абалденный», то зимой отморожу руки. Ну или смотрю фильм и параллельно переписуюсь. А в фильме мой любимый Никита Ефремов. Ну как тут не заэрративить? Но в то же время, не надо забывать про уместность. Если в род чате я пишу: Доброе утро! Простит, извините, пожалуйста, то в этом чате можно просто сказать «халоу, чо».*

Интересно отметить, что небольшой процент респондентов (8% из 87% тех,

кто редко использует эрративы) признались в отказе от желания пользоваться намеренным ненормативным написанием по мере взросления, возможно, по мере избавления от подросткового желания выделиться.

Аня: *Раньше использовала гораздо чаще, сейчас реже.*

Х: *Канеи, не часто! Я человек образованный).*

Аня: *Раньше это было чаще, потому что казалось прикольнее и было в моде писать криво, типа ты не такой, как все, задаешь тенденции, смешно исковеркал слово. Стала реже, потому что хочется писать грамотнее и чище. Бывает такое, что в переписке с подругами пишешь какое-то слово, потому что тоже прикольнее выглядит или мемы есть актуальные на эту тему. Из недавних: крассивое, ужос, сома. Стараюсь быть на волне и в теме, но периодически раздражать начинает, и снова перехожу на нормальную грамотность.*

Среди причин умышленного искажения орфографических норм пользователи называют стремление сделать текст более «атмосферным», придать ему живость и эмоциональность:

Пална: *Иногда напишу, а потом начинаю сомневаться в своей писанине, «а правильно ли я написала». Кст, иногда писанина с ошибкой весьма уместна. К примеру, когда рассказываешь какую-то историю из жизни. Эрративы придают истории какую-то атмосферность, что ли. Текст получается не «сухой», а ламповый такой.*

Вика: *Мне кажется, некоторые такие слова делают переписку живее.*

Есть несколько комментариев, в которых использование эрративов аргументируется желанием сопротивления суперграмотным перфекционистам или протестом против борцов за грамотность, целью которых, по мнению авторов подобных комментариев, часто является стремление к превосходству над соперником, выражающееся в желании

исправить его речь, а вовсе не донести более чётко определённую мысль:

Руфина: *Для меня это выросло из междусобойного прикола между граммар-наци, используется для придания письменной речи некой фривольности.*

Основной же причиной применения эрративов пользователи данной группы, как правило, называют стремление принадлежать определённой группе, общаться со «своими», с тем узким кругом единомышленников, которые правильно поймут и по достоинству оценят подтекст, иронию, языковую игру, содержащуюся в сознательном ненормативном написании слов:

Тихон: *В одном случае, подстраиваясь под аудиторию, в другом более точно передает смысл сообщения.*

Ольга: *В сообщениях только тем, кто действительно поймет настроение и смысл самого сообщения, так как не всегда люди правильно понимают написанное.*

Ирэна: *Совершаю маленькое идеальное преступление, и ничего мне за это не будет) У меня педагогическое образование, и я иногда могу заморачиваться над написанием слов, над склонением. А вообще, эрративы расслабляют мозг, постараюсь поменьше их употреблять.*

Х: *Вообще, я работаю с людьми, поэтому ихние привычки и речь перенимаю. Имхо, мне норм.*

Таким образом, мы можем проследить преобладающую тенденцию здорового отношения к использованию эрративов в экспериментальной аудитории чата по интересам в условиях сознательного анализа проблемы. Как уже отмечалось выше, 87% участников опроса редко по их собственной оценке используют эрративы, объясняя это рациональным отношением к процессу общения нежеланием выглядеть не вполне образованной личностью. При этом только 8% этой аудитории связывают своё нежелание использовать эрративы с фактором взросления.

Меньшая часть данной экспериментальной аудитории, составляющая 13%,

объясняет свою привычку использования эрративов различными причинами. Причины использования варьируются от нерационального желания украсить свой комментарий или просто расслабиться в общении со своей компанией до вполне рациональной позиции, связанной с профессиональной деятельностью, например, работой с подгруппой социума, большая часть которой принимает подобную речевую практику.

Участники чата, объединённые профессиональным интересом и принадлежащие академической университетской среде, как и можно было предположить, в своём большинстве (97%) не используют эрративы в деловом интернет-общении, соблюдают все нормы грамматики и синтаксиса русского языка, руководствуясь профессиональной этикой. 3% коммуникантов прибегают к эрративной лексике, выполняющей функцию экономии усилий в процессе общения, примерами которой являются *спс/спсб* или *пжст/пжлст*; реже этой же группой применяются эрративы, передающие эмоции, такие как: *даааа*, *вооот*, *нууу*. При этом около 30–40% представителей от всех участников профессионального чата готовы использовать эрративы в процессах коммуникации в чатах по интересам и в индивидуальном интернет-общении с друзьями.

Неожиданные результаты показал опрос школьного чата выпускников (возрастной диапазон 16–17 лет). В соответствии с полученными данными около 70% участников данного чата не стремятся к намеренному использованию неправильных грамматических слов и конструкций. Более того, критику со стороны большинства коммуникантов вызывают эпатажные неправильные конструкции, используемые меньшинством. В качестве примеров реакций на использование обценной лексики и грубых (плюс неправильных) фраз можно привести такие комментарии, как:

Чего это ты? Совсем отупел в северной столице?

*Кончай борзеть))) Мы тебя и так знаем
Да ладно, не надо тут ...*

Наиболее популярными эрративами среди участников школьного чата стали *чо* и *ща*; используемые в целях экономии усилий: *мб, спс, пжст*; а также для выражения эмоций: *сЕди, сежу-сежу* и *огоооо*. Следует отметить также отсутствие в сообщениях и комментариях знаков пунктуации и заглавных букв: *москва, уфа, питер*.

По поводу использования «неправильностей» и «специально неграмотных слов» в интернет-общении главным аргументом в оценках этого явления для большинства участников экспериментального опроса (70%) школьного чата стали утверждения: «Сейчас это уже не интересно», «Это прошло». Один из респондентов заявил: «Это из моего детства, наверное, где-то 2014. Сейчас нет».

Таким образом, полученные данные опроса позволяют констатировать определённое угасание популярности эрра-

тивов и интереса к их использованию в интернет-коммуникации со стороны подросткового социума. Хотя, безусловно, это ещё не означает их окончательного ухода как из интернет-коммуникации, так и из живого общения.

В завершение обсуждения ниже мы ещё раз приводим некоторые результаты экспериментального исследования в форме таблицы 1.

Заключение

Приведённый в статье анализ эрративов, классифицирование их функций в интернет-коммуникации и анализ данных, полученных экспериментальным путём, позволяют сделать некоторые выводы относительно особенностей функционирования различных видов эрративов в интернет-общении. Прежде всего, анализ современных речевых практик позволяет предположить, что эрративы интернет-языка, за исключением грубой и обсценной лексики, представляют собой явление, характеризующееся двойственной природой. Двойственность

Таблица 1 / Table 1

Результаты экспериментального исследования использования эрративов в интернет-коммуникации / Results of an experimental study of the use of erratives in the Internet communication

Вид интернет-коммуникации	Использование эрративов в интернет-коммуникации – с показателем «часто»	Использование эрративов в интернет-коммуникации – с показателем «редко»	Преобладающая функция эрративов, используемых в интернет-коммуникации
1. Интернет-чат по интересам (высшее образование; различные профессии, возраст 36-44 года)	13% коммуникантов чата	87% коммуникантов чата	1. Функция передачи эмоций. 2. Функция достижения релаксации.
2. Профессиональный чат (академический университетский социум; возрастной диапазон от 30 до 60 лет)	3% коммуникантов чата	97% коммуникантов чата	1. Функция экономии усилий. 2. Функция передачи эмоций.
3. Школьный чат выпускного класса (возраст 16-17 лет)	30% коммуникантов чата	70% коммуникантов чата	1. Функция экономии усилий. 2. Функция передачи эмоций.

природы эрративов заключается в сосуществовании присущих им негативных и отчасти позитивных свойств, оказывающих, соответственно, негативное и позитивное воздействие, прежде всего, непосредственно на интернет-коммуникацию, а в перспективе – и на коммуникацию в целом. Об этом говорилось в предшествующих исследованиях данного явления интернет-языка [15].

Нельзя не видеть некоторой положительной стороны природы эрративов, в одних случаях проявляющейся в создании комического эффекта, направленного на снижение агрессии склонных к ней коммуникантов; в других – смягчающего посредством иронии грубую коммуникацию, зачастую присущую анонимному интернет-общению; тем самым снижающей напряжение в общении и способствующей разряжению коммуникативного конфликта.

Авторы статьи не разделяют мнения части участников нашего экспериментального опроса, утверждающих, что особая (стилистическая) окраска эрративов позволяет по-разному интерпретировать слова и выражения, в том числе и иноязычные, превращая привычное в новое, и тем самым способствуя развитию креативного мышления коммуникантов. Подобное мнение представляется нам спорным, однако его следует привести для характеристики части наших респондентов и как одну из возможных перспектив дальнейшего обсуждения проблемы.

Отрицательная сторона использования эрративов связана прежде всего с тем, что постоянное искажение употребления слов и их сочетаний, как можно

уже наблюдать, искажает и их стабильное восприятие, результаты которого представлены в вербальном сознании участников коммуникации; тем самым нарушая разграничение правильного и неправильного, нормы и НЕ нормы в коммуникативной практике, в речи и в языке. Подобная ситуация может привести и, как показывает жизнь, отчасти уже приводит к непониманию и разрушению правил этики общения в языковом сознании коммуникантов; к стиранию грани между формальным и неформальным общением в каждодневной коммуникации, выходящей за пределы интернет-пространства. Подобная ситуация, как нам представляется, в случае её динамичного развития в перспективе могла бы привести и к разрушению системы базовых культурных ценностей социума.

Однако, данные экспериментального опроса, проведённого нами в аудитории пользователей трёх чатов – коммуникантов, объединённых общением по интересам и профессиональным общением, а также необходимостью обмениваться информацией общего и делового характера, – свидетельствуют в пользу преобладания умеренного и рационального отношения к использованию эрративов в различных речевых практиках. Кроме того, полученные нами данные демонстрируют определённое ослабление интереса современного молодёжного социума к использованию эрративов, что, как можно предположить, обеспечивает перспективу сохранения базовых принципов «жизни языка», в том числе его нормы и речевой этики, в коммуникации современного российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: доминантный подход: монография. М.: Русайнс, 2022. 178 с.
2. Горошко Е. И., Землякова Е. А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 1-1. С. 225–237.
3. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009. 238 с.

4. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы : доклад в Fitzwilliam College (University of Cambridge), 29 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm> (дата обращения: 23.01.2024).
5. Шаповалова Н. Г. ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности // *Жанры речи*. 2007. № 5. С. 403–412.
6. Цицкун В. В., Корниук Д. Д. Эрративы как одно из средств передачи вербальной информации в интернет-меме // *Art Logos (искусство слова)*. 2023. № 2. С. 142–151. DOI: 10.35231/25419803_2023_2_142.
7. Каткова В. П. Эрратив в рекламном тексте // *Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3: Филологические науки. Медиакоммуникации*. 2022. № 2 (76). С. 26–30.
8. *Miscommunications: Errors, Mistakes, Media* / ed. by T. Barker, M. Korolkova. New York: Bloomsbury Publishing, 2021. 344 p.
9. Ojetunde C. F. The Use of English on Social Media: Deviation or Variation? // *The European Conference on Arts & Humanities 2019: Official Conference Proceedings* [Электронный ресурс]. URL: <https://papers.iafor.org/submission52163/> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова; 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 328 с.
11. Новые формы и условия современной речевой коммуникации: монография / Н. П. Пешкова, Д. Р. Гилязова, Я. А. Давлетова, И. Х. Мигранова, А. В. Моисеева, А. С. Титлова; ред. Н. П. Пешкова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 184 с.
12. Сорокина Т. А. Дискурсивная организация русскоязычной технически опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 20 с.
13. Ковынева И. А. Голофрагис как способ словообразования в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 175 с.
14. Булавина М. А. Зачеркивание как один из приемов языковой игры в интернет-коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2012. № 1. С. 45–52.
15. Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации // *Вопросы психолингвистики*. 2024. № 2 (60). С. 77–89. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89.

REFERENCES

1. Akhrenova, N. A. (2022). *Internet linguistics: dominant approach*. Moscow: Rusains publ. (in Russ.).
2. Goroshko, E. I. & Zemlyakova, E. A. (2011). Theory of Virtual Genres: Paradigm Development. In: *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, vol. 24 (63), 1-1, 225–237 (in Russ.).
3. Shchipitsina, L. Yu. (2009). *Genres of computer-mediated communication*. Arkhangelsk: Pomor University publ. (in Russ.).
4. Guseinov, G. Ch. (2008). *Incomplete communication in the blogosphere: erratives and liturgicals: report at Fitzwilliam College (University of Cambridge), August 29, 2008*. URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm> (accessed: 23.01.2024) (in Russ.).
5. Shapovalova, N. G. (2007). ORPHO-art: carnival communication in virtual reality. In: *Speech Genres*, 5, 403–412 (in Russ.).
6. Tsytskun, V. V. & Korniiuk, D. D. (2023). Erratives as one of the means of transmission of verbal information in the internet meme. In: *Art Logos – The Art of Word*, 2, 142–151. DOI: 10.35231/25419803_2023_2_142 (in Russ.).
7. Katkova, V. P. (2022). Erratives in an Advertisement. In: *Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series 3: Philological Sciences. Media Communications*, 2 (76), 26–30 (in Russ.).
8. Barker, T. & Korolkova, M., eds. (2021). *Miscommunications: Errors, Mistakes, Media*. New York: Bloomsbury Publishing (in Russ.).
9. Ojetunde, C. F. (2019). The Use of English on Social Media: Deviation or Variation? In: *The European Conference on Arts & Humanities 2019: Official Conference Proceedings*. URL: <https://papers.iafor.org/submission52163/> (accessed: 19.08.2024).

10. Kolokoltseva, T. N. & Lutovinova, O. V., eds. (2018). *Internet communication as a new speech formation*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
11. Peshkova, N. P., Gilyazova, D. R., Davletova, Ya. A., Migranova, I. Kh., Moiseeva, A. V. & Titlova, A. S. (2023). *New forms and conditions of modern speech communication*. Ufa: Ufa University of Science and Technology publ. (in Russ.).
12. Sorokina, T. A. (2013). *Discursive organization of Russian-language technically mediated communication* [dissertation]. Saratov.
13. Kovyneva, I. A. (2007). *Holophrasis as a method of word formation in the Russian language* [dissertation]. Oryol.
14. Bulavina, M. A. (2012). Strikeout as one of the linguistic game mode in the internet communication. In: *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 1, 45–52.
15. Peshkova, N. P., Moiseeva, A. V. & Titlova, A. S. (2024). New forms of precedent text in modern internet communication. In: *Journal of Psycholinguistics*, 2 (60), 77–89. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пешкова Наталья Петровна (г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий;

ORCID: 0000-0003-4611-2887; e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Моисеева Ангелина Валерьевна (г. Уфа) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий;

ORCID: 0000-0002-6188-5450; e-mail: mo_link@mail.ru

Титлова Анастасия Станиславовна (г. Уфа) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий;

ORCID: 0000-0003-4854-9441; e-mail: nastyatitl@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalja P. Peshkova (Ufa) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department Head, Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology;

ORCID: 0000-0003-4611-2887; e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Angelina V. Moiseeva (Ufa) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology;

ORCID: 0000-0002-6188-5450; e-mail: mo_link@mail.ru

Anastasiya S. Titlova (Ufa) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology;

ORCID: 0000-0003-4854-9441; e-mail: nastyatitl@gmail.com

Научная статья

УДК: 81' 366.58 [811.161.1+ 811.133.1]

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-71-78

СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОТ РУССКОЙ: КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ

Сенченкова М. В.

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 52/3, стр. 1, Российская Федерация

e-mail: sentchenkova@mail.ru

Поступила в редакцию 14.06.2024

После доработки 23.10.2024

Принята к публикации 31.10.2024

Аннотация

Цель работы – установить различия по грамматической категории модальности в русском и французском языках в сопоставительном плане, выявить схождения и расхождения в использовании языковых средств выражения данной категории.

Процедура и методы. Как основной в исследовании используется сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявить схождения и различия языковых средств данной категории французского и русского языков. Использовались также: метод сплошной выборки при формировании корпуса фактического материала, описание и интерпретация результатов сравнения; анализ и синтез различных точек зрения на природу грамматической категории модальности, семантический анализ при интерпретации фактического материала.

Результат исследования. Выявлены и установлены расхождения и совпадения сравниваемых языков по грамматической категории модальности, а также средства языкового выражения этой категории. Модальность как лингвофилософская категория, присущая человеческой речи, существует во всех языках, в том числе французском и русском. Во французской грамматике вопрос о модальности представляется спорным, определяется формами *subjonctif* / формами *conditionnel*. В русском языке модальность выражается условно-сослагательными предложениями.

Теоретическая и практическая значимость. Проведённый анализ значим для сравнительно-сопоставительного изучения двух языков в спорном вопросе грамматической категории модальности и её языкового выражения. Во французском языке существует категория наклонения, выраженная парадигмой форм *conditionnel* / форм *subjonctif*. При этом в пользу той или иной точки зрения приводятся весомые аргументы. Результаты исследования статьи подтверждают точку зрения на грамматическую категорию модальности во французском языке, выраженной формами *subjonctif*. Полученные результаты исследования полезны студентам, изучающим французский язык и программную дисциплину «Сравнительная типология французского и русского языков».

Ключевые слова: грамматическая категория наклонения, модальность, французский язык, русский язык, сравнительное языкознание

Для цитирования:

Сенченкова М. В. Сходство и отличие французской глагольной системы от русской: категория модальности // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 71–78. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-71-78>

Original research article

SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN FRENCH AND RUSSIAN VERB SYSTEMS: CATEGORY OF MODALITY

M. Senchenkova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, ulitsa Ostozhenka 52/3, build. 1, Moscow 119021, Russian Federation

e-mail: sentchenkova@mail.ru

Received by the editorial office 14.06.2024

Revised by the author 23.10.2024

Accepted for publication 31.10.2024

Abstract

Aim. To establish differences in the category of modality in the Russian and French languages in comparative terms, to identify similarities and discrepancies in the use of linguistic means expressing this category.

Methodology. The main method of research is a comparative method that allows to identify similarities and differences in the linguistic means of this category in the French and Russian languages. The following methods were also used: continuous sampling method in the formation of the corpus of factual material, description and interpretation of the comparison results; analysis and synthesis of various points of view on the nature of the grammatical category of modality, and semantic analysis in the interpretation of factual material.

Results. The discrepancies and coincidences of the compared languages in the grammatical category of modality, as well as the means of linguistic expression of this category have been identified and established. Modality as a linguistic and philosophical category inherent in human speech exists in all languages, including French and Russian. In French, the question of modality is controversial, defined by subjunctif forms / conditionnel forms. In Russian, modality is expressed by conditional-subjunctive sentences.

Research implications. The analysis is significant for the comparative study of the two languages in the controversial issue of the grammatical category of modality and its linguistic expression. In French, there is a category of mood expressed by the paradigm of conditionnel forms / subjunctif forms. At the same time, strong arguments are given in favor of one or another point of view. The results of the research of the article support the point of view on the grammatical category of modality in the French language expressed by subjunctif forms. The obtained research results are useful for students studying French and the program discipline "Comparative typology of French and Russian languages".

Keywords: grammatical category of mood, modality, French, Russian, comparative linguistics

For citation:

Senchenkova, M. V. (2024). Similarities and differences between the French and Russian verb systems: category of modality. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 71–78. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-71-78>

Введение

При анализе морфологических средств грамматической категории наклонения понятие модальности счита-

ется ключевым. Под модальностью подразумевается отношение высказывания к действительности, устанавливаемое говорящим. Модальность, выраженная

системой специальных глагольных форм, то есть парадигматически, называется наклонением, и в этом случае речь идёт об объективной модальности¹. Нормативная грамматика французского языка признаёт два наклонения: *conditionnel* (формы на -ais, -ais, -ait, -ions, -iez, -aient) и *subjonctif* (формы на -e, -es, -e, -ions, -iez, -ent (в качестве примера приведены глаголы I группы спряжения)².

Материал, методы и результаты исследования

Сравнение по категории модальности русского и французского языков подтверждает их различие: французский язык характеризуется аналитическим строем, тогда как для русского языка характерен синтетизм грамматического строя.

Русское сослагательное наклонение выражается формой прошедшего времени на -л в сочетании с частицей «бы». Частица «бы» присоединяется к любому члену предложения (*что бы, если бы, хотя бы, когда бы* и другими): *Как бы я не опоздал на самолет; Если бы он хорошо учился, он получил бы хорошую оценку; Если бы ты знал, как я счастлива*³.

П. С. Кузнецов, полагая, что в русском языке существует сослагательное наклонение, определил значение предположительности как его общее грамматическое значение⁴. По мнению А. В. Исаченко, сослагательное наклонение выражает нереальное или нереализованное действие⁵. Согласно этой концепции, сослагатель-

ное наклонение употребляется для выражения значений условия, возможности, желания как в независимых, так и в придаточных предложениях [1; 2].

Согласно другой точки зрения, в русском языке модальные значения выражаются условно-сослагательными предложениями. Так, в своё время А. А. Потенбня⁶ и А. А. Шахматов выделили в русском языке модальные значения желательности и условия и их языковое выражение, хотя и непредставленное парадигмой специальных глагольных форм⁷. Этот факт даёт основание ряду грамматистов считать, что в русском языке грамматическая категория наклонения отсутствует, в то время как модальные значения передаются условно-сослагательными предложениями.

Сослагательно-условные предложения используются для выражения не только модального значения предположительности и условия, но и реального действия, что имеет место в формулах вежливости: *Я бы просила Вас мне позвонить завтра; Я бы хотела с Вами побеседовать*⁸.

В семантическом плане русскому сослагательному наклонению во французском языке близок *subjonctif*, который включает четыре временные формы: *présent, passé, imparfait* и *plus-que-parfait*. Глагольные формы *présent, passé* распространены как в разговорном языке, так и в письменном, формы *imparfait* и *plus-que-parfait* в разговорной речи практически не употребляются. По мнению грамматистов Ж. и Р. Ле Бидуа *subjonctif* служит для передачи значений пожелания, приказа, уступки, сомнения, гипотетичности, предположения и выражения

¹ См.: Grammaire Larousse du français contemporain / J.-C. Chevalier, C. Blanche-Benveniste, M. Arrive, J. Peytard. Paris: Larousse, 1964, 494 p. Далее – Grammaire Larousse du français contemporain.

² См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004, 862 с.

³ Глагол. Морфологические категории глагола // Русская грамматика. Т. 1. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Академия наук СССР, 1980. С. 582–681.

⁴ Кузнецов П. С. Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 309.

⁵ Исаченко А. В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 28–43.

⁶ Потенбня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Академия наук СССР, 1941. Т. 4. С. 93–167.

⁷ Шахматов А. А. Очерк современного литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.

⁸ Прим. взят из: Катагощина Н. А. Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языках. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1985. С. 25–30.

чувств, например, изумления, негодования и других¹. Авторы перечисляют совокупность возможных модальных значений, выражаемых *subjonctif*, но не определяют его общего грамматического значения.

С точки зрения Г. Г. Шогта *subjonctif* употребляется чаще всего для выражения значения предположительности². Данное наклонение, кроме того, может передавать личное отношение к действию говорящего или личную оценку действия. Сравним: *D'où vient que tu es en avance?*³ – *С чего ты взял, что пришёл раньше?* *D'où vient que tu sois en avance?* – *С чего бы это, что ты пришёл раньше?*⁴ Употребление глаголов в *subjonctif* свидетельствует о том, что говорящий сомневается в реальности факта. В русском переводе предложений с формами *subjonctif* явно чувствуется сомнение.

Французские лингвисты Ж. Дамурет и Эд. Пишон рассматривают общее грамматическое значение *subjonctif* как *mode de non-jugement*⁵. Другими словами, они полагают, что *subjonctif* не передаёт твёрдого суждения или мнения. Их определение фактически является обобщающим и включает все частные значения данного наклонения, которые признаются другими грамматистами [3]. При отсутствии определённого твёрдого суждения или мнения всегда проявляется наличие оттенков: 1) неуверенности: *Je ne dis pas qu'elle est bonne.* – *Я не говорю, что она добра.* / *Je ne dis pas qu'elle soit bonne* – *Я бы не сказал, что она добра;* 2) сомнения: *D'où tenez-vous qu'elle a fait ça?* – *С чего вы решили, что это сделала она.* / *D'où tenez-vous qu'elle ait fait ça?* – *С чего бы это вы реши-*

ли, что это сделала она; 3) предположения: *Croyez-vous qu'elle est contente de sa vie?* – *Вы верите, что она довольна своей жизнью?* / *Croyez-vous qu'elle soit contente de sa vie?* – *Уверены ли вы, что она довольна своей жизнью?*⁶

Значение модальности форм *subjonctif* особенно отчётливо проявляется при сопоставлении предложений с глагольными формами изъявительного наклонения / предложений, которые содержат формы *subjonctif*. Последнее явно выражает значение модальности.

Отношение к действию, обозначаемому в *subjonctif*, может характеризовать как говорящего, так и собеседника, а также третье лицо:

1) *Je ne crois pas qu'elle soit malade*⁷. – *Я не думаю, чтобы она была больна.*

В примере передано отношение самого говорящего.

2) *Es-tu bien sûr qu'il soit un brave homme*⁸. – *Ты совершенно уверен, что он будто бы честный человек.*

В данном предложении выражено отношение собеседника.

3) *Penses-tu qu'elle consente?*⁹ – *Ты думаешь, что она бы согласилась?*

В этом примере обозначается отношение к действию третьего лица.

В переводе на русский язык при передаче говорящим личной оценки действия, обозначенного формами *subjonctif*, наблюдаются изменения в формальной структуре высказывания: *Je ne dis pas qu'elle soit belle*¹⁰. – *Я бы не сказал, что она красивая.* Частица «бы» как показатель значения модальности, переносится в главное предложение, сопровождая глагол.

¹ Le Bidois G. et R. *Syntaxe du français moderne*. Paris: Picard, 1935. Т. 12. 793 p.

² Schogt H. G. *Le système verbal du français contemporain*. Paris: Mouton, 1968. 74 p.

³ Примеры взяты из: *Grammaire Larousse du français contemporain*. P. 247.

⁴ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – С. М.

⁵ Damourette J., Pichon E. *Des mots à la pensée. Essai de grammaire française*. Paris: Artrey, 1970. Т. 5. 356 p.

⁶ Примеры взяты из: *Grammaire Larousse du français contemporain*. P. 248–250.

⁷ Maupassant de G. *Contes et nouvelles choisis*. M.: Edition de Progrès Moscou, 1974. P. 46.

⁸ Dumas A. *Le compte de Monte-Cristo*. Paris: Gallimard, 1998. Т. 1. P. 294.

⁹ Balzac de H. *Le père Goriot*. Paris: Classiques universels, 2000. P. 119.

¹⁰ Ibid. P. 204.

Во французском языке модальные значения, кроме форм *subjonctif*, могут быть переданы формами на *-ais* (*conditionnel / futur dans le passé*) [4]. Определение модального значения *conditionnel* явилось предметом дискуссии, в которой приняли участие многие романисты [5; 6; 7]. Во французской грамматике в настоящее время *conditionnel* рассматривается как наклонение, выделяемое на основании его особой семантики. С точки зрения Ш. Балли значение нереальности действия, в значительной степени утраченное в *subjonctif* в связи с его постоянным употреблением в сложном предложении, нашло адекватное выражение в *conditionnel*¹. Ряд лингвистов (в том числе Г. Гийом², Л. Теньер³, Р.-Л. Вагнер⁴, П. Имбс⁵, А. Клюм⁶, Р. Мартен и др.)⁷ не рассматривает *conditionnel* наклонением, включая его в состав *indicatif*, на том основании, что семантика глагольной формы не может быть достаточным основанием для определения значения.

Такие лингвисты, как Ж. и Р. Ле Бидуа⁸, Г. Гийом⁹, Ж. Дамурет и Э. Пишон¹⁰, полагают, что формы на *-ais*, входя в систему временных форм индикатива, также выражают определённые оттенки модальности, например, значение предположения. Выражая такие оттенки, как

возможность и вероятность действия, при основном значении «ослабленного будущего», формы на *-ais* (*futur dans le passé*) находят широкое употребление для выражения модальности. Так же как в предложениях с формами *conditionnel présent*, действие представляется как потенциально возможное, то есть указывает на то, что его осуществление полностью не снимается и остаётся возможным: *Si tu venais demain, tu nous ferais plaisir*¹¹. – Если бы ты пришёл завтра, ты бы доставил нам удовольствие; *Si elle arrivait, il s'en irait*¹². – Если бы она пришла, он бы ушёл.

Формы *conditionnel*, выражающие предположение, возможность, сомнение, вежливость и другие сходные модальные оттенки, в русском языке достаточно точно передаются сослагательными предложениями:

4) *Si elle avait vécu, les choses tourneraient autrement*¹³. – Если бы она была жива, всё сложилось бы по-другому (значение предположения);

5) *Déjà sept heure et demie. Nous pourrions peut-être aller dîner*¹⁴. – Уже половина восьмого вечера. Мы могли бы пойти поужинать (значение возможности);

6) *Aimerait-elle un gardien de porcs?*¹⁵ – Полюбила бы она того, кто пасёт свиней (значение сомнения);

7) *Je voudrais beaucoup vous parler*¹⁶. – Я бы хотел с Вами поговорить (формула вежливости).

В русском переводе возникают трудности при передаче гипотетических (условных) предложений, которые указывают на ирреальность действия [8; 9; 10]. Это связано с тем, что во французском языке имеются специальные грам-

¹ Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne: Francke, 1950. 440 p.

² Guillaume G. Temps et verbe. Paris: Champion Honoré, 1970. 154 p.

³ Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1976. 670 p.

⁴ Wagner R.-L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. P.: Hachette, 1976. 648 p.

⁵ Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne. Paris: Klincksieck, 1960. 272 p.

⁶ Klum A. Verbe et adverbe. Stockholm: Studia norhilogica, 1961. 313 p.

⁷ Martin R. Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. Paris: Gothier, 1971. 122 p.

⁸ Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. Paris: Picard, 1935. T. 12. 793 p.

⁹ Guillaume G. Temps et verbe. Paris: Champion Honoré, 1970. 154 p.

¹⁰ Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée. Essai de grammaire française. Paris: Artrey, 1970. T. 5. 356 p.

¹¹ Balzac de H. Le père Goriot. Paris: Classiques universels, 2000. P. 73.

¹² Mérimée P. Carmen. М.: Юпитер-Интер, 2003. С. 58.

¹³ Zola E. Au bonheur des dames. Paris: Gallimard, 1980. P. 167.

¹⁴ Zola E. Une page d'amour. Paris: Gallimard, 1999. P. 58.

¹⁵ Maupassant de G. Une vie. Paris: Maxi-Livres, 2005. P. 113.

¹⁶ Ibid. P. 146.

матические средства, которые помогают различать, является ли выражаемое действие потенциально реальным или ирреальным. Употребление в условных предложениях форм *conditionnel présent* указывает на потенциально реальное действие, а формы *conditionnel passé* – на ирреальное: *Si Louis était venu, je l'aurais reçu*. – Если бы Луи тогда пришёл, я бы его принял¹.

В этом случае русский вариант приводит к совпадению с французским предложением, указывающим на потенциальную возможность действия (*Si Louis venait je le recevrais*). Следовательно, необходимо уточнить русский перевод, вводя дополнительно лексические средства, а именно наречие «тогда».

В примере: *Je t'aurais dit bonjour si je t'avais reconnu*². – Если бы я тебя узнал, я с тобой тогда бы поздоровался. – русский перевод считается эквивалентным, потому что наречие «тогда» поясняет, что говорящий не узнал знакомое ему лицо, с ним не поздоровался. Об этом свидетельствует употребление во французском условном предложении формы *conditionnel passé*.

*Si j'avais pu, je l'aurais fait*³. – Если я мог, я бы это тогда сделал.

Перевод требует уточнения, указывающего на ирреальность действия, относящегося к прошлому.

В ряде случаев контекст указывает на ирреальность действия. Так предложения типа: *S'il n'avait pas perdu de temps, il aurait pu finir ce travail en semaine suivante. Maintenant, c'était trop tard*⁴. – Если бы он не потерял время, он бы смог закончить работу на следующей неделе. Теперь уже поздно.

*Il aurait été vous le dire, s'il ne fût pas tombé malade*⁵. – Он бы вам это сказал, если бы не заболел.

Заключение

В результате рассмотрения вопроса модальности в русском и французском языках в сопоставительном плане на предмет сходства и различия в использовании языковых средств для её выражения можно заключить, что наблюдаются как общие тенденции (выражение отношения говорящего к действительности), так и различия, обусловленные разным грамматическим строем исследуемых языков. Отличие состоит также в том, что во французском языке вопрос существования категории модальности является спорным, тогда как в переводе на русский язык модальные оттенки передаются сослагательными и условными предложениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Епифанцева Н. Г. Модальность и средства ее выражения во французском и русском языках // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 1 (9). С. 38–44.
2. Сенченкова М. В. Модальность и категория наклонения во французском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 86–91. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-86-91.
3. Епифанцева Н. Г. Коммуникативные характеристики французских глагольных форм *Subjonctif* // Романские тетради: сборник статей памяти профессора А. В. Шепиловой / Московский городской педагогический университет. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2020. С. 82–87.
4. Епифанцева Н. Г. Грамматическая природа сложных предложений с модальным словом в функции главного компонента // Филологические науки. 1996. № 6. С. 72–82.

¹ Maupassant de G. Contes et nouvelles choisis. М.: Edition de Progrès Moscou, 1974. P. 216.

² Maupassant de G. Fort comme la mort. СПб.: КАРО, 2010. С. 154.

³ Saint-Exupéry de A. Vol de nuit. Paris: Gallimard, 2006. P. 72.

⁴ Stendhal. Le rouge et le noir. Paris: Classiques universels, 2000. P. 96.

⁵ Hugo V. Notre-Dame de Paris. Paris: Edition de la Seine, 2006. P. 271.

5. Теория и практика перевода в диахронии и современной научной парадигме: коллективная монография / И. Г. Жирова, И. Н. Филиппова, Н. Г. Епифанцева [и др.]. М.: Государственный университет просвещения, 2023. 192 с.
6. Епифанцева Н. Г. Морфолого-синтаксические особенности французского имени и глагола (переводческий аспект) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти д.ф.н. проф. Ю. Н. Марчука (Москва, 01–02 марта 2019 г.) / отв. ред. И. Н. Валуйцевой. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 233–236.
7. Корж В. И., Савченково Е. П. Реализация значения предшествования во французском предложении с временным подчинением (психолингвистический и грамматический аспекты) // Психология языка и психолингвистика: истоки и современность: материалы Международной научно-практической конференции (к 200-летию со дня рождения Хеймана Штейнталя). М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 108–116.
8. Ахренова Н. А., Лунькова Л. Н., Чернякова Ю. С. Искусство анализа текста: учебное пособие. М.: Флинта, 2024. 81 с.
9. Жирова И. Г. Лингвистические элементы семантики художественного текста // Лингвистические горизонты: международный сборник научных трудов. Белгород: Эпицентр, 2023. С. 49–53.
10. Филиппова И. Н. Ошибки перевода в практике обучения: Типология и причины // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VIII международной научно-практической конференции (Симферополь, 25–26 апреля 2024 г.). Симферополь: ООО «Изд-во Типография «Ариал», 2024. С. 393–399.

REFERENCES

1. Epifantseva, N. G. (2012). Modality and the means of its expressing in the French and Russian languages. In: *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (9), 38–44 (in Russ.).
2. Senchenkova, M. V. (2020). Modality and mood category in French and Russian. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 86–91. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-86-91 (in Russ.).
3. Epifantseva, N. G. (2020). Communicative feature of French subjunctif verbal forms. In: *Romance notebooks: a collection of articles in memory of Professor A. V. Shepilova*. Moscow: LLC “Yazyki Narodov Mira» publ., pp. 82–87 (in Russ.).
4. Epifantseva, N. G. (1996). Grammatical nature of complex sentences with a modal word as the main component. In: *Philological Sciences*, 6, 72–82 (in Russ.).
5. Zhirova, I. G., Filippova, I. N. & Epifantseva, N. G. (2023). *Theory and practice of translation in diachrony and modern scientific paradigm*. Moscow: Federal State University of Education publ. (in Russ.).
6. Epifantseva, N. G. (2019). Morphological and syntactic features of the French name and verb (translation aspect). In: *Word. Dictionary. Term. Lexicographer: collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference in memory of Doctor of Philosophy, Professor Yu. N. Marchuk (Moscow, March 1-2, 2019)*. Moscow: MRSU Ed. Office, pp. 233–236 (in Russ.).
7. Korzh, V. I. & Savchenko, E. P. (2023). Realization of the meaning of precedence in a French sentence with temporary subordination (psycholinguistic and grammatical aspects). In: *Psychology of language and psycholinguistics: origins and modernity: materials of the International scientific and practical conference (on the 200th anniversary of the birth of Heymann Steinthal)*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 108–116 (in Russ.).
8. Akhrenova, N. A., Lunikova, L. N. & Chernyakova, Yu. S. (2024). *The art of text analysis*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
9. Zhirova, I. G. (2023). Linguistic elements of the semantics of a literary text. In: *Linguistic horizons: international collection of scientific papers*. Belgorod: Epicenter publ., pp. 49–53 (in Russ.).
10. Filippova, I. N. (2024). Translation errors in teaching practice: Typology and causes. In: *Translation discourse: interdisciplinary approach: materials of the VIII international scientific and practical conference (Simferopol, April 25-26, 2024)*. Simferopol: LLC “Tipografiya “Ariall”, pp. 393–399 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенченкова Марина Викторовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры европейских языков Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации;

ORCID: 0009-0008-5870-9174; e-mail: sentchenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Senchenkova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of European Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

ORCID: 0009-0008-5870-9174; e-mail: sentchenkova@mail.ru

Научная статья
УДК 18-23
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-79-91

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ САМОУНИЧИЖИТЕЛЬНОГО ЮМОРА В ДИСКУРСЕ «РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО УНИЖЕНИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТЕНДАП-ШОУ)

Сергеева Ю. М., Уварова Е. А.*

Московский педагогический государственный университет, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: ekaterina_uvarova_91@inbox.ru

Поступила в редакцию 30.06.2024

После доработки 10.10.2024

Принята к публикации 11.10.2024

Аннотация

Цель. Выявить и рассмотреть лингвистические средства актуализации самоуничижительного юмора в стендап-шоу как особом виде юмористического дискурса.

Процедура и методы. Для установления лингвостилистических и прагматических характеристик текста стендап-шоу использовался контекстуальный и когнитивно-дискурсивный анализ.

Результаты. В исследовании доказан высокий прагматический потенциал дискурса «развлекательного унижения», предложена его тематическая классификация, рассмотрены основные характеристики самоуничижительного юмора, а также выявлены языковые (гипербола, сравнение, ирония, контраст, олицетворение) и неязыковые (мимика, жесты) средства создания комического эффекта в стендап-шоу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Настоящее исследование может быть полезным для расширения представлений о категории комического и функционировании юмористического дискурса в современном медиапространстве.

Ключевые слова: адаптивный юмор, категория комического, образные средства, стендап-комедия, юмористический дискурс

Для цитирования:

Сергеева Ю. М., Уварова Е. А. Лингвокогнитивные механизмы реализации самоуничижительного юмора в дискурсе «развлекательного унижения» (на материале англоязычных стендап-шоу) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 79–91. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-79-91>

Original research article

LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS OF IMPLEMENTING SELF-DEPRECATING HUMOUR IN THE DISCOURSE OF “ENTERTAINING HUMILIATION” (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH STAND-UP SHOWS)

Yu. Sergeeva, E. Uvarova*

Moscow Pedagogical State University, ulitsa Malaya Pirogovskaya 1 build. 1, Moscow 119435, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: ekaterina_uvarova_91@inbox.ru

Received by the editorial office 30.06.24

Revised by the author 10.10.2024

Accepted for publication 11.10.2024

Abstract

Aim. To identify and analyse linguistic means of expressing self-deprecating humour in stand-up shows as a special type of humorous discourse.

Methodology. To establish linguistic, stylistic and pragmatic characteristics of the stand-up show texts contextual and cognitive-discourse analysis was used.

Results. The research proves the high pragmatic potential of “entertaining humiliation”; presents its thematic classification; reveals the most common linguistic (hyperbole, simile, irony, contrast, personification) and extralinguistic (gestures and facial expressions) means that create humorous effect in the stand-up shows.

Research implications. The research may expand the understanding of the category of the comic as well as the functioning of humorous discourse within the modern media space.

Keywords: adaptive humour, the category of the comic, figurative means, stand-up comedy, humorous discourse

For citation:

Sergeeva, Yu. M. & Uvarova, E. A. (2024). Linguistic and cognitive mechanisms of implementing self-deprecating humour in the discourse of “entertaining humiliation” (on the material of the English stand-up shows). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 79–91. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-79-91>

Введение

Комическое представляет собой сложную философскую категорию, которая основана на некотором несоответствии, неожиданности, противоречии. Принято считать, что данная категория реализуется посредством таких подвидов, как юмор, ирония, сатира, сарказм [1; 2; 3; 4; 5], среди которых юмор является самой мягкой формой комического, хотя «под маской смешного таится серьезное отношение к предмету смеха»¹. Исследование

юмора затрудняется такими его характеристиками, как многогранность, многоаспектность и неоднозначность. Так, например, данная форма комического, с одной стороны, может помогать индивиду выстраивать и укреплять социальные связи, а с другой стороны – быть индикатором низкой самооценки и агрессивного настроения говорящего по отношению к окружающим [6, с. 71]. Этот факт го-

¹ См.: Юмор. Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия» [Электрон-

ный ресурс] // Classes.ru : [сайт]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encyclicl-term-58456.htm> (дата обращения: 01.06.2024).

ворит о необходимости более детальной типологизации юмора.

Теоретические основы изучения самоуничижительного юмора

Попытка описать отдельные стили юмора принадлежит Р. А. Мартину (с соавторами), который разработал «Опросник стилей юмора» (Humor Styles Questionnaire). Для проведения исследования Р. А. Мартин предложил два основных критерия – направленность юмора на себя или на других и поддерживающий (adaptive) либо уничижительный (detrimental) характер юмора, в соответствии с которыми он выявил четыре стили юмора: аффилиативный (affiliative), самоподдерживающий (self-enhancing), агрессивный (aggressive), самоуничижительный (self-defeating) [6; 7; 8]. *Аффилиативный* и *самоподдерживающий* стили юмора являются мягкими формами проявления радости и смеха, нацеленными на установление и поддержание социальных связей, в то время как *агрессивный* и *самоуничижительный* стили юмора коррелируют с непринятием себя и/или окружающих [8].

Одним из самых неоднозначных и противоречивых стилей юмора до сих пор остаётся самоуничижительный юмор несмотря на попытки исследователей детально изучить его природу и характерные особенности [7; 9; 10; 11; 12]. Стоит отметить, что в большинстве работ рассматривается психологический аспект самоуничижительного юмора и постулируется его связь с психическим состоянием индивида. Изучение лингвокогнитивных механизмов реализации самоуничижительного юмора демонстрирует новый подход к этому феномену, а выявление приёмов, способствующих реализации категории комического в разных типах юмористических ситуаций, делает настоящее исследование весьма актуальным. Выявление структурно-семантических и функциональных характеристик дискурса «развлекательного унижения» пред-

ставляет определённый интерес в связи с низкой степенью изученности данного феномена.

Под самоуничижительным юмором принято понимать стиль юмора, который реализуется, когда шутки или резкие замечания говорящего направлены на него самого [8; 13]. Согласно исследованию, проведённому Р. А. Мартином, самоуничижительный юмор коррелирует с депрессией, тревожностью, низкой самооценкой, психологическим истощением и неблагоприятием [8]. Кроме того, данный стиль юмора является формой защитной реакции индивида и применяется с целью спрятать негативные эмоции. Также он используется в рамках стратегии копинга, к которой индивид прибегает для маскировки излишней тревожности, психического расстройства, подавления собственных чувств и эмоций [8]. Вследствие этого самоуничижительный юмор является неадаптивным и даже разрушительным для человеческой психики и самооценки.

Стоит отметить, что некоторые исследования, посвящённые самоуничижительному юмору, предлагают противоположную точку зрения. Так, исследователь Нил Норрик (Neal N. Norrick) утверждает, что самоуничижительный юмор – это техника, помогающая говорящему выстроить свой положительный образ в обществе, а способность смеяться над своими недостатками демонстрирует высокий уровень интеллектуального развития индивида [14].

Исследователи С. Хайнц (S. Heinz) и В. Рух (W. Ruch) в своём труде отмечают, что самоуничижительный юмор может положительно влиять на самооценку, эмоции и межличностные отношения. Учёные указывают на *компенсаторную* функцию данного стиля юмора: он используется для поддержания психологического благополучия, помогает осознать и принять свои слабости, недостатки, проблемы и, тем самым, поднять самооценку [10].

Используя в качестве инструмента для своего исследования опросник стилей юмора Р. А. Мартина, Е. М. Иванова пришла к выводу о том, что самоуничижительный юмор не связан с агрессией или психологическим неблагополучием. Более того, данный стиль юмора может указывать на самодостаточность индивида и высокую самооценку, которая и позволяет ему шутить над собой, показывая, тем самым, полное принятие своих слабостей, ошибок или пороков. По результатам исследования учёные показали, что самоуничижительный юмор, как и самоподдерживающий юмор, положительно связан с дистанцированием [6].

Важный вклад в исследование самоуничижительного юмора внесли Р. Браун (R. Brown) [7], М. Р. Ролингс (M. R. Rawlings) и Б. М. Финдли (B. M. Findlay) [15], которые попытались не только выявить основные характеристики и отличительные черты анализируемого стиля юмора, но и разграничить два вида самоуничижительного юмора – self-defeating и self-deprecating.

Self-deprecating humour положительно связан с экстраверсией, открытостью новому и психологическим благополучием. Индивиды, которые прибегают к такому стилю юмора, стремятся тем самым укрепить социальные связи, имеют высокую самооценку, осознают все свои недостатки и принимают их [7; 15].

Self-defeating humour, напротив, связан с низкой самооценкой, психологическим неблагополучием, депрессией [7; 15].

При этом два вышеупомянутые подвиды юмора (self-deprecating и self-defeating) имеют общую самоуничижительную (self-disparaging) природу, то есть под термином self-disparaging объединяются все оттенки и подвиды самоуничижительного юмора [7; 15].

Данная точка зрения позволяет не только выделить два типа самоуничижительного юмора, но и решить проблему терминологической разобщённости, так как исследователи используют в своих

трудах разные способы номинации этого явления: self-defeating humor [8], self-denigrating humor [12; 16], self-deprecating humor [17] и проч.

Мы считаем допустимым и приемлемым ввести понятия *адаптивного самоуничижительного юмора* (self-deprecating) и *неадаптивного самоуничижительного юмора* (self-defeating), которые предполагают направленность шуток на личность самого говорящего, но всё же отличаются по своей аксиологической направленности.

Адаптивный самоуничижительный юмор в выступлениях современных стендап-комиков

Материалом для нашего исследования послужили стендап-выступления британского и американского комиков, Розии Джонс (Rosie Jones) и Джоша Блю (Josh Blue), соответственно. Популярные артисты страдают церебральным параличом (ДЦП) и не стесняются шутить о своём состоянии и особенностях. Такие шутки неизменно вызывают смех и одобрение у аудитории. Следовательно, в фокусе нашего внимания находится дискурс *адаптивного* самоуничижительного юмора.

Под стендап-комедией традиционно принято понимать особый жанр комедии, реализуемый, когда артист выступает перед большой аудиторией, представляя свои шутки в форме монолога [10].

Примечательно, что в последнее время стендап-шоу отличаются чрезвычайной демократичностью на грани вседозволенности, что и привлекает современную аудиторию, которая желает развлечься и отстраниться от повседневной рутины. Специалисты по медиапсихологии говорят о новом феномене, основанном на пристрастии к драме – hate-following. Обращаясь к чему-то запретному и низшему, смеясь над ним, человек компенсирует дефицит драмы в своей жизни, очищается и удовлетворяет свою потребность в разрядке [18]. Формат «развлекательного унижения», который присущ современ-

ным стендап-выступлениям, предполагает наличие большого количества агрессивного и самоуничижительного юмора, внедряемого в речь говорящих с целью удержания внимания слушающих.

Рози Джонс (Rosie Jones) – британская актриса, комик и писатель, страдает церебральным параличом, который, однако, не мешает ей строить успешную карьеру в шоу-бизнесе. Посредством своих выступлений Рози Джонс стремится показать и доказать современной аудитории, что люди с физическими особенностями могут жить полноценной жизнью и что они достойны уважения, несмотря на многие сложившиеся общественные стереотипы. При этом Рози Джонс не скрывает тот факт, что ей нередко приходилось использовать шутки как инструмент психологической защиты: в прежние времена она часто подвергалась буллингу ввиду своих физических особенностей. Однако сейчас она обрела уверенность в себе и старается мотивировать людей с подобными проблемами к развитию и движению вперед¹.

Джош Блю (Josh Blue) также страдает ДЦП, но научился жить полноценной жизнью. В своих интервью Джош признаётся, что всегда использовал юмор, чтобы установить более тесные связи со сверстниками. Сейчас в своих выступлениях он старается разрушать стереотипы о таких людях, как он сам: откровенно рассказывает аудитории о некоторых аспектах жизни, самых сложных для людей с физическими особенностями, а также обучает правильному отношению к ним. «Особенность моих шуток заключается в том, что я не испытываю неудобств из-за своего недостатка, и аудитория просто не имеет права чувствовать себя по-другому»².

Таким образом, эмпирический материал исследования охватывает выступления стендап-комиков, отличающиеся **адаптивным** самоуничижительным юмором, посредством которого артисты стараются не только рассмешить аудиторию, но и показать в позитивном ключе различные аспекты жизни людей с физическими особенностями.

Тематическая классификация юмористического дискурса в стендап-шоу и основные средства его реализации

Анализируя фрагменты стендап-выступлений вышеупомянутых комиков, мы пришли к выводу о том, что дискурс, содержащий адаптивный самоуничижительный юмор, может быть сгруппирован в следующие тематические блоки:

1. Отношение социума к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).
2. Физиологическое и психическое состояние самого артиста.
3. Повседневная жизнь, бытовые проблемы.

В ходе исследования было рассмотрено девять выступлений, общей протяжённостью более пяти с половиной часов (3 выступления Рози Джонс и 6 выступлений Джоша Блю). Было выявлено, что на первый тематический блок приходится 34% текста, на второй – 25%, на третий – 41%.

Отношение социума к лицам с ограниченными возможностями здоровья является, пожалуй, болевой точкой всего мирового сообщества, не исключая самые высокоразвитые в экономическом, культурном и социальном плане страны. Люди, страдающие тем или иным заболеванием, имеющие увечье, неконвенциональную внешность, неизбежно привлекают к себе внимание, поскольку индивиду свойственно фокусироваться на особенностях во внешнем виде лю-

org/stories/josh-blue (дата обращения: 21.06.2024).
Перевод авторов статьи – Ю. С., Е. У.

¹ Comedian Rosie Jones: I want to show disabled people are sexual beings too [Электронный ресурс] // The Irish News : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FsXrp> (дата обращения: 21.06.2024).

² Nasiatka M. Josh Blue [Электронный ресурс] // Different & Able : [сайт]. URL: <https://differentandable.org/stories/josh-blue> (дата обращения: 21.06.2024).

дей или их поведении. Отмечая различия между собой и другим человеком, люди испытывают целый спектр эмоциональных состояний, которые могут вызывать реакции, к сожалению, не всегда положительно маркированные. Отношение общества к людям с ограниченными возможностями по-прежнему полно предубеждений и стереотипов, что порождает дискриминацию и становится индивидуальной проблемой каждого лица с ОВЗ не только в физиологическом, но и в психологическом плане.

Нижеследующий монолог Розы Джонс посвящён правительственным реформам, связанным с социальной поддержкой людей с ограниченными возможностями.

Пример 1.

That's a thing about disability. It could happen to anybody and anytime. You're fighting for a group you could belong to in the future. If you're lucky.

Involve us. Ask us. Stop speaking for us¹.

Приём парцелляции, заключающийся в выделении условного придаточного предложения в отдельное высказывание, рождает эффект обманутого ожидания: *каждый* человек может оказаться среди лиц с ОВЗ, если ему *повезёт*. Горькая ирония звучит в этих словах комика: нам *повезло* родиться такими, но никто не застрахован от беды и болезни. Синтаксический параллелизм, выстроенный при помощи ряда побудительных предложений, добавляет монологу острую социальную ноту: нужно перестать игнорировать мнение людей с ограниченными возможностями. В этом прослеживается прагматическая и манипулятивная природа высказывания.

Аналогичную мысль высказывает и комик Джош Блю в одном из своих выступлений.

Пример 2.

When people feel mean about the disability what I think they don't realise is that we're not only the largest minority group but we're also the only minority group that you can join at any time².

В своей речи комик использует оксюморон *the largest minority group*: с одной стороны, люди с ограниченными возможностями рассматриваются как отдельная социальная группа, но с другой стороны, уникальность данной социальной группы отражается в панчлайне: к ней можно присоединиться в любой момент.

Оба комика стараются показать, что их принадлежность к такой исключительной группе – это не повод для смущения или огорчения. Ведь любой из зрителей в зале потенциально может оказаться «в одной лодке» с ними.

В своих выступлениях комик Джош Блю нередко рассказывает о том, что представления общества о людях с ОВЗ фрагментарны или в корне ошибочны. Однако Джош научился жить с этим, и поэтому он с лёгкостью шутит о подобных ситуациях на сцене.

Пример 3.

I was back in Denver last week walking down the street. That lady came up to me, "I think that it's so inspirational that you're out!" And I was like, "I'm on my way to the liquor store"³.

Эмоционально-оценочное прилагательное с мелиоративной оценкой, которое использовала проходящая мимо женщина, отражает распространённый стереотип: многие считают настоящим чудом тот факт, что люди с ОВЗ могут прогуливаться по улицам и даже иметь личную жизнь. Данный стереотип возмущает Джоша, который иронично отве-

¹ Rosie Jones on Being Disabled in the UK | Late Night Mash | Dave // U&Dave: YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CO-tbR_sZqA (дата обращения: 01.06.2024).

² Josh Blue | FINALIST | ALL Performances | America's Got Talent 2021 // America's Got Talent: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sGbJd187fIo> (дата обращения: 01.06.2024).
Далее – Josh Blue. America's Got Talent 2021.

³ Josh Blue. America's Got Talent 2021.

чает, что он идёт выпить в бар, как и все «нормальные» люди.

В следующем примере Джош иронизирует над распространённым мнением о том, что человек с физическими особенностями может быть опасен для окружающих.

Пример 4.

People often say that chivalry is dead but I don't believe it. Every time I'm walking down the street and there's a couple coming towards me the man will move his lady to the safe side¹.

Комик иронизирует над стремлением кавалера проявить «рыцарство» – переместить свою даму на безопасное расстояние от человека с ОВЗ. Внедрение подобного существительного доводит до абсурда описание действий прохожих, создавая юмористический дискурс.

Гиперболизация ситуации помогает отразить всю её нелепость и в следующем примере: женщина подхватила тяжёлую тележку, спасаясь бегством от человека с ограниченными возможностями здоровья, рискнувшего предложить ей помощь. Инвективная лексика в речи женщины доводит ситуацию до ещё большего абсурда, показывая эмоциональное возбуждение посетительницы супермаркета и её шок от того, что человек с ОВЗ может действовать как «нормальный» индивид.

Пример 5.

...So, this little old lady was having some trouble with her shopping cart. She was having some trouble getting her cart up on the curb that was abnormally high. I forgot that I look like this and I decided that I would just go give this lady a hand. But just me coming towards her gave her the strength to pull the cart up, "Oh, let's get the f**ck out of here!"²

В следующем монологе Джош Блю рассказывает об оскорбительном поведении официанта в ресторане, который говорил о Джоше в третьем лице (ме-

стоимение *he*), подразумевая, что тот не в состоянии сделать заказ самостоятельно. Здесь отражён стереотип о ментальной неполноценности людей с ОВЗ. Панчлайн в очередной раз показывает лёгкое, ироническое отношение героя к ситуации: пожаловавшись менеджеру на недопустимое поведение персонала, друзья получили ужин за счёт заведения.

Пример 6.

I was in a restaurant with a bunch of my friends and the server went round the table, took everyone's order and then, when they got to me, they were like, "What will HE have?" My buddy was like, "I'm guessing a talk with your manager!" Free dinner!³

Во второй тематический блок мы включили фрагменты дискурса, в которых оба комика описывают характерные черты своей болезни и не стесняются говорить о них.

Так, и Роза, и Джош часто шутят о своей походке (паретическая походка – один из симптомов ДЦП), по причине которой их нередко путают с людьми в стадии алкогольного опьянения.

Пример 7.

When I'm drunk, I walk in a straight line. When I'm sober, I get the wobbles⁴.

В данном примере слова Роза Джонс создают комический эффект, который подчёркивает приём контраста, оформленный в виде параллельных конструкций: когда она шатается на ходу, она является трезвой, и, наоборот: лёгкое опьянение помогает ей держаться прямо.

Пример 8.

My mom is an awesome person though. She is the only person in the world who can tell me when I'm drunk. She is like, "Josh you're walking straighter! I heard you come home and put the key right in the door!"⁵

¹ Josh Blue: Broccoli (FULL STAND UP COMEDY SPECIAL) // FREE MOVIES : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nQC5nuo0DZw> (дата обращения: 01.06.2024). Далее – Josh Blue. Broccoli.

² Josh Blue. Broccoli.

³ Josh Blue. Broccoli.

⁴ What Rosie wants you to know about Cerebral Palsy // Stylist Magazine : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UOINlj-I140> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵ Josh Blue: 7 More Days In The Tank (STAND-UP COMEDY SPECIAL) // FREE MOVIES: YouTube-

В монологе Джоша сочетания *to be drunk – to walk straighter, to put the key right in the door* формируют контраст в рамках одного текстового пространства: действия, которые описаны в высказывании, противоречат друг другу.

Пример 9.

It seems I live in a dual world. When I'm walking down the street somebody comes back, "Oh, can I get your autograph? I saw you on TV!" And then, two steps later, "Get away from me, you're a drunk ass!" Either way I ask for a dollar¹.

Композиционный контраст не только делает рассказ комичным, но и демонстрирует противоречивое отношение общества к артисту: на своём пути комик может встретить и своих фанатов, и людей, принимающих его за пьяницу ввиду характерной походки. Наличие инвективной лексики в речи прохожего подчёркивает негативное отношение окружающих.

Панчлайн шутки показывает, что герой не унывает и пытается извлечь выгоду из любой ситуации, как и в следующем примере.

Пример 10.

I look like I'm just another wobbly guy in the sidewalk. I made eight bucks walking over here².

В другом монологе Джош Блю рассказывает о своём опыте участия в Паралимпийских играх, что являлось поводом для частых поездок, перелетов с другими членами команды. Используя лексему *entertaining*, комик сравнивает группу игроков с ДЦП, входящих в здание аэропорта, с нашествием зомби. Для глазющей на них публики это, должно быть, выглядело забавно, говорит Джош.

Пример 11.

канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YC-5l9icHRDQ&t=2780s> (дата обращения: 10.06.2024).

¹ Dry Bar Double Feature – Josh Blue // Dry Bar Comedy: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qTMUDHAmnhs&t=859s> (дата обращения: 10.06.2024). Далее – Josh Blue. Dry Bar Double Feature.

² Josh Blue. America's Got Talent 2021.

One thing I really miss is travelling with everybody. There is nothing more entertaining than watching 12 dudes with cerebral palsy get off an airplane in a row. Everybody in the terminal thinks there is some type of zombie invasion³.

Здесь стоит отметить прагматический потенциал стендап-выступления как поликодового образования: артисту удаётся вызвать смех аудитории не только посредством самой шутки (вербального компонента), но и при помощи демонстрации характерных для зомби движений, жестов (невербального компонента) (см. фото 1).

Фото 1 / Photo 1. Комик изображает движения зомби / The comedian is imitating zombie movements

Источник: Josh Blue. Dry Bar Double Feature.

Двигательные нарушения, свойственные больным ДЦП, осложняют их повседневную жизнь, делая трудным, и порой, невозможным выполнение обычных бытовых действий, которые другие люди выполняют автоматически, не замечая. Рассмотрим несколько примеров из данного тематического блока.

Джош Блю часто шутит о своих проблемах с правой рукой, которая под-

³ Josh Blue. Dry Bar Double Feature.

вержена спазмам и судорогам. Поэтому простое действие – остановить такси – превращается для него в невыполнимую задачу.

Приме 12.

I went to New York recently and I tried to hail a taxi. And I caught a pigeon¹.

Ситуация гиперболозирована и доведена до абсурда: махнув рукой проходящему такси, комик случайно поймал голубя. Обособление клаузы сложносочинённого предложения, вводимой присоединительным союзом, обозначает панчлайн данной шутки.

Повседневные гигиенические процедуры также превращаются в испытание для больного человека: рука не слушается, живёт своей жизнью, мешает умываться.

Пример 13.

This arm isn't very good for too many act-outs. It has a very limited repertoire. The best act-out that this arm can do is a cat-cleaning-itself².

Комический эффект в данной шутке достигается не только при помощи внедрения в речь неологизма, но и посред-

ством экстралингвистических средств – комик ловко изображает, как умывается, подобно кошке, что и вызывает бурную реакцию зала (фото 2).

В следующем примере приём олицетворения, выраженный рядом акциональных глаголов, создаёт образ руки как самостоятельно действующего существа: рука пишет письма, заказывает товары онлайн и даже делает определённое количество шагов в день. Комик воспринимает руку как потенциального собеседника, о чём свидетельствует вопросная реплика со стороны артиста, а местоимение *he* указывает на принадлежность руки к мужскому полу. Этой шуткой артист хочет ещё раз показать, что хотя рука и буквально живёт своей жизнью, его это не смущает, а иногда даже веселит – ведь рука является его другом.

Пример 14.

So, I'm sure you've noticed the arm. I call it my nocturnal arm because when the sun goes down and I'm trying to sleep, it's up writing e-mails. I'm like: who could you possibly be writing to? To the foot club in Kansas? I can't sleep to close to the Internet – it gets online

Фото 2 / Photo 2. The comedian is imitating a cat cleaning itself / Комик изображает умывающуюся кошку

Источник: Josh Blue. Broccoli.

¹ Josh Blue. Dry Bar Double Feature.

² Josh Blue. Broccoli.

*and orders stuff! If I come home and there's a box on the porch – he's all excited! I'm pretty sure he's getting about 78000 steps a day!*¹

Комик и актриса Рози Джонс считает своим главным недостатком замедленную речь, которая также является признаком заболевания. Именно поэтому многие её шутки привлекают внимание слушателей к данному симптому:

Пример 15.

*I'm Rosie. And that's what your voice sounds like on Zoom when your Internet is sh*t. For 2 f***king years I've had, "Oh, Rosie, there's something wrong with your connection!". And I'm like, "No, only the connection between my brain and my mouth hole! Get on board or f***k off!"*²

В данном фрагменте сравнение перетекает в развёрнутую метафору: иногда голос актрисы звучит, как плохое интернет-соединение. Однако Рози это не смущает, а людей, которых это не устраивает, она терпеть не намерена – об этом свидетельствует инвективная лексика в её речи.

Пример 16.

*I have a disability called a cerebral palsy. I think the worst thing about having cerebral palsy is how long it takes me to say "cerebral palsy". Why do the words "blind", "deaf" have one syllable? It's not fair!*³

В данном фрагменте артистка говорит о своей зависти к людям, страдающим другими заболеваниями – слепотой, глухотой, которые находятся в более привилегированном положении: им легко назвать своё состояние, поскольку в названии их диагноза есть только один слог. Прилагательное с пейоративной оценкой (the worst) при описании церебрального

паралича служит своеобразной литотой: самое ужасное в этой болезни – только её название, а все остальные минусы можно и пережить. Такое внедрение чёрного юмора в дискурс выполняет терапевтическую функцию: нет худа без добра, во всём можно найти положительные моменты.

Заключение

Обзор научной литературы и анализ эмпирического материала позволил прийти к следующим выводам.

1. Самоуничижительный юмор (self-disparaging humour) – стиль юмора, направленный на самого говорящего (его слабости, недостатки, ошибки). По принципу адаптивности мы можем выделить два его подвида. Адаптивный самоуничижительный юмор (self-deprecating humour) связан с положительными эмоциями, высокой самооценкой, лёгким отношением говорящего к действительности и принятием себя таким, каков есть. Неадаптивный самоуничижительный юмор (self-defeating humour) коррелирует с психологическим дискомфортом, психическим неблагополучием, депрессией и низкой самооценкой.

2. Самоуничижительный юмор является структурно-концептуальной единицей дискурса «развлекательного унижения», который популярен среди индивидов, желающих расслабиться, компенсировать дефицит драмы в своей собственной жизни или отстраниться от повседневных мелочей через обращение к «низшему».

3. В современном медиапространстве самоуничижительный юмор наиболее ярко проявляет себя в речи стендап-артистов и реализуется целым рядом стилистических приёмов: гипербола, сравнение, ирония, литота, эпитеты, контраст. Важную роль играют синтаксические конструкции: разные виды повтора, парцелляция, восклицательные предложения, эллипсис. Нередко комический эффект достигается посредством эмоционально-оценочной и инвективной

¹ Josh Blue. America's Got Talent 2021.

² Rosie Jones's Disability Comedy Extravaganza (PART 1) | Stand Up Comedy | Dave // U&Dave: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jG3MAYfAlfs&t=15s> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Rosie Jones – Comedy Up Late 2019 // TheMelbComedyFest: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aCYcSsMg7-g&t=6s> (дата обращения: 01.06.2024).

лексики. Поскольку стендап-шоу является поликодовым текстом, невербальные средства (жесты и мимика артиста) являются неотъемлемой составляющей успешного выступления.

4. Цель внедрения самоуничижительного юмора в речь заключается не только в том, чтобы рассмешить аудиторию. Данный тип юмора призван выполнять целый спектр функций: терапевтическую, манипулятивную, аксиологическую.

В заключение отметим, что исследование самоуничижительного юмора пред-

ставляет собой междисциплинарную проблему, предполагающую объединение усилий самых разных наук гуманитарного цикла: когнитивной лингвистики, психолингвистики, прагматики, теории коммуникации, психологии, социологии. Исследование имеет несомненный практический потенциал: оно привлекает внимание к функционирующим в обществе стереотипам, способствует расширению знаний в данной области, создаёт положительный опыт общения с людьми с ограниченными возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина М. Р. Юмор, его соотношение с другими эстетическими категориями и средства их передачи во французско-русских переводах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 197 с.
2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 128 с.
3. Воробьева К. А. Лингвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 228 с.
4. Тепляшина А. Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: дис. ... док. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007. 373 с.
5. Малюга Е. Н., Сапрыкина О. А., Антипова Е. Ю. Лексико-стилистические аспекты достижения юмористического эффекта в экономических телевизионных передачах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 6. С 56–69. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-56-69.
6. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина / Е. М. Иванова, О. В. Митина, А. С. Зайцева, Е. А. Стефаненко, С. Н. Ениколопов // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 71–85.
7. Brown R. Self-Defeating vs Self-Deprecating Humour: A case of being laughed at vs. laughed with? : A Thesis by Associated Papers submitted to Swinburne University of Technology in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Clinical Psychology). Swinburne University of Technology, 2019. 214 p. DOI: 10.25916/sut.26280043.v1.
8. Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the Humor Styles Questionnaire / R. A. Martin, P. Puhlik-Doris, G. Larsen, J. Gray, K. Weir // Journal of Research in Personality. 2003. Vol. 37. Iss. 1. P. 48–75. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00534-2.
9. Самоуничижительный юмор в России и особенности стилей юмора москвичей / Е. М. Иванова, О. В. Митина, Е. А. Стефаненко, С. Н. Ениколопов, Ю. Н. Бабина, Г. А. Зизганова, Н. А. Низовских // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 163–175.
10. Heintz S., Ruch W. Can self-defeating humor make you happy? Cognitive interviews reveal the adaptive side of the self-defeating humor style // Humor: International Journal of Humor Research. 2018. Vol. 31. Iss. 3. P. 451–472. DOI: 10.1515/humor-2017-0089.
11. Lappi Sh. Perspective taking: the effect of self-enhancing and self-defeating humor in a stressful situation : A thesis presented to the faculty of the Graduate School of Western Carolina University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Psychology (2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://libres.uncg.edu/ir/wcu/listing.aspx?id=19477> (дата обращения: 30.05.2024).
12. Schnurr S., Chan A. Leadership and self-denigrating humour. An oxymoron? // Linguist at Work: Festschrift for Janet Holmes / eds. M. Marra, P. Warren. Wellington: Victoria University Press, 2017. P. 234–254.
13. Norrick N. R. Issues in conversational joking // Journal of Pragmatics. 2003. Vol. 35. Iss. 9. P. 1333–1359. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)00180-7.
14. Norrick N. R. Conversational Joking: Humor in everyday talk. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 175 p.

15. Rawlings M. R., Findlay B. M. A scale for self-deprecating humour // 19th Colloquium on “Humor and Creativity” of the Australian Humour Studies Network (Newcastle, Australia, 7–9 February 2013): Program, Abstracts and CVs [Электронный ресурс]. URL: <https://ahshumourstudies.org/wp-content/uploads/February-2013.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).
16. Dynel M. Beyond a joke: Types of conversational humour // *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3. Iss. 5. P. 1284–1299. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2009.00152.x.
17. ‘Poke fun at yourself’: the problem of self-deprecating humor / B. Andeweg, S. Gagestein, J. de Jong, M. Wackers // SEFI Conference Global Engineering Recognition, Sustainability and Mobility. 1st World Engineering Education Flash Week (September 27–30, 2011, Lisbon, Portugal). Lisbon: SEFI, 2011. P. 759–764.
18. Ребрина Л. Н. Хейт-шоу: реализация хейта как коммуникативного феномена // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2022. Т. 21. № 1. С. 151–163. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.1.13.

REFERENCES

1. Balandina, M. R. (2006). *Humor, its relationship with other aesthetic categories and means of their transmission in French-Russian translations* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Bergson, A. (1992). *Laughter*. Moscow: Iskustvo publ. (in Russ.).
3. Vorobyova, K. A. (2008). *Lingvocultural and psycholinguistic aspects of perception of irony in a work of art* [dissertation]. Chelyabinsk (in Russ.).
4. Teplyashina, A. N. (2007). *The creative nature of the comic: genre paradigm of modern journalism* [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
5. Malyuga, E. N., Saprykina, O. A. & Antipova, E. Yu. (2020). Lexico-stylistic aspects of achieving a humorous effect in economic television programs. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 56–69. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-56-69.
6. Ivanova, E. M., Mitina, O. V., Zaytseva, A. S., Stefanenko, E. A., Enikolopov, S. N. (2013). Russian-language adaptation of the humor styles questionnaire developed by R. Martin. In: *Theoretical and experimental psychology*, 6 (2), 71–85 (in Russ.).
7. Brown, R. (2019). *Self-Defeating vs Self-Deprecating Humour: A case of being laughed at vs. laughed with? : A Thesis by Associated Papers submitted to Swinburne University of Technology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Clinical Psychology)*. Swinburne University of Technology. DOI: 10.25916/sut.26280043.v1.
8. Martin, R. A., Puhlik-Doris, P., Larsen, G., Gray, J. & Weir, K. (2003). Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the Humor Styles Questionnaire. In: *Journal of Research in Personality*, 37 (1), 48–75. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00534-2.
9. Ivanova, A. M., Mitina, O. V., Stefanenko, E. A., Enikolopov, S. N., Babina, Ju. N., Zizganova, G. A. & Nizovskikh, N. A. (2014). Self-defeating humor in Russia and humor styles of Muscovites. In: *Siberian Journal of Psychology*, 51, 163–175 (in Russ.).
10. Heintz, S. & Ruch, W. (2018). Can self-defeating humor make you happy? Cognitive interviews reveal the adaptive side of the self-defeating humor style. In: *Humor: International Journal of Humor Research*, 31 (3), 451–472. DOI: 10.1515/humor-2017-0089.
11. Lappi, Sh. (2016). *Perspective taking: the effect of self-enhancing and self-defeating humor in a stressful situation : A thesis presented to the faculty of the Graduate School of Western Carolina University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Psychology*. URL: <https://libres.uncg.edu/ir/wcu/listing.aspx?id=19477> (accessed: 30.05.2024).
12. Schnurr, S. & Chan, A. (2017). Leadership and self-denigrating humour. An oxymoron? In: Marra, M. & Warren, P. eds. *Linguist at Work: Festschrift for Janet Holmes*. Wellington: Victoria University Press, pp. 234–254.
13. Norrick, N. R. (2003). Issues in conversational joking. In: *Journal of Pragmatics*, 35 (9), 1333–1359. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)00180-7.
14. Norrick, N. R. (1993). *Conversational Joking: Humor in everyday talk*. Bloomington: Indiana University Press.
15. Rawlings, M. R. & Findlay, B. M. (2013). A scale for self-deprecating humour. In: *19th Colloquium on “Humor and Creativity” of the Australian Humour Studies Network (Newcastle, Australia, 7–9 February*

- 2013): *Program, Abstracts and CVs*. URL: <https://ahsnhumourstudies.org/wp-content/uploads/February-2013.pdf> (accessed: 30.05.2024).
16. Dynel, M. (2009). Beyond a joke: Types of conversational humour. In: *Language and Linguistics Compass*, 3 (5), 1284–1299. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2009.00152.x.
17. Andeweg, B., Gagestein, S., de Jong, J. & Wackers, M. (2011). 'Poke fun at yourself': the problem of self-deprecating humor. In: *SEFI Conference Global Engineering Recognition, Sustainability and Mobility. 1st World Engineering Education Flash Week (September 27–30, 2011, Lisbon, Portugal)*. Lisbon: SEFI, pp. 759–764.
18. Rebrina, L. N. (2022). Hate Show: Implementation of Hate As a Communicative Phenomenon. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 21 (1), 151–163. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.1.13 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергеева Юлия Михайловна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики английского языка им. М. Я. Блоха Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;

ORCID: 0000-0002-7079-8455; e-mail: yum.sergeeva@mpgu.su

Уварова Екатерина Александровна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка им. М. Я. Блоха Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;

ORCID: 0009-0002-8879-2024; e-mail: ekaterina_uvarova_91@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia M. Sergeeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., English Grammar Department named after M. Ya. Blokh, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;

ORCID: 0000-0002-7079-8455; e-mail: yum.sergeeva@mpgu.su

Ekaterina A. Uvarova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., English Grammar Department named after M. Ya. Blokh, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;

ORCID: 0009-0002-8879-2024; e-mail: ekaterina_uvarova_91@inbox.ru

Научная статья
УДК 811.11'34
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-92-101

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСОДИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Фрейдина Е. Л., Сейранян М. Ю.*

Московский педагогический государственный университет, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: margo.seiranyan@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.07.2024

После доработки 16.08.2024

Принята к публикации 19.08.2024

Аннотация

Цель. Выявление и описание особенностей просодической реализации англоязычной научной презентации в формате 3 MinuteThesis (ЗМТ) с учётом её жанровой специфики.

Процедура и методы. Риторический и фонетический (перцептивный анализ) был выполнен на материале 20 публичных выступлений в исполнении 11 нативных (native / L1 speakers) и 9 ненативных (non-native / L2 speakers) ораторов. Специфика исследовательского подхода состояла в том, что просодическая реализация публичной речи рассматривались с учётом таких факторов, как риторический строй публичной речи, характер взаимодействия оратора и аудитории, международный состав участников.

Результаты. На основании проведённого исследования выявлены просодические особенности 3 MinuteThesis, связанные со спецификой данного формата. Показано, что уместное и целесообразное использование просодических средств, соответствующее требованиям классической и современной риторики, способствует обеспечению взаимодействия оратора и аудитории и оптимизирует передачу информации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии риторического и лингводидактического потенциала современной презентации в формате ЗМТ. Данный жанр академической публичной речи демонстрирует способы и средства преодоления коммуникативных барьеров, вызванных национально-культурными и лингвокультурными различиями, что определяет перспективы его использования в практике обучения английскому языку будущих участников межкультурной коммуникации на английском языке.

Ключевые слова: взаимодействие, жанр, межкультурная коммуникация, просодические характеристики, публичная речь, риторический дискурс

Для цитирования:

Фрейдина Е. Л., Сейранян М. Ю. Риторический потенциал просодии в англоязычной научной презентации в условиях межкультурного общения // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 92–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-92-101>

Original research article

RHETORICAL POTENTIAL OF PROSODIC MEANS IN ENGLISH ACADEMIC PRESENTATION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

E. Freydina, M. Seiranyan*

Moscow Pedagogical State University, ulitsa Malaya Pirogovskaya 1 build. 1, Moscow 119435, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: margo.seiranyan@yandex.ru

Received by the editorial office 02.07.2024

Revised by the author 16.08.2024

Accepted for publication 19.08.2024

Abstract

Aim. To identify and describe the prosodic features of academic presentations in English in the form of Three Minute Thesis (3MT), taking into account its genre specific characteristics.

Methodology. Rhetorical and phonetic (auditory) analysis was conducted. The research materials comprised 20 public presentations delivered by 11 native (L1) and 9 non-native (L2) speakers of English. The approach used in the study consisted in viewing the prosodic realization of the public speech with regard to such factors as its rhetorical organization, speaker / audience interaction, international participation.

Results. Basing on the study, prosodic features of 3MT presentations were identified and outlined. It was demonstrated that appropriate and goal-oriented choice of prosodic means (as recommended in classical and present-day rhetoric) contributes to speaker / audience interaction and optimizes the transmission of information.

Research implications. The study reveals the rhetorical and linguistic and didactic potential of 3MT presentations. This genre of academic public speech demonstrates the ways and means of overcoming communication barriers caused by the national and linguistic and cultural differences, which determines the perspectives of its application in teaching English to future participants of multicultural communication.

Keywords: interaction, genre, multicultural communication, prosodic features, public speech, rhetorical discourse

For citation:

Freydina, E. L. & Seiranyan, M. Yu. Rhetorical potential of prosodic means in English academic presentation in the context of intercultural communication. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 92–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-92-101>

Введение

Публичная речь на английском языке как один из традиционных жанров профессионального общения, в том числе в сфере науки и образования, в последние годы существенно изменилась. Изменения затронули риторический строй публичных выступлений, их стиль, манеру исполнения, фонетическое оформление. Данные изменения обусловлены целым

рядом социокультурных, технологических, психологических, коммуникативно-прагматических факторов. К числу наиболее значимых факторов можно отнести демократизацию общения; бурный рост различных форматов онлайн-взаимодействий и цифровизацию коммуникации; нарастающую вариативность английского произношения в условиях глобального распространения английского языка [1,

с. 6]. Стремительное распространение различных форматов интернет-коммуникации приводит к увеличению скорости передачи и получения информации, что в свою очередь оказывает влияние на готовность воспринимать сообщение в устной форме. Среди последствий нарастающего влияния интернет-взаимодействий выделяют: «клиповость» сознания; ожидание приятного; ожидание суперстимуляции; неспособность к восприятию монологической речи [2, с. 50–52].

В результате наблюдается существенная трансформация традиционных жанров публичной речи. Наиболее заметной из новых тенденций является сокращение длительности выступлений. Так, например, длительность популярных лекций на платформе TED составляет не более 18 минут, на научные выступления на международных конференциях отводится 10–20 минут. Исключение составляют университетские лекции. Однако, учитывая такую проблему, как сокращение длительности концентрации внимания студенческой аудитории, статус данного жанра в сфере университетской науки и образования сегодня неоднозначен. Позиции представителей международного профессионального сообщества весьма противоречивы: одни настаивают на сохранении традиционных норм академического красноречия, другие придерживаются радикальной точки зрения, которая состоит в том, что в цифровую эпоху лекция перестала быть эффективной и должна быть упразднена. Стремление обеспечить эффективное взаимодействие с аудиторией проявляется в использовании разнообразных стратегий контакта, точнее «борьбы за контакт». В современной лекции отмечаются такие риторические особенности, как стилевая неоднородность, гибридизация жанров, присутствие элементов разговорности, превалирование развлекательной составляющей (edutainment) над информационной [1; 3; 4].

Ещё одна тенденция состоит в широком использовании современных технологий для передачи научной информации. Так, например, «мастер класс представляет собой уникальный жанр устного дискурса в сфере образования, в котором удачно сочетаются традиционные основы профессионального красноречия и технологии масс-медиа» [5, с. 413].

В этом контексте особый интерес представляет такой жанр публичной речи на научные темы, как 3 Minute Thesis (ЗМТ), презентация результатов научного исследования длительностью в три минуты. Изучение данного жанра в риторическом и фоностилистическом аспекте позволяет установить специфику передачи научного знания в современных условиях и наметить перспективы развития устного академического дискурса. Наше обращение к этому жанру академической публичной речи обусловлено, кроме того, и следующими соображениями: трёхминутные выступления реализуются молодыми учёными, в речи которых прослеживаются современные тенденции английского произношения; в состав участников (ораторов и аудитории) входят носители разных вариантов английского языка, таким образом, данный материал представляет собой образец современного поликультурного общения на английском языке.

3 MinuteThesis как жанр академической публичной речи: риторические и просодические особенности

Жанр коротких презентаций возник в результате своеобразного эксперимента в академической среде Австралии. История ЗМТ восходит к временам, когда штат Квинсленд переживал суровую засуху. В целях экономии воды жители были вынуждены ограничивать приёмы душа по времени. У многих людей был таймер с лимитом времени в 3 минуты. На этом фоне возникла идея – представить ре-

зультаты своей диссертации в течение трёх минут, не нарушая при этом традиционных канонов риторики. 3 Minute Thesis – основанный в Квинсленде в 2008 г. ежегодный конкурс диссертаций для аспирантов и других исследователей, проводящийся более чем в 200 университетах по всему миру. Суть конкурса в том, чтобы представить своё исследование неподготовленной аудитории, имея в запасе всего три минуты (180 секунд) времени. Оратор должен продемонстрировать свои академические и коммуникативные навыки, а также навыки создания презентаций. Победители конкурса получают разного рода вознаграждения (например, приз за первое место – финансовая поддержка в публикации статьи).

Представляется, что одной из причин популярности ЗМТ является продолжительность, так называемый “timing”. Быстрый темп жизни, наряду с необходимостью получать и воспринимать большое количество информации значительно сокращает время, которое люди могут уделить чтению, прослушиванию и просмотру печатного, аудио- и видеоматериала. На этом фоне, как мы уже отмечали, происходит снижение продолжительности концентрации внимания.

В таких условиях переход к короткому регламенту выступлений/презентаций своего проекта, научной работы, результатов исследования является естественным этапом развития современной риторики. Короткие выступления ЗМТ соответствуют современным реалиям образовательного и научного сообщества: поделиться результатами своего научного исследования за максимально короткий временной отрезок, не нарушая логику и ясность повествования.

Следует отметить, что онлайн-трансляции ЗМТ в качестве дополнения к презентациям обычного (несетевого) формата позволили организовывать международные конкурсы независимо от местонахождения участников, а также увеличили охват аудитории, что способ-

ствовало популяризации ЗМТ как жанра современной академической публичной речи. В настоящее время трёхминутные презентации оценивают как жанр, «отражающий переход от классической формы представления материала к новому способу формированию научной картины мира, способной заменить привычный формат» [6, с. 21]. ЗМТ можно рассматривать как звучащую репрезентацию краткого содержания, тезисного изложения ключевых предпосылок и результатов исследования.

Однако своеобразие данного жанра публичной речи состоит отнюдь не в отказе от классических образцов академического красноречия, а, напротив, в следовании установкам риторики с учётом специфики формата, требующего компрессии содержания. Так, все участники должны соблюдать определённые правила: презентация сопровождается единственным слайдом, который не должен содержать анимацию, видео-или аудиовставки; участники, превысившие лимит в три минуты, дисквалифицируются; решение судей является окончательным. Требования к презентациям и критерии их оценивания включают два раздела: «понимание и содержание» и «взаимодействие и общение». Первый раздел охватывает структурно-содержательный аспект выступления: обоснованность исследования, терминология, последовательность и логика изложения. Особое внимание уделяется способности оратора изложить суть своего исследования (его значимость, результаты и выводы) на языке, доступном для аудитории, состоящей из неспециалистов в области исследования. Вторая группа требований связана с интеракциональным компонентом: вовлечённость оратора, поддержание контакта с аудиторией, уместность интонационного оформления, качество визуального сопровождения (слайда).

Как мы видим, все эти требования полностью совпадают с теми предписаниями и рекомендациями, которые

выработаны классической и современной риторикой. Важным, на наш взгляд, представляется ограничение визуального сопровождения выступления. Как известно, в последние десятилетия сформировалась устойчивая тенденция экстенсивного использования презентаций PowerPoint, в результате чего визуальный канал передачи информации часто доминирует над вокально-аудитивным. Современные специалисты в области публичной речи предостерегают против злоупотребления визуальными средствами: «Использование слайдов сегодня так распространено, что все его ожидают. Но если у вас есть возможность говорить без визуальных средств, воспользуйтесь ей. Неправда, что визуальные средства улучшают содержание. Они начинают доминировать. Люди думают, что слайды сами рассказывают историю, поэтому они перестают делать усилия, чтобы хорошо её рассказать¹» [7, p. 180]. В презентации ЗМТ компрессия визуального сопровождения повышает воздействующий потенциал устной речи, в частности, просодических средств.

Представим некоторые наблюдения, полученные нами в ходе анализа англоязычных публичных презентаций в формате ЗМТ. В корпус исследования вошли 20 выступлений в исполнении 11 нативных (native / L1 speakers) и 9 ненативных (non-native / L2 speakers) ораторов. Риторический и фонетический (перцептивный) анализ позволил выявить особенности данного жанра академической публичной речи.

Тематика выступлений разнообразна и относится к различным сферам: медицина (работа мозга, патологии, беременность и т. д.), технические и естественные науки (инженерия, звук, астрономия, морская биология), искусство (скульптура, театр).

Анализ состава аудитории позволил выявить следующие группы: комиссия

(жюри конкурса) в лице экспертов разных областей знания (деканы университетов, профессора, учёные) и слушатели. Каноны ЗМТ предписывают некоторые правила для набора специалистов в жюри: от 3 до 5 человек в комиссии; баланс в возрасте, гендере, академическом/профессиональном статусе и преподаваемой дисциплине; желательно наличие специалиста из сферы маркетинга или коммуникаций. В ходе исследования было выявлено, что в большинстве случаев возраст членов жюри 35–50 лет. Во вторую группу входят аспиранты и студенты, в том числе иностранные студенты, представители разных лингвокультур, а также широкая интернет-аудитория – все, кому интересны темы образования и науки.

Характерно, что риторический строй выступлений не имеет существенных отличий от традиционной лекции. Это объясняется, прежде всего, теми установками, которым следуют участники в рамках предлагаемого формата. Так, ораторам рекомендуется придерживаться традиционной трёхчастной композиции, делить текст на небольшие структурные элементы (блоки информации), уделять особое внимание вступительной части, ориентированной на установление контакта с аудиторией, а также заключительной части, призванной ещё раз подчеркнуть значимость исследования.

Особое значение придаётся умению оратора обеспечить эффективное взаимодействие с аудиторией. Отметим, что и в этой сфере участники следуют требованиям современной риторики, используя традиционные риторические приёмы, с одной стороны, демонстрирующие вовлечённость оратора, а с другой – направленные на поддержание коммуникативного контакта. Наиболее частотными приёмами являются различного рода апелляции, риторические вопросы и повторы, традиционные для англоязычного диалога элементы *clarifying*, *checking understanding*, *signaling*, а также элементы юмора, иронии и самоиронии. Напри-

¹ Перевод авторов статьи – Е. Ф., М. С.

мер: *Imagine yourself as a one-week old coral reef fish; When you think of glossy journals, do you think of the drug and alcohol in the film Transpotting?; I'd like you to imagine...; Please raise your hand if you know another language than English; So why am I looking at a small community?; What's the connection? We'll get the answer in a minute*¹.

Как правило, взаимодействие оратора и аудитории реализуются в свободной, неформальной манере. Выбор такой манеры исполнения обусловлен, с одной стороны, общей тенденцией демократизации общения, в том числе и в сфере науки и образования, а с другой стороны – спецификой адресации публичной речи в формате ЗМТ. Один из главных принципов состоит в том, что содержание научной презентации должно быть понятно и интересно не специалистам в данной области. Данное требование определяет выбор риторических приёмов и языковых средств. Участникам рекомендуется минимизировать использование специальной терминологии, избегать ссылок на научные теории и цитировать учёных, неизвестных широкой аудитории. Характер взаимодействия со слушателями регулируется следующими установками: представьте, что вы объясняете суть своего исследования близкому другу или студенту, изучающему другие науки, демонстрируйте свою вовлечённость и энтузиазм.

Представляется, что в риторическом аспекте публичная презентация в формате ЗМТ имеет много точек пересечения с такими жанрами дискурса в сфере науки и образования, как университетская лекция и мастер-класс, в которых научная информация адаптируется таким образом, чтобы быть доступной аудитории с разной степенью подготовки [1]. Однако в связи с компрессией содержания и

необходимостью продемонстрировать высокий уровень риторической компетентности просодическое оформление публичных выступлений имеет целый ряд характерных особенностей.

Как показал анализ материалов, вошедших в корпус исследования, особое значение в обеспечении взаимодействия с аудиторией, поддержании контакта приобретают просодические средства. Выбор просодических средств обусловлен прежде всего необходимостью оптимизировать передачу смысла сообщения. К числу наиболее частотных техник «голосового контакта» [2, с. 120] можно отнести следующие.

1. Пословная акцентуация – как правило, в риторических вопросах и/или во фрагментах выступления, содержащих значимые факты или выводы:

*But a → growing | number of \people |as | home and ab\ road|can → no\longer a\ford them ||*²

*Is it ,fair| to pre|vent an |Iphone| be → cause| you |own the |patent to the |battery im,prove-ment? ||Is it ,fair |to re → fuse a |new |product with |wi-fi \ access | be → cause it cre|ates un|welcome compe,tition?||*³

2. Интонационные повторы (использование одинаковых интонационных моделей):

*These are the steps we need to take, not wait on lock; these are the tools we need to provide; and these are the policies we need to implement to create an enabling environment (High Head + High Fall / Low Fall).*⁴

3. Высокий тональный уровень в обращениях к аудитории:

*Now i → imagine you're at the \ airport | on the 'runway, about to board a \ flight.||*⁵

² Doctoral student Sarah Warbis wins national Three Minute Thesis competition 2023 [Электронный ресурс] // University of Bath : [сайт]. URL: <https://www.bath.ac.uk/announcements/doctoral-student-sarah-warbis-wins-national-three-minute-thesis-competition-2023> (дата обращения: 15.08.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Mike Richardson – Seeing with the tongue – 3MT finalist 2021 // Vitae : YouTube-канал. URL: <https://>

¹ UofG 3MT 2023 – Lucy Jackson – Accents in the Spotlight: Uncovering our Unconscious Biases // Researcher Development University of Glasgow : YouTube-канал. https://www.youtube.com/watch?v=ML_buFEVT8M&t=9s (дата обращения: 15.08.2024).

But ∨ *first*, | *i* → *magine* ∨ *never* | '*opening your eyes* ∨ *again*.||¹

4. Оформление смыслового центра риторического вопроса высоким нисходящим или низким нисходящим тоном, выбор которого передаёт различную степень эмоциональной вовлечённости оратора и/или значимость обсуждаемой темы:

So → *why are these 'women invisible in ∨ our museums?*||²

→ *Why is it so 'pitifully ∨ weak?*||³

Характеризуя особенности просодической реализации выступления, следует отметить отсутствие существенной вариативности такого параметра, как скорость речи. Каждый оратор выбирает определённую скорость речи (от умеренной до быстрой), однако данный показатель не меняется в ходе выступления. Интересно, что по этому параметру ЗМТ отличается от других жанров публичной речи, в которых темп «является одним из средств реализации контраста между темой и ремой, главными и второстепенными элементами сообщения» [5]. Учитывая стремление оратора поделиться информацией в краткой, строго регламентированной по времени форме, выбор единой для всех фрагментов скорости (либо умеренной, либо умеренно высокой) представляется стратегически продуманным и обоснованным. При этом важно, что отсутствие контраста скорости компенсируется варьированием громкости как маркера структуры выступления и тематического компонента.

Следует также отметить отсутствие вариативности ритмической организа-

ции в рамках одного выступления, что способствует восприятию смысловой целостности презентации. В большинстве образцов преобладают средние по продолжительности синтагмы, членение речевого потока осуществляется краткими синтаксическими паузами. Известно, что пауза в речи ораторов помимо структурирующей выполняет и риторическую функцию – выступает в качестве риторического приёма, а также как средство усиления и/или замещения других риторических приёмов. Трёхминутная научная презентация не является исключением.

Например, в ходе анализа мы выявили риторические паузы на стыках двух риторических вопросов в одном фрагменте:

So → *what ∨ changed* ||| *and* → *why does it ∨ matter?*||⁴

Очевидно, что риторическая пауза способствует «погружению» аудитории в предмет исследования:

When I say||*all you think*|| *that you think*|| *this is*||*fascinating*||| *I use perspective-taking*⁵

Imagine yourself || *as a one-week old coral reef fish.* ||⁶

Риторическая пауза в трёхминутной научной презентации является одной из техник установления и поддержания контакта, обратной связи с аудиторией, что особенно важно в отсутствии других контактоустанавливающих техник:

Now|| *maybe you think*|| *well autistic people* | *can also struggle to communicate*||⁷

Ещё одна специфическая особенность публичного выступления в формате ЗМТ состоит в отсутствии просодических контрастов, обусловленных стиливой

www.youtube.com/watch?v=6NA3BVbj6pE&t=20s (дата обращения: 15.08.2024). Далее: Mike Richardson – Seeing with the tongue – 3MT finalist 2021.

¹ Mike Richardson – Seeing with the tongue – 3MT finalist 2021.

² Three Minute Thesis competition 2018 Winner – Willemijn Doedens // University of Reading: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7YesMSG9izE&t=22s> (дата обращения: 15.08.2024).

³ Там же.

⁴ Mike Richardson – Seeing with the tongue – 3MT finalist 2021.

⁵ Там же.

⁶ Tim Gordon – 3 Minute Thesis // Researcher Development: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wFJJDCkHg5Y&t=8s> (дата обращения: 15.08.2024).

⁷ Bilingualism in autism: Life, Mind & Brain | 3 Minute Thesis | Bérengère Digard // The University of Edinburgh: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q04eLNBEedX0&t=55s> (дата обращения: 15.08.2024).

неоднородностью или гибридизацией жанров, что характерно, например, для современной лекции [1; 3]. Временные ограничения не позволяют использовать такие приёмы, как вставной рассказ (storytelling), обращение к личному опыту, вовлечение аудитории в обсуждение проблемы, в результате манера исполнения остаётся неизменной, а элементы разговорности интегрируются не в отдельные фрагменты, а во всё выступление. Таким образом, в данном случае можно говорить скорее о фоностилевой однородности публичной презентации.

Анализируя просодические характеристики ЗМТ, мы не могли не учитывать тот факт, что ораторы принадлежат к разным лингвокультурам. В связи с их международным статусом конкурсы ЗМТ представляют собой образец поликультурной коммуникации на английском языке, в которую вовлечены как нативные (native speakers / L1 speakers), так и ненативные (non-native speakers / L2 speakers) носители английского языка. Как показало наше исследование, выступления ненативных ораторов не отличаются от выступлений нативных носителей языка в риторическом и просодическом аспектах.

Мы видим, что даже в тех случаях, когда речь характеризуется большой степенью акцентной маркированности на сегментном уровне, уместное и целесообразное использование сверхсегментных фонетических средств способствует обеспечению эффективности коммуникации. Наиболее значимы при этом такие параметры, как уместное членение речевого потока, адекватное выделение смысловых центров, контроль темпа речи.

Данное наблюдение представляется нам особенно важным на фоне современных этических норм поликультурной коммуникации, предписывающих плюрализм, отсутствие акцентной дискриминации, возможность реализовать свою национальную и социальную идентичность для всех носителей английского языка, отказ от ориентации на традици-

онные произносительные стандарты нативных носителей языка [8]. В русле данных принципов снижается мотивация ненативных носителей языка модифицировать своё произношение и адаптировать речевое поведение в соответствии с социокультурными нормами, что может негативно влиять на эффективность речевого общения [9]. Представляется, что в связи с отказом от традиционных произносительных стандартов могут возникать серьёзные коммуникативные барьеры, а, учитывая многообразие вариантов английского языка, поликультурная коммуникация, по существу, трансформируется в коммуникацию полилингвальную.

В этом контексте анализ особенностей просодической реализации публичных выступлений показывает, что соблюдение требований классической и современной риторики относительно уместности и целесообразности выбора фонетических средств позволяет обеспечить эффективное взаимодействие с аудиторией в рамках межкультурной коммуникации. Когда мы слушаем публичные выступления на английском языке участников конкурса ЗМТ, соблюдающих эти нормы, проблемы «акцентного равноправия» или «акцентной дискриминации» не возникают.

Заключение

Обобщая результаты исследования, необходимо отметить, что англоязычная публичная речь на научные темы в формате 3 Minute Thesis представляет собой образец современного академического красноречия. Своеобразие данного жанра публичной речи обусловлено, с одной стороны, необходимостью следовать установкам риторики в соответствии с регламентом конкурса, а с другой стороны – спецификой формата, предполагающего компрессию содержания и доступность изложения. В условиях ограниченного визуального сопровождения особое значение приобретают риторические приёмы, обеспечивающие

эффективное взаимодействие оратора и аудитории: апелляции, риторические вопросы, повторы, юмор, ирония, а также элементы разговорности. Выступление реализуется в свободной неформальной манере, что позволяет продемонстрировать вовлечённость оратора и поддерживать коммуникативный контакт со слушателями.

Как показал анализ материалов, вошедших в корпус исследования, выбор просодических средств обусловлен необходимостью оптимизировать передачу смысла сообщения с учётом регламента ЗМТ. Характеризуя особенности просодического оформления данного жанра академической публичной речи, можно выделить следующие тенденции: широко представлены такие интонационные техники, как пословная акцентуация, интонационные повторы, эмфатические и риторические паузы, при этом не отмечается существенной вариативности скорости речи и ритмической организации выступления. В отличие от других жанров академической публичной речи в выступлениях в формате ЗМТ отсутствуют маркеры фоностилевой неоднородности, что обусловлено временными ограничениями.

Сравнительный анализ публичных выступлений в исполнении нативных и ненативных носителей английского языка показал отсутствие различий в их риторическом строе и просодическом оформлении. В тех случаях, когда речь отличалась высокой степенью акцентной маркированности, умелое использование просодических средств способствовало обеспечению эффективности коммуникации.

Мы видим, что риторика предлагает нормы, объединяющие языковые сообщества, а не разъединяющие их. В условиях поликультурной коммуникации риторически эффективное, ориентированное на взаимодействие с аудиторией публичное выступление является ключом к преодолению коммуникативных барьеров, вызванных различиями национально-культурного и социокультурного характера.

В заключение следует подчеркнуть, что материалы международных конкурсов в формате ЗМТ обладают большим лингводидактическим потенциалом: их использование в практике обучения английскому языку может быть полезно для развития риторической, фонетической, социокультурной компетенции будущих участников межкультурной коммуникации на английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опыт междисциплинарного изучения просодии устного дискурса на английском языке: монография / Е. Л. Фрейдина, Е. А. Никулина, М. Ю. Сейранян, О. А. Первезенцева. М.: МПГУ. 2023. 172 с. DOI: 10.31862/9785426312876.
2. Михальская А. К. Лекторское мастерство. М.: Инфра-М, 2018. 171 с. DOI: 10.12737/textbook_59a40ace261d53.68378151.
3. Аристова Д. Д. Фоностилистическое своеобразие жанра лекции в свете современной риторики интеллективного общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 33 с.
4. Crystal D. *The Gift of the Gab: How Eloquence Works*. New-Haven and London: Yale University Press, 2016. 256 p.
5. Фрейдина Е. Л., Сейранян М. Ю. Мастер-класс на английском языке как жанр онлайн дискурса в сфере образования: риторический и фонетический аспекты // Преподаватель XXI век. 2020. № 4-2. С. 404–413 DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-404-413.
6. Таланина А. А. Онлайн-лекция как жанр интернет-дискурса // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 17–22.
7. Collins Ph. *The Art of Speeches and Presentations: The Secrets of Making People Remember What You Say*. Chichester, West Sussex, UK: Wiley, 2012. 224 p.
8. Setter J. *Your Voice Speaks Volumes: It's Not What You Say, But How You Say It*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 236 p.
9. Kecskes I. *Intercultural pragmatics*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 288 p.

REFERENCES

1. Freydina, E. L., Nikulina, E. A., Seiranian, M. Yu. & Pervezentseva, O. A. (2023). *An experience of interdisciplinary study of prosody of oral discourse in English*. Moscow: Moscow Pedagogical State University publ. DOI: 10.31862/9785426312876 (in Russ.).
2. Mikhalskaya, A. K. (2018). *Lecturing Mastery*. Moscow: Infra-M publ. DOI: 10.12737/textbook_59a40ace261d53.68378151 (in Russ.).
3. Aristova, D. D. (2023). *Phonostylistic originality of the lecture genre in the light of modern rhetoric of intellectual communication* [dissertation]. Moscow, 2023 (in Russ.).
4. Crystal, D. (2016). *The Gift of the Gab: How Eloquence Works*. New-Haven and London: Yale University Press.
5. Freydina, E. L. & Seiranian, M. Yu. (2020). Masterclass in English as a Genre of Online Discourse in the Sphere of Education: Rhetorical and Phonetic Aspects. In: *Prepodavatel XXI vek*, 4-2, 404–413 DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-404-413 (in Russ.).
6. Talanina, A. A. (2018). Online lecture as a genre of internet discourse. In: *World of the Russian Word*, 2, 17–22 (in Russ.).
7. Collins, Ph. (2012). *The Art of Speeches and Presentations: The Secrets of Making People Remember What You Say*. Chichester, West Sussex, UK: Wiley.
8. Setter, J. (2019). *Your Voice Speaks Volumes: It's Not What You Say, But How You Say It*. Oxford: Oxford University Press.
9. Kecskes, I. (2014). *Intercultural pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фрейдина Елена Леонидовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка им. В. Д. Аракина Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
ORCID: 0000-0002-2476-7316; e-mail: freydina55@mail.ru

Сейранян Маргарита Юрьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка им. В. Д. Аракина Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
ORCID: 0000-0002-7540-2229; e-mail: margo.seiranyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena L. Freydina (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Professor, Department of Phonetics and Vocabulary of the English Language named after V. D. Arakin, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;
ORCID: 0000-0002-2476-7316; e-mail: freydina55@mail.ru

Margarita Yu. Seiranyan (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Phonetics and Vocabulary of the English Language named after V. D. Arakin, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;
ORCID: 0000-0002-7540-2229; e-mail: margo.seiranyan@yandex.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-102-111

МОДАЛЬНОСТЬ И КОННЕКТОРЫ. СРАВНЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ, ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ И КОННЕКТОРОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Иванов В. Д.

Национальный исследовательский университет МЭИ, 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, Российская Федерация

e-mail: Ivanovvdm@mpei.ru

Поступила в редакцию 15.06.2024

Принята к публикации 20.06.2024

Аннотация

Цель. Сравнить класс коннекторов, модальных частиц и дискурсивных маркеров в немецком языке с позиции их функциональных особенностей и выявить их сходства и различия, а также определить роль коннекторов в рамках категории модальности.

Процедура и методы. В работе на основании описательного, сопоставительного и трансформационного методов были проанализированы синтаксические особенности коннекторов, выявлены сходства и отличия между коннекторами и классом модальных частиц и дискурсивных маркеров.

Результаты. В статье доказано, что в разговорной речи коннекторы могут выступать в функции модальных частиц и дискурсивных маркеров, связывая части диалога в единое целое и создавая логический переход от одной темы к другой. Коннекторы обладают также и дополнительной прагматической функцией.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования весьма полезны как для коммуникативной лингвистики, так и для теоретической грамматики немецкого языка. Полученные данные могут найти применение в дальнейшем изучении коннекторов в немецком языке.

Ключевые слова: дискурс, коннекторы, дискурсивные маркеры, модальность, модальные частицы, связующая функция, структурирующая функция

Для цитирования:

Иванов В. Д. Модальность и коннекторы. Сравнение модальных частиц, дискурсивных маркеров и коннекторов в немецком языке // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 102–111. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-102-111>

Original research article

MODALITY AND CONNECTORS. COMPARISON OF MODAL PARTICLES, DISCURSIVE MARKERS AND CONNECTORS IN GERMAN

V. Ivanov

National Research University "Moscow Power Engineering Institute",
ulitsa Krasnokazarmennaya 14, Moscow 111250, Russian Federation
e-mail: Ivanovvdm@mpei.ru

Received by the editorial office 15.06.2024

Accepted for publication 20.06.2024

Abstract

Aim. To compare the class of connectors, modal particles and discursive markers in the German language from the point of view of their functional features and identify their similarities and differences, as well as determine the role of connectors within the category of modality.

Methodology. Based on the descriptive, comparative and transformational methods, the syntactic features of connectors were analyzed, the similarities and differences between connectors and the class of modal particles and discursive markers were revealed.

Results. The article proves that in the colloquial speech connectors can act as modal particles and discursive markers, linking the parts of a dialogue into a single whole and creating a logical transition from one topic to another. Connectors also have an additional pragmatic function.

Research implications. The results of the study are useful both for communicative linguistics and theoretical grammar of the German language. The data obtained can be used in the further study of connectors in the German language.

Keywords: discourse, connectors, discursive markers, modality, modal particles, connecting function, structuring function

For citation:

Ivanov, V. D. (2024). Modality and connectors. Comparison of modal particles, discursive markers and connectors in German. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 102–111. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-102-111>

Введение

В лингвистике учёные всё чаще обращают внимание на взаимосвязь между модальностью и когерентной связью в предложении. Огромное количество исследователей затрагивают проблему модальности в целом, например, В. Абрагам [1], А. В. Аверина [2], Р. Д. Шакирова [3], которые раскрывают вопрос о категории модальности и модальных значениях, а также средствах их выражения. Важным моментом исследования в отечественной лингвистике стал вывод А. В. Авериной [4] о роли эпистемической модальности в системе модальных грамматических ка-

тегорий. Один из вопросов, требующий уточнения и более детального анализа, – это участие коннекторов в рамках категории модальности, определение роли коннекторов в структуре предложения и субъективной перспективы высказывания, а также сопоставление коннекторов с модальными частицами и дискурсивными маркерами, являющимися в германистике одним из главных средств выражения модальности. Требуется также уточнения вопроса о субъективном смысле, заложенный в семантике коннекторов и о выявлении их частных свойств. Этим и объясняется актуальность данной работы.

Научная новизна заключается в том, что уточняются особенности класса коннекторов с характерными для него грамматическими свойствами; определяется роль коннекторов в структуре предложения и субъективной перспективы высказывания; впервые сопоставлены классы коннекторов, модальных частиц и дискурсивных маркеров; рассмотрены и проанализированы критерии разграничения их функциональных и семантических особенностей на материале немецкого языка.

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из Мангеймского корпуса разговорной речи *Datenbank für Gesprochenes Deutsch (DGD)*¹.

Коннекторы как средство выражения модальности

В зарубежном языкознании Р. Дитрих [5] впервые развивает концепцию модальности благодаря разграничению структур главного и придаточного предложений в немецком языке. В своих исследованиях автор приводит примеры предложений, в которых коннекторы играют решающую роль в выражении модального значения. Неоспоримый интерес представляет работа В. Абрагама “*Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*” [6], где автор систематизирует и выделяет определённые связующие и подчинительные конструкции (координаторы и subordinаторы), которые неразрывно связаны с модальностью. В. Абрагам обращает внимание на тот факт, что причинно-следственные связи, выраженные в предложении коннекторами, можно передать с помощью модальных частиц:

(1) *Er kann nicht Siegfried heißen, weil er Franzose ist* [6, S. 19].

(2) *Er heißt Siegfried, ist aber Franzose* [6, S. 19].

¹ *Datenbank für gesprochenes Deutsch* [Электронный ресурс]. URL: <https://dgd.ids-mannheim.de/> (дата обращения: 01.05.2024).

На примере данного высказывания мы можем увидеть, каким образом коннекторы способствуют выражению модальности.

Синтаксические связи, прежде всего, определяются интенцией говорящего. Он может обозначить отношение между двумя предложениями. С этой точки зрения каждая синтаксическая связь, выраженная с помощью коннекторов, относится к говорящему. Позиция говорящего является неотделимым компонентом каждого сложноподчинённого предложения. В своей работе Д. Фронинг [7] отмечает, что в каузальном предложении причина и следствие – это прежде всего то, что говорящий выделяет и подтверждает в качестве таковых. Каузальная информация – это результат действия, отражённого в языке, в ходе которого два факта соединяются, образуя отношение «причина – следствие». С этой точки зрения каузальные коннекторы являются средствами языка для эксплицитного обозначения причин и аргументаций. Таким образом, коннекторы, маркирующие семантические отношения, всегда являются выражением модальности в смысле отношения говорящего.

Для иллюстрации высказанных положений мы рассмотрим соотношение коннекторов и других средств (модальные частицы и дискурсивные маркеры), которые также относятся к сфере модальности.

Разграничение коннекторов, модальных частиц и дискурсивных маркеров

В зарубежной германистике отмечают, что коннекторы могут быть наряду с другими языковыми элементами (модальные частицы, модальные слова, модальные глаголы) средством выражения модальности. Таким образом, следует произвести разграничение других понятий, которые отчасти могут являться конкурентами коннекторов. Остановимся подробнее на характеристике коннек-

торов, модальных частиц и дискурсивных маркеров в немецком языке и их соотношении друг с другом.

Коннекторы

Любой текст представляет собой сложную структуру, образуя единство, которое выражается через термины «коннекс», «коннективность», «коннексия», явно связанные с коннектором как инструментом связи.

Одним из первых понятие «коннектор» ввёл в грамматику лингвист Х. Ортнер. По определению учёного, коннекторы – это сигналы, дающие читателю понять, с какой точки зрения ему следует устанавливать связи [8, S. 97]. В данном определении автор пока оставляет без внимания устную коммуникацию. Помимо возможности выразить установку говорящего, подчёркивается ориентация на читателя и слушателя, которая может быть осуществлена с помощью коннекторов.

Под традиционно устоявшимся термином «коннекторы» понимается самостоятельный класс связующих средств, состоящий из различных частей речи, которых объединяет особенная общая функция – образование семантической связи между предложениями, благодаря которым образуется единство (коннексия, коннективность) [9, S. 34–35].

О. Ю. Инькова-Манзотти рассматривает коннекторы как «языковые единицы, функция которых состоит в выражении типа отношений – логико-семантических, иллокутивных, структурных – существующих между двумя соединёнными с ее помощью компонентами, имеющими предикативный характер, выражёнными имплицитно или эксплицитно [10, с. 17]». Автор удачно определил суть коннекторов, обращая внимание на то, что коннекторы могут выполнять структурообразующую роль в диалоге.

По мнению Р. Паша, коннекторы предназначены соединить два предложения в определённую семантическую связь друг

с другом. Они являются важным элементом, который обеспечивает выражение связности не только предложений, но и целых частей текста.

Согласно определению авторов книги «Handbuch der deutschen Konnektoren» к коннекторам относятся слова, способные соединить несколько предложений, т. е. выполняющие когезивную функцию. В отличие от союзов коннекторы связывают две пропозиции в единое смысловое целое. В роли коннекторов рассматривают слова, обладающие следующими свойствами:

- 1) коннекторы являются неизменяемыми;
- 2) коннекторы не влияют на падежную форму имён существительных;
- 3) коннекторы обладают двусторонней связью;
- 4) реляты (компоненты) их значения должны быть в виде пропозиций;
- 5) реляты (компоненты) их значения должны быть выражены предложениями¹.

По первому признаку коннекторы отличаются от других частей речи, которые могут изменяться. По второму признаку коннекторы отличаются от предлогов. Третий признак отличает коннекторы от наречий (таких как *tatsächlich*). Коннекторы, выраженные также наречиями, характеризуют обстоятельство в том предложении, частью которого они являются, находясь при этом в связи с другим положением дел. По четвёртому признаку коннекторы отличаются от не-коннекторов, которые обозначают специфические дискурсивные функции. Пятый признак отличает коннекторы от выражений, которые выступают в качестве аргументов и могут встраиваться в предложение (инфинитивные конструкции: *um...zu, statt...zu*).

¹ См.: Hanbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln) / R. Pasch, U. Brauß, E. Breindl, U. H. Waßner. New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 1.

Немецкий язык располагает большим количеством коннекторов, классификацию которых в лингвистике предложил Ф. Шанен. К ним относятся *корреляты* (*als wenn / ob, je...desto, so...dass, so...wie, so / zu...als, wenn...schon / gleich*), *субъюнкторы* (союзы с подчинительной связью: *als, da, damit, indes, ob, obschon, während*), *конъюнкторы* (союзы с сочинительной связью: *auch, zudem, teil...teil, und*) [11, S. 10].

По синтаксическим критериям коннекторы можно также разделить на две группы: неинтегрированные в предложение коннекторы-союзы и интегрированные в предложение коннекторы-наречия.

Обобщая вышесказанное, коннекторы сводятся к классу неизменяемых элементов языка, которые соединяют два предложения в определённом семантическом отношении друг к другу. Коннекторы являются важным элементом структуры сложного предложения, определяя во многом его значение.

Остановимся далее на соотношении коннекторов и модальных частиц в немецком языке.

Модальные частицы

К модальным частицам относятся слова, которые передают установку говорящего. В 1963 г. А. Т. Кривоносов пишет свою диссертацию по немецким частицам, первым употребив понятие «модальные частицы» [12]. В зарубежном языкознании после исследования Х. Вейдта [13], в котором модальным частицам был предложен другой термин «оттеночные частицы» (*Abtönungspartikeln*), число публикаций на эту тему не прекращается. Модальные частицы можно считать хорошо исследованными в языкознании.

Помимо установки говорящего и управления слушающим класс модальных частиц выполняет в высказывании целый ряд функций: 1) связующая функция, 2) функция членения разговора или текста, 3) дискурсивная функция, 4) ил-

локутивная функция. Этот список не является исчерпывающим, он лишь отражает наиболее распространённые точки зрения исследователей в языкознании.

На формальные характеристики модальных частиц указывают большинство выше приведённых авторов. Модальные частицы обладают следующими каноническими особенностями: 1) неделимы; 2) стоят в середине предложения; 3) безударны; 4) факультативны; 5) имеют скопус предложения; 6) стоят часто перед ремой в предложении; 7) не могут согласовываться; 8) не могут изменяться или расширяться; 9) к ним нельзя поставить вопрос; 10) к ним нельзя поставить отрицание; 11) зависят от типа предложения; 12) могут комбинироваться друг с другом.

Модальные частицы в зависимости от занимаемой позиции в предложении имеют одно или несколько других значений, т. е. могут относиться к другим функциональным классам. По наблюдениям Х. Вейдта, частицы встречаются чаще в диалогических, а не в монологических текстах, в разговорном языке, а не в письменном. Е. Хэнтшел продемонстрировала, что частота использования частиц возрастает в той же степени, в какой возрастает степень приватности разговора¹.

В диахроническом анализе было показано, каким образом модальные частицы берут своё начало от первоначальных слов (*Quellwörter*), которые принадлежат к таким частям речи, как союз (*aber*), прилагательное (*ruhig*) или наречие (*eben, denn, wohl*). Процесс грамматикализации стал причиной полисемии, гетеросемии и омонимии, которые описывают в своей работах В. Абрагам [14] и Й. Майбауэр [15].

Помимо перечисленных выше характеристик, модальные частицы вносят в предложение определённое мнение, а

¹ См.: Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 524 S.

также оценку говорящего. Таким образом, частицы обладают интерактивной и коммуникативной функциями. Благодаря модальным частицам говорящий может дать указание на то, как он понимает и воспринимает сказанное и каким образом он это должен классифицировать, а также ссылку на то, как говорящий оценивает данное высказывание. Из данного результативного влияния модальных частиц в диалогическом контексте проявляется действительная модальность модальных частиц. Такими схожими функциями обладают дискурсивные маркеры и коннекторы.

Рассмотрим предложения, демонстрирующие нам функциональные параллели модальных частиц и некоторые способы употребления коннекторов в немецком языке:

(3) *Morgen ist Institutratssitzung. Da musst du **nämlich** hin.*¹

* (4) *Ich sage dir das, **weil** ich dich erinnern / informieren will, **dass** du da hinsollst.*

(5) *Morgen ist Institutratssitzung. Da musst du **doch** hin.*

* (6) *Du hast es vielleicht vergessen / nicht gewusst, **doch** ich erinnere dich daran.*

(7) *Es hat Frost gegeben. Die Heizungsrohre sind **ja** (**schließlich**) geplatzt.*

* (8) *Es hat Frost gegeben. Die Heizungsrohre sind geplatzt.*

Дадим комментарии к приведённым выше предложениям. Предложение (4) является возможным объяснением типа связи, которое имеет место быть в предложении (3). Предложение (6) является объяснением предложения (5). Коннектор *doch* в (6) выступает в роли связующего звена между предложениями. Вместе с тем предложение (7) по сравнению с предложением (8) имеет эпистемическое объяснение. В (8) “*Es hat Frost gegeben*” не является умозаключением тому что “*Die Heizungsrohre sind geplatzt*”, а постановка

предложений зависит от временной последовательности. Модальная частица *ja* в (7) действует как эвиденциальный маркер доказательства. Говорящий предполагает, что данный факт известен или очевиден слушателю, но упоминает его эксплицитно, чтобы убедиться, что он также является всё ещё актуальным, поскольку это ему необходимо для продолжения коммуникации. Иными словами, частица *ja* является маркером, который выполняет функцию утверждения, требования сообщить что-либо новое.

Таким образом, модальные частицы и коннекторы обладают связующей функцией, позволяющей соединить предложения в единое логическое целое, а также обеспечить тематическую взаимосвязь между фрагментами текста и создать логический переход от одной темы к другой.

Схожесть коннекторов с модальными частицами можно также показать благодаря парафразе конструкции без модальной частицы. Продемонстрируем это на следующем примере:

(9) A : *Ich helfe dir beim Umzug.*

(10) B : *Hast du **denn** Zeit?*

Вопросительное предложение с частицей *denn* следует понимать как вопрос для уточнения истинности утверждения, что у А есть время помочь с переездом.

Возможные истолкования того, что заключает в себе модальная частица *denn*, следующие:

* (11) *Du brauchst Zeit, **denn** du willst beim Umzug helfen.*

* (12) *Ich frage dich, ob du Zeit hast, **denn** du brauchst Zeit, wenn du beim Umzug helfen willst.*

Отличительная особенность коннекторов от модальных частиц состоит в том, что коннекторы всегда нуждаются в месте соединения (в относительном слове) в предложении (в предтексте), к которому они относятся (13). Модальные частицы не имеют прямого, реализованного в языковом плане относительного слова в предложении (14). Продемонстрируем это на примерах:

¹ Здесь и далее иллюстративный материал взят из Мангеймского корпуса разговорной речи Datenbank für Gesprochenes Deutsch (DGD), если не было указано другой источник.

(13) *Während des Picknicks beginnt es zu regnen. **Und** was machen wir jetzt?*¹

(14) *Der erste Versuch, zu zweit eine große Plane bei Wind zusammenzulegen, scheitert. Oder wir machen's jetzt so, dass du **erst mal** hier anpackst.*

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что коннекторы, как и модальные частицы, являются самостоятельным классом слов, возникшим в результате лексикализации. Коннекторы в немецком языке участвуют в синтаксическом отношении предложений и обладают особенными семантическими свойствами.

Коннекторы могут перенимать дискурсивные функции, которыми обладают модальные частицы. Коннекторы не лишаются также и дополнительной прагматической функции в предложении. Модальные частицы, как и коннекторы, определяются благодаря их интерактивному характеру.

Дискурсивные маркеры

В литературе понятия «дискурсивные частицы» и «дискурсивные маркеры», «модальные частицы» и «оттеночные частицы», «коннекторы» и «коннективы» отчасти синонимично используются, отчасти имеют незначительные расхождения, а в некоторых случаях противоположны друг другу. Так, М. Турмэр рассматривает понятия «модальные частицы» и «оттеночные частицы» как синонимы. Даже «коннекторы» и «дискурсивные маркеры» частично совпадают друг с другом [16].

Существует многообразие мнений на счёт того, что принято считать дискурсивными маркерами в лингвистике. Дискурсивные маркеры очень сложно спутать с модальными частицами. Однако,

между ними существует функциональное пересечение: дискурсивные маркеры, как и модальные частицы, выполняют интерактивную функцию в дискурсе.

Дискурсивные маркеры обозначают отношения, которые говорящий намеревается установить между высказыванием, которое вводит дискурсивный маркер, и предыдущим высказыванием. Дискурсивные маркеры дают адресату указания относительно того, как следует интерпретировать высказывание. В большинстве своём это короткие элементы языка, ограниченные касательно их звукового состава, синтаксически не обязательные, не являются частью синтаксической структуры или только очень слабо с ней связаны, семантически слабые и не затрагивают истинного значения предложения, преимущественно встречаются в разговорном, устном дискурсе [8].

Большое количество коннекторов пересекаются по своим функциям с дискурсивными маркерами, например:

(15) *Das ist alles immer schön im Sand verlaufen, und den Profs war's eigentlich im Grund genommen auch scheissegal, **weil** des geht denen halt auch am Arsch vorbei.*

Союз *weil* в данном предложении не имеет значения причины, а выполняет связующую функцию в предполье предложения. Коннектор *weil* служит также для пояснения обстоятельств происходящего, переключая внимание собеседника на различные аспекты общей темы.

Рассмотрим ещё пример из корпуса разговорной речи, где коннекторы могут выступать в функции дискурсивных маркеров, выполняя связующую и структурирующую функции в предложении:

(16) *IL: ähm (.) **und** ähm genau und die Ehrgeizige is natürlich auch wichtig die natürlich dann doch mir °hhh so_n bisschen Druck macht **und** sagt okay jetzt hast du vielleicht mal ne Woche nichts gemacht aber jetzt machs du nächste Woche mal wieder n bisschen mehr **und** deswegen die stresst mich zwar zu viel. **Und** ähm des is sehr unüblich, dass man nach dem Studium in die Bauleitung geht **und***

¹ Hanbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln) / R. Pasch, U. Brauße, E. Breindl, U. H. Waßner. New York: Walter de Gruyter. 2003. S. 367

ähm weil man erst ma so ganz klassisch Planung macht ähm und Bauleitung eher so n bisschen nach

IL: Erfahrung h aber ich wollte das unbedingt und

IL: mir hat es Spaß gemacht und ich hab da auch sehr gutes Feedback bekommen, weil ich gemerkt hab, dass ich halt (.) genau ne Macherin bin und die Macherin dort gebraucht wurde und also eine die jetzt ich immer so %h komplett (.) also die auch n bisschen pragmatisch veranlagt is die dann einfach sagt okay des hat jetzt nicht geklappt jetzt machen wir_s so und des funktioniert auch gut.

В приведённом фрагменте *und* служит связующим звеном между различными микротемами.

Примечательно также то, что дискурсивные маркеры ограничиваются в предполье предложения или стоят в нулевой позиции. Коннекторы также могут занимать это место в предложении.

Коннекторы остаются коннекторами, если они дополнительно выполняют структурирующую функцию, которая выражается в членении текста, в связи высказываний, в эпистемических установках, в управлении отношений между говорящим и слушающим. Дискурсивные маркеры отражают значение союзов, что говорит о их синтаксической, семантической и прагматической многофункциональности. По нашему мнению, значение коннекторов следует понимать в качестве комментария или указания. Коннекторы показывают, как структурирован дискурс и маркируют дискурсивные связи. Таким образом, коннекторы могут перенимать такие функции, которые имеют дискурсивные маркеры.

Заключение

В данной статье были рассмотрены коннекторы, модальные частицы и дискурсивные маркеры в немецком языке. Данные единицы языка можно обозначить как сигналы, которые имеют определённое значение для слушающего, указывают, каким образом ему следует

устанавливать связь. Модальные частицы и дискурсивные маркеры определяются благодаря их интерактивному характеру, который доказывают также коннекторы. Все перечисленные лексические элементы являются неотъемлемым компонентом выражения модальных значений.

1. Коннекторы представляют собой неизменяемые единицы языка, которые одновременно являются средством связи между предложениями, определяя во многом их значения. В роли коннекторов рассматриваются слова, которые имеют следующие особенности:

- обладают частными свойствами: неизменяемость; невозможность влиять на падежную форму имён существительных;
- обладают двусторонней связью;
- обоснованием их значения является содержание предложений;
- реляты их значения должны быть выражены предложениями.

Выявление этих особенностей позволило определить роль коннекторов в предложении и тексте.

2. Коннекторы играют важную роль в теории и концепции модальности, так как в их семантике заложен субъективный смысл. Каждая синтаксическая связь между предложениями, выраженная с помощью коннекторов, имеет отношение к говорящему. Позиция говорящего является неотделимым компонентом каждого сложноподчинённого предложения.

3. Коннекторы, как и модальные частицы, являются самостоятельным классом слов. Коннекторы возникли в процессе грамматикализации. В разговорной речи коннекторы могут выступать в функции модальных частиц, связывая части диалога в единое целое и создавая логический переход от одной темы к другой. Коннекторы обладают также и дополнительной прагматической функцией.

4. Схожесть коннекторов можно показать благодаря парафразе конструкций без модальной частицы. Отличительной особенностью коннекторов от модаль-

ных частиц является то, что коннекторы всегда нуждаются в относительном слове в предложении. Модальные частицы не имеют прямого реализованного в языковом плане относительного слова в предложении.

5. Существует функциональное пересечение между коннекторами и дискурсивными маркерами в немецком языке. Дискурсивные маркеры, как и коннекторы, выполняют структурирующую функ-

цию, которая выражается в членении текста, в связи высказываний, в эпистемических установках, в управлении отношений между говорящим и слушающим.

В целом можно заключить, что коннекторы являются наравне с модальными частицами и дискурсивными маркерами одним из главных средств выражения модальности в высказывании и выполняют разнообразные дискурсивные функции в организации предложения и текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // *Modalität und Evidentialität = Modality and Evidentiality* / hrsg. G. Diewald, E. Smirnova. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 125–147.
2. Аверина А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка): монография. М.: КРАСАНД. 2010. 192 с.
3. Шакирова Р. Д., Щербакова И. А. Модальность достоверности как модусная категория коммуникативного уровня (на материале английского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1849–1854. DOI: 10.30853/phil20230264.
4. Аверина А. В. Немецкие модальные глаголы во вторичном значении и их аналоги в русском языке // *Филологические науки в МГИМО*. 2024. Т. 10. № 1. С. 8–21. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-1-38-8-21.
5. Dietrich R. *Modalität im Deutschen: zur Theorie der relativen Modalität*. Opladen: Westdeutscher Verl., 1992. 224 S.
6. *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus* / hrsg. W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2009. 302 S.
7. Frohning D. *Kausalmarker zwischen Pragmatik und Kognition: Korpusbasierte Analysen zur Variation im Deutschen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2012. 250 S.
8. Ortner H. *Syntaktisch hervorgehobene Konnektoren im Deutschen* // *Deutsche Sprache*. 1983. N. 11. S. 97–121.
9. Waßner U. H. *Konnektoren und Anaphorika – zwei grundlegende sprachliche Mittel zur Herstellung von Zusammenhang zwischen Textteilen // Textkonnektoren und andere textstrukturierende Einheiten* / hg. A. Cambourian. Tübingen: Stauffenburg, 2001. S. 34–46 (Reihe: Eurogermanistik 16).
10. Инькова-Манзотти О. Ю. *Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование): монография*. М.: Информ-электро, 2001. 434 с.
11. Schanen F. *Textkonnektoren: der begriffliche Hintergrund // Textkonnektoren und andere textstrukturierende Einheiten* / hg. A. Cambourian. Tübingen: Stauffenburg, 2001. S. 1–17.
12. Кривонос А. Т. *Система классов слов как отражение структуры языкового сознания*. М.: Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 845 с.
13. Weydt H. *Abtönungspartikel. Die deutschen Modalwörter und ihre französischen Entsprechungen*. Bad Homburg v.d.H.: Gehlen, 1969. 127 S.
14. Abraham W. *Discourse marker = discourse particle = thetical = modal particle? a Futile comparison // Discourse Particles: Formal Approaches to Their Syntax and Semantics* / ed. by J. Bayer, V. Struckmeier ; 1st ed. Berlin: De Gruyter, 2017. P. 241–280.
15. Meibauer J. *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln*. Tübingen: Niemeyer, 1994. 252 S.
16. Thurmair M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer, 1989. 306 S.

REFERENCES

1. Abraham, W. (2011). Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: Die-wald, G. & Smirnova, E., hrsg. *Modalität und Evidentialität = Modality and Evidentiality*. Trier: Wis-senschaftlicher Verlag, S. 125–147.
2. Averina, A. V. (2010). *Epistemic modality as a linguistic phenomenon (based on the German language)*. Moscow: KRASAND publ. (in Russ.).
3. Shakirova, R. D. & Shcherbakova, I. A. (2023). The modality of certainty as a modus category of the communicative level (on the material of the English language). In: *Philology. Theory & Practice*, 16 (6), 1849–1854. DOI: 10.30853/phil20230264 (in Russ.).
4. Averina, A. V. (2024). German modal verbs in secondary meaning and their analogues in Russian. In: *Linguistics & Polyglot Studies*, 10 (1), 8–21. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-1-38-8-21 (in Russ.).
5. Dietrich, R. (1992). *Modalität im Deutschen: zur Theorie der relativen Modalität*. Opladen: West-deutscher Verl.
6. Abraham, W. & Leiss, E., hrsg. (2009). *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Tübingen: Stauffenburg-Verl.
7. Frohning, D. (2012). *Kausalmarker zwischen Pragmatik und Kognition: Korpusbasierte Analysen zur Variation im Deutschen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
8. Ortner, H. (1983). Syntaktisch hervorgehobene Konnektoren im Deutschen. In: *Deutsche Sprache*, 11, 97–121.
9. Waßner, U. H. (2001). Konnektoren und Anaphorika – zwei grundlegende sprachliche Mittel zur Herstellung von Zusammenhang zwischen Textteilen. In: Cambourian, A., hg. *Textkonnektoren und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, S. 34–46 (Reihe: Eurogermanistik 16).
10. Inkova-Manzotti, O. Yu. (2001). *Connectors of opposition in French and Russian languages (compara-tive study)*. Moscow: Inform-electro publ. (in Russ.).
11. Schanen, F. (2001). Textkonnektoren: der begriffliche Hintergrund. In: Cambourian, A., hg. *Textkon-nektoren und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, S. 1–17.
12. Krivonosov, A. T. (2001). *The system of word classes as a reflection of the structure of linguistic con-sciousness*. Moscow: New York: CheRo publ. (in Russ.)
13. Weydt, H. (1969). *Abtönungspartikel. Die deutschen Modalwörter und ihre französischen Entsprechun-gen*. Bad Homburg v.d.H.: Gehlen.
14. Abraham, W. (2017). Discourse marker = discourse particle = thetical = modal particle? a futile com-parison. In: Bayer, J. & Struckmeier, V., eds. *Discourse Particles: Formal Approaches to Their Syntax and Semantics*. Berlin: De Gruyter, pp. 241–280.
15. Meibauer, J. (1994). *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln*. Tübingen: Niemeyer.
16. Thurmair, M. (1989). *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Владимир Дмитриевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры ре-кламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского универси-тета «МЭИ»;

ORCID: 0000-0002-4026-7258; e-mail: Ivanovvdm@mpei.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Ivanov (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of advertising, public relations and linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”;

ORCID: 0000-0002-4026-7258; e-mail: Ivanovvdm@mpei.ru

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-112-122

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НОВЫХ РЕФЕРЕНТНЫХ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ И ОНЛАЙН-ВЕРСИЯХ СЛОВАРЯ «LE PETIT ROBERT DE LA LANGUE FRANÇAISE»

Харитонов И. В.*, **Беляева Е. Е.**

*Московский государственный педагогический университет, 119435, Россия, г. Москва,
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

*Корреспондирующий автор, e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su

Поступила в редакцию 26.07.2024

Принята к публикации 25.09.2024

Аннотация

Цель. Настоящая статья посвящена выявлению эпистемологических оснований неологизации в современном французском языке. Проанализированы неологизмы, зафиксированные в новейших версиях цифровых изданий «Le Petit Robert de la langue française», включая список новых слов 2024 года.

Процедура и методы. В основу анализа положены современные лингвофилософские представления о роли естественного человеческого языка в познавательной деятельности, объектами которой выступают материальные и идеальные реалии внешнего и внутреннего по отношению к человеку объективного и субъективного пространства.

Результаты. В ходе проведённого исследования продемонстрирована связь неологизации с социокодом культуры и актуальной направленностью познавательно-созидательного процесса. Уточнено методологическое содержание таких инструментальных понятий, как референтная реалья, языковая реалья и номинат.

Теоретическая и практическая значимость. Предложена эпистемологическая классификация современных французских новых слов. Результаты исследования обладают научной новизной и имеют значение для развития современной романской неологии. Теоретико-эмпирический материал может быть использован в курсах лексикологии французского языка и теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: французский язык, неологизация, новое знание, социокод культуры, эпистема, референтная реалья

Для цитирования:

Харитонов И. В., Беляева Е. Е. Особенности отражения новых референтных реалий в современных цифровых и онлайн-версиях словаря «Le Petit Robert de la langue française» // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 112–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-112-122>

Original research article

PECULIARITIES OF REFLECTING NEW REFERENCE REALITIES IN MODERN DIGITAL AND ONLINE VERSIONS OF THE DICTIONARY «LE PETIT ROBERT DE LA LANGUE FRANÇAISE»

I. Kharitonova*, E. Belyaeva

Moscow Pedagogical State University, ulitsa Malaya Pirogovskaya 1 build. 1, Moscow 119435, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su

Received by the editorial office 26.07.2024

Accepted for publication 25.09.2024

Abstract

Aim. To identify the epistemological foundations of neologization in modern French. The neologisms recorded in the latest versions of the digital editions of “Le Petit Robert de la langue française”, including a list of new words in 2024, are analyzed.

Methodology. The analysis is based on modern linguistic and philosophical ideas about the role of natural human language in cognitive activity, the objects of which are the material and ideal realities of external and internal objective and subjective space in relation to a person.

Results. As a result of the conducted research, the connection of neologization with the social code of culture and the actual orientation of the cognitive and creative process is demonstrated. The methodological content of such instrumental concepts as reference reality, linguistic reality and nominate is clarified.

Research implications. An epistemological classification of modern French new words is proposed. The results of the study have scientific novelty and are important for the development of contemporary Romance neology. Theoretical and empirical material can be used in courses on the lexicology of the French language and the theory of intercultural communication.

Keywords: French language, neologization, new knowledge, sociology of culture, episteme, referential reality

For citation:

Kharitonova, I. V. & Belyaeva, E. E. (2024). Peculiarities of reflecting new reference realities in modern digital and online versions of the dictionary «Le Petit Robert de la langue française». In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 112–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-112-122>

Введение

Изучение механизмов формирования языковых систем не может утратить своей актуальности в силу того, что языки демонстрируют свою динамическую способность и сообразность окружающей действительности. Вопросы возникновения новых слов и их интеграции в систему языка остаются неисчерпанными. На материале французского языка такие авторы, как И. В. Скуратов, Н. А. Воскре-

сенская, И. И. Кушакова, Н. М. Онущенко и др. [1–6], проводят типологические исследования, описывают современное состояние этого комплекса лексических единиц, выделяют наиболее продуктивные словообразовательные семантические и морфологические структуры, а также иноязычные источники неологизации.

Настоящее исследование предполагает предъявление и структурно-семан-

тический анализ новейших слов французского языка, а также демонстрацию на сравнительно небольшом количестве примеров процесса генезиса номинатов новых референтных реалий. Обычно неологизмы изучаются с точки зрения соотносённости с областью окружающей действительности (Окружающая среда, Кулинария, Спорт, Политика и т. д.). Но в данной работе используется *гносеологический подход*, позволяющий рассмотреть образование новых слов во французском языке с точки зрения современных векторов познавательной деятельности человека, т. е. как отражение объективной и социокультурной реальности, существующей в совокупности материальных и идеальных объектов познания. В этой связи цель исследования состоит в определении эпистемической¹ основы неологизации современного французского языка.

Неологизмы как результат познавательной-созидательной деятельности человека

Состояние системы любого живого человеческого языка находится в прямой зависимости от познавательной и созидательной активности человеческого сообщества, направленной на адаптацию к внешней природной/неприродной среде и её преобразование в соответствии с потребностями выживания как вида.

¹ Понятие эпистемы (*épistémè*) введено в научный обиход в 60-е годы прошлого века французским философом М. Фуко (Foucault M. *Les Mots et les choses* [9]) и было применено к дискурсу научного познания. Эпистема трактовалась как характерная для той или иной эпохи система неявных правил, определяющих возникновение того или иного дискурса. Историко-структурно-сопоставительный подход к анализу познавательной деятельности человека и её вербальных результатов (эпистемология) критиковался философами и «зашёл в тупик» в работах самого М. Фуко. Однако синхронное использование приёмов описания соотношения актуальной специфической референтности познания и его языковых результатов представляется обоснованным в данной работе. Лингвистический потенциал данной теории представляется неисчерпанным.

Примечательно, что всё живое на Земле может приспосабливать окружающую среду для своей безопасности и процветания в основном за счёт перемещения в пространстве, создания «убежищ» и размножения. Человек способен преобразовывать не только внешний мир, но и самого себя, повышая шансы на увеличение своего «жизненного цикла». В основе преобразовательной деятельности и лежат познание и созидание, находящиеся в постоянном взаимопереходе.

В этой связи мир, окружающий человека, условно представлен двумя видами объектов, противоположных по сущности: идеальными (связанными с познанием и недоступными в ощущениях) и материальными (реально существующими субстанциями). Идеальные объекты доступны только человеку как существу, наделённому сознанием. Материальные объекты могут быть природного и неприродного происхождения. Природные объекты существуют независимо от воли и желания людей. Но в процессе своей познавательной и созидательной деятельности человек сам создаёт объекты внешней среды (идеальные и материальные), которые в широком смысле многими исследователями ещё со времён античной философии относятся к культуре. Человек не одинок в реализации своей потребности к выживанию. Эта задача решается существенно легче в коллективе, обществе, сообществе себе подобных. Поэтому культура представляет собой явление социальное и сложно организованное. И в этой связи среди множества определений культуры, которые тщательно проанализированы М. С. Каганом в работе «Философия культуры» [7], инструментального для данного исследования найти не удалось.

Словарные определения культуры² отражают исторически сложившиеся

² См.: Хорошкевич Н. Г. Исследование понятия «культура» в словарной литературе // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в

этапы развития понятия «культура», которые охарактеризовал В. С. Степин. Отечественный философ отмечал, что изначально культура понималась как противопоставление природе (натуре). На втором этапе культура рассматривалась через соотношение с деятельностью, поскольку всё созданное человеком является её результатом. Такой подход позволил трактовать культуру как способ регуляции деятельности. Дальнейшая эволюция понятия культуры связана с уточнениями термина «способ регуляции деятельности» как «наличие особых надбиологических программ деятельности, которые регулируют человеческие действия и поступки» [8, с. 73]. Поэтому на современном новом третьем этапе культура определяется как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [8, с. 73.]. Рассмотрение культуры в таком функциональном аспекте позволило В. С. Степину определить культуру как исторически развивающийся *социокод*, одним из компонентов которого выступает естественный язык [8, с. 74], выполняющий в отношении окружающего мира описательную (дескриптивную) и созидательную функции. Ссылаясь на глубокие сравнительные исследования современных и архаических языков, проведенные Э. Сепиром и Б. Уорфом, философ отмечает, что язык своей структурой «задает образ мира, способ фрагментации и синтеза его объектов» [8, с. 77].

Об особой роли языка в процессе познания размышлял и известный французский философ прошлого века М. Фуко [9], теория эпистемы которого,

современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (20-21 марта 2014 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 332–339 [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/52107> (дата обращения: 20.06.2024).

подвергалась анализу, критике и имела множество оппонентов среди современников (Ж. Кангилем, Х.-Г. Меркиор, Э. Балибар, Ж. Лебрэн и др.). Согласно учению М. Фуко каждая эпоха характеризуется определённой структурой знания. «Совокупность объективных категорий, неких историко-познавательных априори, которые, в свою очередь, определяют возможности мнений, теорий, наук в различные исторические периоды», философ называет «эпистемой»¹. Философ выделили три эпистемы: ренессансную, классическую и современную ему. Для настоящего исследования важен не исторический ракурс, а то, что эпистема имеет синхронную структуру, которая определяется соотношением «*mots et choses*» (слов и вещей). В современной² (для М. Фуко) эпистеме слово выступает как знак в системе знаков, который на выходе в новое эпистемное пространство замыкается на самом себе³. И если ренессансное знание опирается на тождество и подобие, классическое знание – не только на тождество, но и на противопоставление, то основой современного знания выступает язык, обладающий собственным бытием, отличным от бытия мысли. М. Фуко не стало 40 лет назад, и эпистемное пространство претерпело существенные изменения. Является ли актуальная эпистема результатом третьего «взрыва»? На этот вопрос философ уже не даст ответа. Но наблюдение над бытием слов и вещей, возможно, позволит выявить некоторые направления познания, свойственные актуальной эпистеме. Следует обратить внимание на то, что человеку и его роли

¹ См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Эпистема [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/152/epistema.htm> (дата обращения: 20.06.2024). Далее: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Эпистема.

² М. Фуко выделили три эпистемы: *ренессансную* (XVI в.), *классическую* (XVII–XVIII вв.) и *современную* своей эпохе (XX в.).

³ См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Эпистема.

в познании в качестве субъекта или объекта М. Фуко уделял важное место.

Современная эпистемная реальность имеет общее с видами знаний, описанными М. Фуко. Все виды знаний разрабатывались с одной целью, которая уже была упомянута выше. Это цель – выживание человека во внешней среде. Согласно современным представлениям о векторах актуальной эпистемы, которые описаны С. С. Гусевым, достижение этой цели и сегодня возможно только при одновременном решении двух задач. Первая задача состоит в поиске «способов управления процессами, происходящими в окружающей действительности», вторая «обусловлена стремлением создать правила, регулирующие человеческие действия» [10, с. 10] (ср. *социокод* по В. С. Степину).

Современный человек находится в центре мироустройства: будучи сам материальным объектом природы, он создаёт вокруг себя среду, наполненную идеальными и материальными (природного и неприродного происхождения) объектами, являющимися продуктами его познавательной и созидательной деятельности. Современность вносит определённые коррективы в традиционную диаду материальное – идеальное. Материальное это – свойство природы, идеальное – это свойство человеческого разума, но есть ещё и цифровое. Цифровое – это свойство искусственного разума, созданного человеком.

Итак, человека, а точнее группу людей, которые объединены общностью языка, окружает внешняя среда, наполненная материальным и нематериальными объектами трёх видов: непознанными, познанными и созданными человеком в процессе его идеальной или материальной деятельности. Познанные и созданные объекты, независимо от того, являются они материальными или идеальными, референтны по отношению к языку. Назовём их *референтными реалиями*. Референтные реалии неприродного происхождения могут быть: надбио-

логическими сущностями, способами человеческой жизнедеятельности, продуктами материальной и интеллектуальной деятельности, представлениями о мире, его ценностях и нормах, регуляторами общественных отношений. Если в ходе познавательного или созидательного воздействия человека на окружающую среду в ней происходят изменения, то они закономерно осмысляются при помощи языковых средств (идеальных понятий) – *языковых реалий*. Языковым реалиями присваивается имя – *номинат*, который имеет материальную форму (звуковую, графическую, жестовую) в человеческом языке. Материальный номинат реалии это – сигнал или своего рода ключ, который открывает доступ к содержанию понятия в его соотнесённости с референтной реалией.

При этом человеческий язык и мышление дают возможность формировать понятия разного вида: понятия о сущности, о формах движения, о свойствах сущностей и свойствах форм движения, – что находит воплощение в отборе соответствующих номинатов, относящихся к различным лексико-грамматическим категориям. Номинатами могут быть имена существительные, глаголы, имена прилагательные и наречия. Иными словами, знания об объектах действительности и их свойствах хранятся в языке в виде *языковых реалий* (идеальных понятий) и их материальных (звуковых, графических, жестовых) номинатов (*номинатов реалий*).

Изменения внешней среды, т. е. состава идеальных, материальных и цифровых, познанных или созданных объектов, приводят к появлению *новых* референтных реалий, требующих осмысления и фиксации в языке при помощи имени-сигнала. Традиционно этот процесс называется неологизацией, а его итог – неологизмом (новым номинатом, или номинатом новой референтной реалии), т. е. новой лексической единицей языка. В зависимости от того, какую сторону именуемых объ-

ектов действительности они обозначают, неологизмы приобретают форму имени существительного или имени прилагательного, глагола или наречия (см выше). Одним словом, неологизмы соотносятся не только с объектами внешней среды, но и с их свойствами и признаками.

Поскольку мир, окружающий человека, динамичен, как и отражение этого мира в мышлении и в языке, постольку проблема неологизации новых референтных реалий неисчерпаема. Исследования, посвящённые решению этой проблемы, не теряют и не потеряют актуальности никогда. Проблема эта вечная в самом прямом смысле, и, по крайней мере, будет таковой, пока существует человек, его внешний и внутренний миры.

Эпистемологическая модель неологизации во французском языке

С развитием цифровых технологий наблюдения над процессами неологизации приобрели более непосредственный характер. Конечно, полевые исследования велись всегда. Но лингвисты находились в ожидании лексикографической фиксации номинатов новых референтных реалий. Проходили десятилетия, и результаты исследований автоматически и закономерно приобретали диахронический характер.

Современные электронные и онлайн-словари не только быстрее «реагируют» на изменение реальности, но и позволяют пользователям самим принимать участие в их редактировании.

Примером такого словаря является платная электронная версия «Le Petit Robert de la langue française» (далее – Petit Robert), созданная на новой платформе в 2018 году и, по утверждению разработчиков, подвергающаяся обновлению в непрерывном режиме¹. Этот словарь напрямую, через систему гиперссылок

связан с одноимённым онлайн-ресурсом. Опыт использования данного словаря для дидактических и лингвистических целей показывает, однако, что динамичность словаря, его постоянное редактирование – скорее желаемое, чем действительное. За пять лет обращения к его ресурсам никаких видимых изменений не произошло.

Вместе с тем разработана платформа, на которой публикуются досье издательства Petit Robert в формате PDF, в частности подборки неологизмов со словарными дефинициями. Уже сейчас существует доступ к документу, где представлены французские неологизмы 2024 года². На основе данного материала отечественные лингвисты имеют возможность проводить изучение неологизмов современного французского языка. Примером может служить работа И. И. Кушаковой (2023), посвящённая анализу словообразовательных особенностей неологизмов [3].

Поскольку французский язык существует в совокупности своих вариантов, то источниками пополнения системы французского языка новыми номинатами являются и эти варианты тоже (например, канадский неологизм *accorderie nf 'Réseau d'échange de services entre habitants (→ accordeur) d'un même quartier'*, швейцарские *calure nf 'Personne très instruite ou très compétente, reconnue dans son domaine'* и *ébriquer vt 'Casser, mettre en morceaux'*).

В данной работе представлены номинаты новых референтных реалий из указанных электронных версий словаря Petit Robert. С опорой на изложенное выше выдвигается предположение, что появление новых референтных реалий может быть обусловлено рядом факторов, перечень которых инструментален для данной работы, но, объективно, не является исчерпывающим:

¹ Petit Robert of the French language. Digital version. – 2018. – License of I. V. Kharitonova: date 02.02. The sequence number is 2-841587981: – Текст: электронный.

² Les mots nouveaux du Petit Robert 2024: dossier de presse. [Электронный ресурс]. URL: <https://manuscritdepot.com/Petit-Robert-2024.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).

- новое знание о материальных объектах действительности;
- новое знание об идеальных объектах действительности;
- новые материальные объекты действительности;
- новые идеальные объекты действительности;
- новые цифровые объекты действительности;
- новые свойства материальных объектов действительности;
- новые свойства идеальных объектов действительности;
- новые свойства цифровых объектов действительности;
- новые формы социальных отношений;
- новые виды деятельности / новые формы поведения;
- новое отношение к объектам действительности и проч.

Каждый из этих факторов определяет вид референтной реалии. На предложенном основании может быть построена эпистемологическая модель классификации номинатов новых референтных реалий.

Отбор и систематизация языкового материала позволили получить результаты, которые проиллюстрированы следующими примерами.

Новый, созданный человеком материальный объект в виде референтной реалии «новый химический элемент» осмыслен в форме языковой реалии «искусственный радиоактивный элемент с атомным номером 113, созданный в Японии» приобрёл номинат (*'нихоний' по-русски*). Интересно, что вначале эта референтная реалия именовалась как *унутрий (unutrium lat.)*. Данный пример демонстрирует отсутствие прямой связи между новым знанием и его номинатом, потому что новое знание относится к области синтеза данного химического элемента, а сам элемент – это уже результат созидательной деятельности человека. К номинатам референтных реалий данного вида отно-

сятся также: *néonicotinoïde nm, chatbot nm, pavlova nf, écopont nm, biocombustible nm, écomatériau nm, spoiler nm*.¹

Новый, созданный человеком цифровой объект. Примером референтной реалии данного вида служит языковая реалия «Univers virtuel tridimensionnel persistant qui offre à ses utilisateurs, représentés par des avatars, une expérience interactive et immersive», имеющая номинат *métavers / metaverse nm*. К номинатам «новых цифровых объектов» следует отнести и неологизмы *crypto-art / crypto art nm, infonuagique nf/adj*.

Новое знание о материальном объекте действительности представлено языковой реалией «Ensemble des univers possibles» и её номинатом *multivers nm*. В отличие от предыдущего примера данная референтная реалия соотносится с развивающейся научной теорией, обосновывающей существование мульти-, мега- или гипервселенной как гипотетического множества возможных вселенных.

Данная референтная реалия представлена и цифровыми объектами. Например, южнокорейская реалия «онлайн-комикс» легла в основу формирования языковой реалии «Bande dessinée sud-coréenne publiée en ligne» и её номината *webtoon nm*.

К реалиям данного вида формально отнесём и результаты обыденного познания – инокультурные референтные реалии. Примечательно, что речь идёт об объектах кулинарии, которые были «открыты» франкофонами. На основе опыта сформировались соответствующие представления об этих объектах, закреплённые в языковых реалиях. В качестве номинатов были выбраны, фонетически адаптированы и интегрированы в систему французского языка иноязычные наименования этих объектов: *bredele nm/pluriel, chia nm, gomasio nm, teriyaki nm*,

¹ Здесь и далее механизмы словообразования неологизмов не рассматриваются. Данный вопрос относится к перспективе дальнейших исследований.

babka nf, cougnou nm, kebbé / kebbeh nm, poké / poke nm.

В качестве примера можно привести и валлонскую языковую реалию «Cage où l'on renferme les oiseaux» с номинатом *gayolle / gayole nf.*

Новые свойства объектов действительности. Формирование и использование английского языка с новыми свойствами привело к осмыслению языковой реалии «Anglais au vocabulaire limité et à la syntaxe élémentaire, employé comme langue véhiculaire» и её номинации при помощи неологизма *glofish nm.*

Референтные реалии, определяемые новыми функциями / свойствами цифровых объектов представлены во французской неологии номинатами: *autocomplétion nf, bloqueur nm, cyberdéfence nf, infobésité nf.*

Человек также является объектом действительности, обладающим рядом специфических свойств, сочетание которых носит прежде всего индивидуальный характер. Осмысление этих свойств – обобщение, выделение устойчивых универсальных комбинаций – приводит к вычленению референтной реалии «свойства личности». Это означает, что в обществе есть индивиды, которые демонстрируют сходные, идентифицируемые сочетанные свойства. В языке за этой референтной реалией закрепляется оценочная (положительная, нейтральная, отрицательная) коннотация, поскольку идентификация людей с некоторой совокупностью личностных качеств, вероятно, обладает ценностной социальной значимостью. Примерами неологизации таких референтных реалий могут служить такие языковые реалии, как «Personne très instruite ou très compétente, reconnue dans son domaine» (номинат *calure nf*) и «Personne incompétente; incapable» (номинат *kletet / clette nf*), находящиеся в отношениях противопоставления, а также «Fam. Personne agressive, animée par la haine, la jalousie» (номинат *rageux adj*).

Новые формы социальных отношений и поведения. Социальные объекты мира человека динамичны и подвергаются формообразующему влиянию среды. Референтными для неологизации являются «способы взаимодействия и объединения людей». К номинатам новых социальных организационных форм следует отнести: *accorderie nf, complosphère nm, animalisme adj/nm.* Вместе с тем возникает и новое отношение определённых групп людей к социальной действительности, которое осмысляется в виде языковых реалий и обретает соответствующие номинаты. Например, за номинатом *antisystème adj/nm* закреплена языковая реалия «Qui s'oppose au système en place», а за номинатом *dégagisme nm* – «fam. Rejet de la classe politique en place, notamment lors d'une élection», используемая пока только в разговорном языке.

Новое отношение к группам индивидов, обладающих некоторыми отличительными свойствами, также подвергается неологизации. Существует референтная реалия «люди с избыточным весом», к этой реалии в обществе формируется определённая «поведенческая позиция», которая также становится референтной реалией, осмысление которой осуществляется в форме языковой реалии «Attitude de stigmatisation, de discrimination envers les personnes obèses ou en surpoids» с номинатом *grossophobie nf.*

Формы поведения также относятся к референтным материальным и идеальным реалиям. Новое социальное устройство и его ценности отражены в идеальных («Ne pas attribuer à (qqn) le genre qui correspond à son identité de genre» (номинат *mégenrer vt*), «Rendre invisible. FIG. Soustraire au regard social» (номинат *invisibiliser vt*), «Rompre soudainement tout contact avec qqn sans fournir d'explications» (номинат *ghoster vt*) и материальных языковых реалиях («Encercler, retenir (des manifestants) par un cordon d'agents des forces de l'ordre» (номинат *nasser vt*)).

Обретают свои обозначения и «новые социальные практики». Так, языковая реалья «Pratique qui consiste à incarner un personnage de fiction (manga, film d'animation, jeu vidéo, etc.)» соотносится с номинатом *cosplay nm*.

Новые виды деятельности. К возникновению референтных реалий данного вида приводит процесс приспособления и изменения человеком окружающей среды для обеспечения выживания и комфортного существования. Так, в результате языкового осмысления появляются номинаты *doula nf*, *aquaphonie nf*, *parcours nm*, *wingfoil nm*.

Заключение

В ходе проведённого исследования получены следующие теоретические и эмпирические результаты.

Неологизация как явление естественного человеческого языка связана с социокодом культуры, в составе которого выполняет описательную и созидательную функции. Неологизация сопровождает познавательную и творящую деятельность человека, фиксирует при помощи номинатов, осмысливает посредством языковых реалий изменяющийся внешний и внутренний мир человека, представленный совокупностью объектов различной природы – референтными реалиями.

Неологизация опосредована, таким образом, структурой человеческого знания и имеет эпистемические основания,

что позволяет построить соответствующую модель классификации новых слов в языке. Выделенные в начале исследования виды референтных реалий соотносятся с видами новых знаний, приобретаемых социумом в ходе жизнедеятельности, реализации форм поведения и взаимодействия.

Выявлено, что в современной французской неологии знание представлено как научными, так и обыденными понятиями, референтно соотносёнными с новыми объектами действительности и их свойствами. Эпистемически основными направлениями («champs» по М. Фуко) познания, реализуемыми посредством современного французского языка, являются реалии различной природы: объективная окружающая действительность, цифровая действительность, социальная действительность и инокультурная действительность.

Материал исследования показал, что референтные реалии могут не только объективно существовать, но и представлять собой результат осмысления, отражая отношение человека к объектам действительности и их свойствам (ср. М. Фуко: слово – знак в системе знаков, который замыкается сам на себе). Осознание наличия референтных реалий обусловлено их осмыслением в языке. Наблюдение над процессом неологизации позволяет получить подтверждение верности идеи о том, что язык задаёт образ окружающего мира, расчленяет и воссоздаёт его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скуратов И. В. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain* = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография (на франц. языке); 2-е изд. М.: МГОУ, 2021. 154 с.
2. Скуратов И. В., Дюмон П. А. Неология: процессы создания новых наименований во французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 196–204.
3. Воскресенская Н. А., Гулик О. О., Малышева Т. С. Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 44–61. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61.
4. Кушакова И. И. Неологизмы в современном французском языке (словообразовательный анализ словаря «le Petit Robert 2022») // Филологический аспект. 2023. № 6 (98). С. 74–81 [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/neologizmy-v-sovremennom->

- frantsuzskom-yazyke-slovoobrazovatelnyj-analiz-slovyara-le-petit-robert-2022.html (дата обращения: 20.06.2024).
5. Онущенко Н. М. Англицизмы и их французские эквиваленты в сфере IT-терминологии во французском языке // Актуальные проблемы германо-романской филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2021. С. 50–55.
  6. Калькирование англоязычных устойчивых словосочетаний как один из продуктивных способов заимствования в современном французском языке / Н. П. Минова, И. С. Казимилова, Г. И. Мамукина, А. В. Федорова, С. Е. Супрунов // Филология: научные исследования. 2020. № 2. С. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32352.
  7. Каган М. С. Философия культуры: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 353 с. (Серия: Высшее образование) [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/538666> (дата обращения: 19.06.2024).
  8. Степин В. С. Человеческое познание и культура. СПб.: СПбГУП, 2013. 140 с.
  9. Foucault M. *Les Mots et les choses*. Paris: Gallimard, 1990. 404 p.
  10. Гусев С. С. Векторы познания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 3. С. 10–15.

REFERENCES

1. Skouratov, I. V. (2021). *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain*. Moscow: Moscow Region State University publ.
2. Skuratov, I. V. & Dumont, P. A. (2020). Neology: Processes of creating new names in French. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10 (839), 196–204.
3. Voskresenskaya, N. A., Gulik, O. O. & Malysheva, T. S. (2022). Semantic Typology Pandemic Vocabulary: Covid Neologisms in English, French and German. In: *Scientific Dialogue*, 11 (3), 44–61. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61 (in Russ.).
4. Kushakova, I. I. (2023). Neologisms in Modern French (word-formation analysis of the dictionary «le Petit Robert 2022»). In: *Philological aspect*, 6 (98), 74–81. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/neologizmy-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke-slovoobrazovatelnyj-analiz-slovyara-le-petit-robert-2022.html> (accessed: 20.06.2024) (in Russ.).
5. Onushchenko, N. M. (2021). Anglicisms and their French equivalents in the field of it terminology in French. In: *Current issues of Germanic-Romance philology and methods of teaching foreign languages*. Kolomna: State University of Humanities and Social Studies publ., pp. 50–55 (in Russ.).
6. Minova, N. P., Kasimirova, I. S., Mamukina, G. I., Phedorova, A. V. & Suprunov, S. E. (2020). Calquing of the english-language collocations as one of the productive ways of borrowing in the modern French language. In: *Philology: Scientific Researches*, 2, 1–14. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32352 (in Russ.).
7. Kagan, M. S. (2024). *Philosophy of Culture*. Moscow: Yurait publ. (Series: Higher Education). URL: <https://urait.ru/bcode/538666> (accessed: 19.06.2024) (in Russ.).
8. Stepin, V. S. (2013). *Human knowledge and culture*. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions publ. (in Russ.).
9. Foucault, M. (1990). *Les Mots et les choses*. Paris: Gallimard.
10. Gusev, S. S. (2013). Vectors of Knowledge. In: *Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relations*, 3, 10–15 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харитоновна Ирина Викторовна (г. Москва) – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. В.Г. Гака Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета;
ORCID: 0009-0004-4226-2073; e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su

Беляева Екатерина Евгеньевна (г. Москва) – кандидат культурологии, доцент кафедры романских языков им. В.Г. Гака, заместитель директора Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета;
ORCID: 0000-0002-7974-8198; e-mail: ee.belyaeva@mpgu.su

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Kharitonova (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Romance Languages named after V. G. Gak, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;
ORCID: 0009-0004-4226-2073; e-mail: iv.kharitonova@mpgu.su

Catherine E. Belyaeva (Moscow) – Cultural Studies PhD, Associate Professor, Department of Romance Languages name of V. G. Gak, Deputy Director, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University;
ORCID: 0000-0002-7974-8198; e-mail: ee.belyaeva@mpgu.su

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 72.2.020.05 В 2024 ГОДУ

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.05 IN 2024

Докторский диссертационный совет 72.2.020.05, работающий на базе лингвистического факультета Государственного университета просвещения (ранее – МГОУ) после реорганизации, вызванной изменением номенклатуры научных специальностей ВАК, продолжил в 2024 г. свою интенсивную работу. В совете проходят защиты по объединённой, широкой по научному охвату научной специальности – 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. За год в совете было защищено 16 кандидатских диссертаций. Основную часть работ (13) представили аспиранты лингвистического факультета Государственного университета просвещения, 3 работы были защищены сторонними соискателями: одну из них представил гражданин КНР, аспирант Бурятского государственного университета, 2 работы – аспиранты Московского городского педагогического университета.

Тематика работ представляла собой широкий спектр актуальных проблем данной специальности.

Среди них такие исследования, как работа Л. С. Мальцевой (научный руководитель д. ф. н. профессор А. Е. Гусева) «Лингвокогнитивное моделирование лексико-фразеологического поля “Общение”: национально-культурный и лексикографический аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков)», целью которой было создание лингвокогнитивной модели концепта «Общение» методом ЛФП языковыми

средствами трёх языков – английского, немецкого и русского, выявление национально-культурной специфики исследуемого концепта и реализация модели в лексикографическом аспекте в виде фрагмента учебного лексико-фразеологического словаря.

Под руководством д. ф. н., профессора Э. А. Сорокиной были защищены две кандидатские диссертации. Работа А. Н. Смирновой «Сопоставительный антропологический анализ многозначных лексем», научная новизна которой заключается в комплексном антропологическом анализе лексем *область* и *region* в русском и в английском языках, при этом выявлены изменения, происходящие в сознании человека, путём исследования семантической структуры неоднозначных лексем *область* и *region* на разных этапах развития языка. В работе Е. С. Рулевской «Особенности вербализации понятия “художник” в английском и русском языках» определена степень эквивалентности английских и русских лексем, номинирующих четыре видовые понятия, относящиеся к родовому понятию «художник», и выявлены процессы семантизации и десемантизации, влияющие на статус слова / термина.

Также две кандидатские диссертации были защищены под руководством д. ф. н., доцента Н. А. Ахреновой. Работа П. И. Гальцова «Противопоставления как средства реализации комического в дискурсе стендап-комедии» написана на новом, ранее не исследованном матери-

але – текстах стендап-комедии, охарактеризован дискурс стендап-комедии как жанра юмористического дискурса. Также в рамках дискурс-анализа написана работа А. Д. Бобр «Маркеры вербальной агрессии в комментариях пользователей социальных сетей», где изучены, классифицированы и сопоставлены маркеры вербальной агрессии в русском и английском языках в интернет-коммуникации на материале комментариев пользователей социальных сетей ВКонтакте и Telegram.

Д. ф. н., профессор И. Г. Жирова также подготовила к защите двух аспирантов: Е. С. Бородулину с темой «Лингвокультурологические особенности перевода британского женского романа на русский и французский языки», объектом лингвокультурологического анализа которой стали британские женские романы Викторианской эпохи – Ш. Бронте «Джейн Эйр» и Джейн Остен «Гордость и предубеждение» – и их многочисленные переводы на русский и французский языки; С. А. Сессорову с темой «Прагматическая адаптация при переводе художественного текста, адресованного читателю-ребёнку», объектом исследования которой были литературные сказки и рассказы известного современного американского автора Кейт ДиКамилло, а также их переводы с английского языка на русский.

Две работы были представлены под руководством д. ф. н., доцента Г. А. Сосуновой: диссертация Е. А. Кометиани «Прагма-коммуникативная функция заголовков публицистических текстов железнодорожной отрасли и её реализация на примере английского, французского и русского языков в их сопоставлении» и работа К. Г. Апресян «Дискурсивные характеристики метафоры в текстах финансовой тематики (на примере английского, французского и русского языков)», посвящённые изучению отраслевых текстов разных жанров.

Также две работы были предоставлены под руководством д. ф. н., доцента

И. Н. Филипповой: Л. Ю. Василенко на тему «Дискретность оригинала и перевода в диахронии интерсемиотического перевода (на материале экранизаций сказок А. С. Пушкина)» и М. В. Панковой на тему «Интерсемиотический перевод в типологическом аспекте (по материалам экранизаций произведений А. К. Дойля)». Обе работы написаны в новом, недавно начавшем своё развитие направлении перевода – интерсемиотический перевод.

Под руководством д. ф. н., профессора И. О. Мазирки была защищена работа А. А. Мачулиса «Гендерные особенности политического дискурса Уэльса», объектом исследования которой стали собственно тематика политического дискурса представителей правящей партии Уэльса, средства выразительности на лексическом и синтаксическом уровнях, а также синтаксические конструкции с личными местоимениями, используемые анализируемыми политиками в их дискурсе, согласно выбранным этими политиками стратегиям и тактикам ведения политической коммуникации на территории Уэльса (Великобритания).

Впервые в совете была защищена кандидатская диссертация соискателя из Сирийской арабской республики Зияда Хамады (научный руководитель д. ф. н., профессор О. И. Максименко) на тему «Сравнительно-типологический анализ форм сослагательного наклонения в арабском и русском языках», целью этого исследования было заполнение теоретических лакун при изучении сослагательного наклонения и его особенностей в арабском и русском языках, исследование основных принципов, сходств и различий реализации данного наклонения в означенных языках.

Соискатель из Китайской народной республики, Гао Цзянго (научный руководитель д. ф. н., профессор Г. С. Доржиева, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова) представил исследование «Китайские га-

стронимы в лингвокультурологическом и ономазиологическом аспекта», научная новизна которого состояла в том, что китайские гастронимы впервые в российской и китайской науке были исследованы в лингвокультурологическом и ономазиологическом аспектах, впервые был использован интегративный подход к анализу китайских гастронимов. Данный ареал онимической лексики ранее не рассматривался в российской и китайской науке ни в лингвокультурологическом, ни в ономазиологическом аспектах. Обширный материал исследования углубляет и дополняет социально-исторические и этнокультурные сведения о Китае.

В этом году в совете были защищены две кандидатские диссертации соискателями Московского государственного педагогического университета: Е. С. Гришениной на тему «Лингвокультурный концепт “свобода” в английских, французских и русских поговорках (на материале речи политиков XX-XXI веков)» (научный руководитель д. ф. н., профессор Л. Г. Попова) и А. А. Поташовой на тему «Лексико-семантическая представленность концепта “справедливость” в английском и русском языках» (научный руководитель д. ф. н., профессор Л. М. Шатилова).

В качестве коллективного оппонента (ведущей организации) диссертационные работы рецензировали такие вузы, как Алтайский государственный университет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Волгоградский государственный социально-педагогиче-

ский университет, Ивановский государственный университет, Кубанский государственный университет, Московский городской педагогический университет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Томский государственный научно-исследовательский университет и др.

Оппонентами по защищаемым в совете диссертациям выступали ведущие специалисты в области теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики – доктора филологических наук, профессора Н. Д. Бородулина (Тамбовский государственный технический университет), А. Я. Волкова (РУДН), Т. Г. Добросклонская (МГУ им. М. В. Ломоносова), В. А. Ильина (РосНОУ), О. И. Калинин (Военный университет МО РФ), М. И. Киосе (МГЛУ), О. А. Леонтович (ВГСПУ), И. А. Лиходкина (Военный университет МО РФ), З. Г. Прошина (МГУ им. М. В. Ломоносова), Н. И. Степыкин (НИУ МЭИ) и многие др.

Представленные на защиту исследования неизменно вызвали научный интерес членов совета и сопровождались широкими дискуссиями.

Благодаря эффективной работе репутационный уровень докторского диссертационного совета 72.2.020.05 очень высок, и уже назначен ряд защит на 2025 г., включая работы выпускников аспирантуры лингвистического факультета Государственного университета просвещения. Всё это подтверждает научную состоятельность и значимость научной лингвистической школы лингвистического факультета Государственного университета просвещения.

Максименко Ольга Ивановна доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения, председатель докторского диссертационного совета 72.2.020.05;

Мигдаль Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения, учёный секретарь докторского диссертационного совета 72.2.020.05

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ 72.2.020.04 РАСШИРЯЕТ ГЕОГРАФИЮ СОИСКАТЕЛЕЙ

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.04 EXPANDS THE GEOGRAPHY OF APPLICANTS

Важным показателем научной деятельности современных университетов считается наличие диссертационных советов, эффективность работы которых определяется как активной и результативной научной деятельностью членов совета, так и качеством проводимых защит. На базе Государственного университета просвещения успешно функционируют 8 диссертационных советов по различным научным специальностям.

Одним из старейших советов вуза по праву можно назвать диссертационный совет 72.2.020.04, созданный более полувека назад и по сегодняшний день работающий на факультете романо-германских языков Государственного университета просвещения. Совет проводит защиты докторских и кандидатских диссертаций по научной специальности: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские языки; романские языки).

Около 50 лет совет возглавляла доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Наталия Михайловна Васильева, под руководством которой было защищено более 70 диссертаций, включая 4 докторских. Начиная с 2020 г. совет успешно работает под руководством доктора филологических наук, профессора, Почётного работника высшего профессионального образования РФ Левченко Марины Николаевны. Членами совета сегодня являются такие известные ученые в области германских и романских языков, как доктора филологических наук, профессора И. Г. Жирова, И. В. Скуратов, Н. Г. Епифанцева, А. Е. Гусева, А. В. Аверина, Е. И. Бойчук, Е. В. Бирюкова, Г. В. Овчинникова, а

также молодые исследователи, доктора филологических наук А. А. Боронин, А. А. Балута, А. Ю. Соколова.

В 2024 г. в диссертационный совет были представлены и успешно защищены шесть кандидатских диссертаций. Примечательно, что с каждым годом география представленных к защите исследований расширяется, что, несомненно, свидетельствует об известности совета в научных кругах. В 2024 г. в совет обратились соискатели из таких городов, как Томск, Иваново, Набережные Челны, Елабуга и, конечно, Москва.

Тематика представленных диссертаций достойна особого внимания, так как отражает широкий спектр актуальных проблем по германским языкам, в частности немецкому и английскому. Диссертанты традиционно проявляли научный интерес к исследованиям в области лексикологии, в первую очередь терминологии и социолингвистики.

Так, диссертация «Экспликация ресурсами языка гендерных стереотипов о женщине в современных немецких анекдотах» была представлена внешним соискателем А. С. Уховой, преподавателем Института профессионального развития ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». Научным руководителем по данной работе выступила д. филол. н., профессор Бабаева Раиса Ивановна. Автором работы проведено глубокое исследование языковых средств, отражающих гендерные стереотипы в немецких феминных анекдотах. Несомненным достоинством работы является выявление феминных номинаций и соответствующих им лингвокультур-

ных типажей, характерных для немецкой смеховой культуры.

Новая полоса изысканий в области терминологии представлена в диссертации «Особенности терминологий новых наук (на материале английской терминологии перфузиологии)» соискателя А. Ю. Балашовой, учителя английского языка в ГБОУ школа 1981 г. Москвы. Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» под чутким руководством д. филол. н., профессора Сорокиной Эльвиры Анатольевны, специалиста в области терминологии. В диссертации представлен лингвистический анализ этимологии, формы и семантики терминов в предметной области «Перфузиология» с целью выявления главных механизмов и способов формирования её семиотико-терминологической основы.

К области стилистических исследований можно отнести диссертацию «Формы и функции гендиадиса в английском языке» внешнего соискателя А. В. Макаровских, преподавателя ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». Научным руководителем выступил д. филол. н., профессор Кобенко Юрий Викторович. Диссертация посвящена исследованию структурно-системных и функциональных особенностей гендиадиса в системе английского языка в диахроническом и синхроническом аспектах. Несомненным достоинством работы является корпус гендиадисных единиц, составленный в соответствии с разработанными автором критериями отбора.

В русле грамматических и дискурсивных исследований выполнена работа соискателя О. Ф. Серебровой, преподавателя ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Исследование на тему «Функции дискурсивных маркеров в текстах различных функциональных стилей (на материале немецкого языка)» было проведено под руководством д. филол. н.,

профессора Авериной Анны Викторовны в ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Автору удалось представить немецкие дискурсивные маркеры как дифференцированный класс слов, раскрыв их роль в реализации речевых стратегий и описав функции в текстах различных функциональных стилей.

Изучением грамматической категории модальности занимается И. А. Щербакова, преподаватель Елабужского института ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» под руководством д. филол. н., доцента Шакировой Резеды Дильшатовны. Диссертация «Модальность достоверности в реализации коммуникативных стратегий (на материале английского языка)» была выполнена в ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Исследование направлено на выявление специфики модальности достоверности с точки зрения её участия в реализации коммуникативных стратегий информирования, убеждения, утешения, обмана и репрезентирующих их тактик на материале английского языка.

Актуальными остаются исследования и в области лингвистики текста. Исследование на тему «Лингвистические аспекты языковой личности нарратора (на материале английского языка)» выполнено А. М. Кузнецовой, соискателем из г. Набережные Челны, под руководством д. филол. н., доцента Асратян Зои Дмитриевны в стенах ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Диссертация посвящена исследованию лингвистических аспектов художественного дискурса, выявлению его модальных составляющих через лингвистические характеристики нарратора. В работе изучаются аспекты надёжности / ненадёжности нарратора, языковые проявления гендерных признаков, а также рассматривается роль языковой личности нарратора в передаче концептуальной информации художественного произведения.

Защищённые диссертации имеют несомненную практическую ценность. Их результаты будут полезны не только лингвистам, но и специалистам смежных гуманитарных направлений: журналистам, психологам, социологам, рекламодателям и др. Благодаря актуальной тематике и высокому уровню выполнения исследования вызвали живой интерес членов совета – все защиты сопровождались большим количеством вопросов и глубокими научными дискуссиями.

В качестве ведущей организации диссертации рецензировали ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» и ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Первыми оппонентами по защищаемым диссертациям выступили ведущие специалисты по германским языкам – доктор филологических наук, профессора В. И. Карасик (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина»), А. М. Амаатов (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»), В. А. Иконникова (ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»), Е. А. Никули-

на (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»), Е. А. Огнева (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»), И. А. Шипова (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»), вторыми оппонентами – кандидаты филологических наук, доценты Е. П. Попова (ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»), С. В. Мухин (ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»), М. В. Томская (ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»), Л. Е. Беляева (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»), В. Д. Иванов (ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»)

На 2025 г. в диссертационном совете 72.2.020.04 уже запланированы защиты соискателей из разных регионов России, в том числе работы выпускников аспирантуры факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения. Качество и высокий уровень проводимых выпускниками исследований во многом определяется наличием в университете научных школ по германским и романским языкам.

Ждём новых интересных и актуальных исследований в области германских и романских языков для защиты в диссертационном совете 72.2.020.04 при Государственном университете просвещения.

Левченко Марина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и романской филологии Государственного университета просвещения, председатель диссертационного совета 72.2.020.04;

Первак Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения, учёный секретарь диссертационного совета 72.2.020.04;

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2024. № 6

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор М. С. Тарасова

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 28.12.2024 г. Дата выхода в свет: 10.01.2025 г. Заказ № 2024/12-09.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2